

ПОГРЕБЕННЫЕ

Иван Шаман

Цикл "100 лет апокалипсиса"

Мир рухнул под натиском человеческого гения и человеческого безумия. Миллиарды погибли во всепоглощающем Последнем теракте. Но человечество выжило. Пройдя через десятилетия битв, боли и тьмы, оставшиеся на земле государства заключили мир, которого никто не ожидал.

Группа вольных наемников проникает на территорию зверолодей, чтобы добыть в довоенном подземном комплексе регулятор для термоядерного реактора. Осознанно идя на нарушение мирного договора, они готовы столкнуться с любыми опасностями, чтобы спасти плавучий остров и сотни тысяч жителей.

Однако комплекс окружен километрами хищных джунглей и совсем не заброшен.

Глава 1. Рассвет

Ещё минуту назад чистое ночное небо заволочло тонкой пленкой серых облаков. Звезды начали меркнуть и теперь казались мутными пятнами. Джонатан стоял, чуть сгорбившись под тяжестью черной технологической моторизированной брони с эмблемой на груди в виде двух пересекающихся треугольников. Батареи сервомоторов давно сели, и вместо того, чтобы поддерживать броню невесомой, при каждом движении глупо щелкали своими реле.

Он устал, господи, как он устал. От бесполезных действий, от вечно серого неба, от боли в указательном пальце из-за слишком сильного спускового крючка, от быстро садящихся батарей брони и уже в третий раз урезанного продовольственного пайка. Уже которую неделю не он проходил очищение, а приказы старших братьев казались все абсурднее.

Его шлем с системой управления стимуляторами валялся в паре метров, но сил до него дотянуться уже не было. Чуть покачнувшись, Джонатан наклонился и упал на бок, затем перевернулся на спину. Но вместо столь желаемых звезд на небе были серые облака: они заполняли собою все небо, слой за слоем, накатывая, будто накрывая пыльным одеялом. Не в силах больше выносить эту гнетущую бескрайность, он впервые за долгое время обратил внимание на человека, сидящего неподалеку на гряде оплавленных камней.

Будто вырезанный из темно-зеленого камня, тот казался ожившей статуей и на человека был похож не очень. Шишковатые образования почти скрывали руки от пальцев до локтей, всё тело, кроме головы, покрывала толстая чешуя, похожая на панцири тысяч крупных жуков, не скрывавшая атлетическую мускулатуру, из-за спины выглядывали длинные прозрачные крылья. Только лежащий рядом шлем — голова диковинного насекомого с тысячей глаз, подсказывал, что всё это не более чем органическая броня. Панцири иногда шевелились, будто идя волнами, бугры на руках и ногах пульсировали, а крылья произвольно вздрагивали совсем не в такт движениям человека. Зеленоватая кожа на лице, коротко остриженные волосы и щетина цвета водорослей на острых скулах казались окрашенными, однако Джонатан знал, что это естественный цвет зооморфов.

— Тебе не жарко на них сидеть? — спросил Джонатан, с трудом ворочая языком и показывая глазами на камни.

— Нет, нормально. — Человек вопросительно поднял брови. — Хочешь поговорить?

Он тоже явно устал. Крупнокалиберный револьвер Джонатана человек положил себе на колено и придерживал правой рукой. В левой руке у него были малахитовые четки, он медленно перебирал их.

— Да, если ты не против.

Мужчина на камнях коротко кивнул.

— Ты христианин?

— Что? А, ты про четки. Нет, мне просто понравился цвет: лаконично и не выбивается из общей системы.

Они помолчали немного.

— Меня зовут Алексей, а тебя?

— Джонатан. — чуть подумав, он добавил: — Старший сержант второго механизированного полка города Дианета, Джонатан Левски, личный номер...

— Не надо, — поморщившись, прервал его Алексей. — Ты же понимаешь, в плен я тебя брать не буду. То, что мне пришлось гнаться за вашей группой почти неделю, не значит, что я нарушу приказ и оставлю тебя в живых. Это зеленая зона, и ты это прекрасно знал, судя по тому, как сопротивлялся. — Он махнул рукой с четками, делая полукруг и указывая на выжженную землю, из которой торчали только обгоревшие пни и камни.

Да, зеленая зона. Зона, в которой не действует соглашение о ненападении, не летают эвакуаторы ни одной из рас, кроме зеленых, запрещено передвижение без сопровождения, и так далее, и тому подобное. Зона зеленой смерти, как её часто называли в обиходе наёмники и военные. Не только жестокость патрулей заставляла чужаков сторониться этих мест. Не меньшую опасность представляли собой джунгли, где хищные растения кишели стаями ручных и диких плотоядных насекомых и животных.

— Вы нам существенно подпортили экосистему. Придется заново выращивать и рассаживать целый пласт растений, на это не одна неделя уйдет. — Алексей чуть прищурился. — Странно, что вы дошли так далеко, где вы смогли раздобыть целых три разных секреты ферментов? Ведь на вас почти не нападали.

Джонатан улыбнулся краешками губ. Три! Если бы этот зеленый знал, сколько для их разведгруппы на самом деле подготовили планов отступления, отходов, оборудования и этих самых ферментов, то удавился бы от зависти на собственных крыльях. Хотя и он был не так прост. Что их выследили, стало понятно только два дня назад, когда атаки косарей, такого странного симбиоза богомола и паука, стали почти постоянными. Джонатан должен был просто выжечь напалмом эти джунгли и догнать остальных, а вместо этого лежал на импровизированной поляне из пепла и камней.

— Знаешь, Алексей, ведь вскоре все эти наши распри, все эти зеленые, черные, серые и красные зоны могут исчезнуть. Просто люди всей планеты могут сказать: хватит! Давайте жить в мире! Тебе не хотелось бы так сказать?

Алексей неприятно, глухо рассмеялся. Его пальцы сжались на рукояти револьвера так, что слышно было, как потрескивает, сминаясь, верхний слой пластмассы.

— Ты чудной, вольный. Говоришь, все обнимутся и пойдут плясать вместе? Вот так просто, забыв о почти сотне лет непрерывной войны? О тысячах людей, которых превратили в послушные машины, когда Разум осознал себя и взял под контроль почти всё выжившее после технотумы человечество? О ядерных бомбардировках городов и лабораторий, которые устраивали вы, вольные, во славу чистоты человеческого рода: и против нас, и против киберов? Говоришь, просто так исчезнут зоны? Ты хорошо подготовлен, не спорю, но знаешь ли ты, что такое черная зона? Не серые города киберов, а именно черная?

— Да. Да, конечно, знаю! Но ты можешь мне рассказать то, что считаешь верным. — Он закрыл глаза.

Разговора по душам явно не выходило, и шансов выжить было все меньше.

— Что я считаю верным? — Алексей набрал полный легкие воздуха, чуть закашлялся от пыли и гари, сплюнул в пепел на земле. — Чтоб ты знал, я из второй волны. Той самой, которая в девяностых своими телами прикрывала отходы последних гражданских в до этого необитаемые районы. Ты думаешь, что знаешь, что такое черная зона, но это не так. Понять, что это такое, можно только побывав там самому. Чумные с постоянно восстанавливаемыми наномашинами телами, у которых остались только базовые инстинкты, автоматические турели, пушки и дроны, включенные в режим зачистки территории, свихнувшиеся рои

наномашин.

— Не забудь про нескончаемые стаи ваших любимцев, которые пожирают все подряд, даже танки. Резня в Канаде — ваших рук дело, ведь там оставалось множество гражданских, когда вы начали свое очищающее возмездие. Сколько тогда погибло? Сотни тысяч? Миллионы?

— Ну вот видишь. О каком мире может быть речь? Наши взаимные обиды едва дали нам заключить стабильный пакт о ненападении в День Внезапного Мира. И все равно вы лезете на наши территории. А ведь мы даже специально вывели предупреждающее растение, которое светится днем и ночью, недвусмысленно объясняя, что будет с теми, кто нарушит границы.

Алексей легко встал. Он больше не выглядел усталым, движения стали плавными, так что заметить, как и куда он движется, обычным взглядом было почти невозможно.

— Как хочешь умереть? — Спросил он, подойдя почти вплотную к Джонатану и наведя прицел револьвера ему на голову.

— От старости, во сне. — Джонатан улыбнулся: если Алексей не преувеличивал, и он действительно из второй волны, то ему больше девяноста лет, люди перестают следить за новинками в таком возрасте, это был его шанс. — Спуск тугой. Заканчивай уже, меня ждут друзья.

Алексей слегка кивнул и нажал на спусковой крючок. Сканер ДНК на рукояти давно отметил отсутствие стрелка в базе пользователей оружия и, согласно инструкции, при нажатии на спуск запустил программу самоуничтожения. Направленным взрывом Алексею оторвало руку, осколки рукояти ударились о броню, множество из них впилося в незащищенное лицо, порвало вострепнувшиеся крылья.

Не мешкая ни секунды, Джонатан кинулся к своему шлему. В длинном прыжке он схватил его, и в спешке нахлобучивая на голову, услышал за спиной полужвериный рев. Оглядываться было некогда. Джонатан включил подачу в организм боевого коктейля из стимуляторов, болеутоляющих препаратов и восстанавливающих наномашин. Тело выгнуло дугой, и он непроизвольно упал на одно колено, что спасло ему жизнь. Прямо над головой прошелестел тонкий полупрозрачный углеродный клинок, освещаемый изнутри ярко-зелеными венами, живой алмаз. Капли кислоты, слетавшие с клинка, зашипели на броне, оставляя небольшие ямочки.

Клинок пошел в обратную сторону наискосок, но Джонатан отскочил и за доли секунды смог разглядеть, во что превратил Алексея взрыв. Правой руки не было по локоть, но кровь уже остановилась, на месте раны была густая иззелена-черная корка. Половина лица была покрыта такой же коркой, и без того короткие волосы обгорели, правый глаз закрывала пленка. Однако зеленый был спокоен и сосредоточен. Все его мышцы вздулись, и, казалось, готовы были лопнуть в любой момент. Вероятно, мышцы Джонатана под броней выглядели так же. Сознание было кристально чистым.

У Джонатана осталось не так много оружия в привычном понимании слова. Огнемет с напалмом он давно бросил, автомат был разрезан пополам при прошлой стычке, а от револьвера, сослужившего ему такую хорошую службу, осталось только покорёженное дуло. Обходя Алексея по широкой дуге, он достал из внутренней секции брони на бедре короткую электропилу, перебирая варианты. Все они были не в его пользу.

Боевой коктейль действует максимум пять-десять минут, затем он упадет абсолютно обессиленный и сможет двигаться только через час, противник же легко продержится в

таком состоянии полчаса, возможно и больше. Хотя сейчас фактор регенерации зооморфа был ограничен, рано или поздно правый глаз восстановится, как и крылья, а значит, нужно все закончить быстро. У него оставалась пара тузов в виде неиспользованных боеприпасов и последней заначки, бить нужно было наверняка.

Запустив левую руку в разгрузочный жилет брони, он достал последний магазин к автомату. Без самого автомата толку от него было немного, но лучше, чем ничего. Джонатан первым бросился в бой, пригнувшись и разведя руки. Его расчет оправдался: парировав клинком нож, Алексей пропустил удар магазином по лицу. Удар коленом в пах был заблокирован, вновь клинки скрестились, но следующий удар Алексей блокировал правым предплечьем.

Теперь в оборону пришлось уйти Джонатану: он старался обойти противника справа и оказаться в слепой зоне, однако Алексей был опытным бойцом, каждое его движение было выверенным, свои ранения он с лихвой компенсировал навыками. Первые удары оказались проверочными, вскоре каждый второй взмах клинка зеленого начал снимать с Джонатана последние бронеэлементы. Пластины лопались с легким щелкающим звуком, поглощая кислоту, выделяемую клинком, и Джонатан с ужасом понял, что его сердце вскоре станет абсолютно беззащитным.

Это была какая-то давно забытая школа фехтования. Алексей безостановочно наносил быстрые сильные колющие и рубящие удары, отскакивая и мгновенно приближаясь к противнику, не давая контратаковать, не оставляя времени на передышку. Казалось, он получал от битвы на клинках удовольствие и моральное удовлетворение. Джонатан надеялся, что это сделает противника уязвимым. Когда Алексей отскочил после очередного выпада, Джонатан бросил в него горсть патронов. Инстинктивно Алексей рубанул воздух перед собой, отмахиваясь от мелких предметов, летящих в голову, и в этот момент лезвие электропилы стремительно врезалось в его правый бок.

Джонатан что есть мочи давил на вгрызающуюся в плоть пилу, стараясь вести её к сердцу. Он перехватил пилу левой рукой, а правой старался блокировать удары Алексея. Ответные удары начали ослабевать, и в какой-то момент начало казаться, что победа уже на его стороне. Алексей упал на левый бок, увлекая за собой противника, резко развернулся вокруг себя и с размахом ударил по лезвию пилы. Цепи не выдержали многократных ударов, лопнули и отлетели в сторону.

Широкая рваная рана через половину торса фонтанировала кровью. Кажущаяся сплошной чешуйчатая броня медленно сползала, закрывая порез. Алексей стоял пошатываясь и внимательно следил за Джонатаном, который, вместо того, чтобы атаковать, пятился. Клинок на руке медленно втягивался в шишковидные наросты, где что-то хлюпало и, казалось, даже чавкало.

Джонатан отошел на расстояние метров десяти и, откинув в сторону бесполезную рукоятку от пилы, резким движением дернул за маленький тросик под левой подмышкой. Тяжелая передняя пластина брони отвалилась и оставила его в легком бронежилете. Прямо на животе была пристегнута маленькая тонкая пистолетная кобура и несколько магазинов к пистолету. Отработанным движением он извлек пистолет из кобуры и взвел его.

— Знаешь, — обратился он к Алексею, — я действительно люблю поговорить. И действительно считаю, что всё это мракобесие — зоны и прочее. Вся эта тьма скоро закончится и настанет рассвет.

Он взял пистолет двумя руками, прицелился, действие стимуляторов кончалось, руки

начали трястись. Выдохнув, он задержал дыхание и увидел, как Алексей в простом жесте выставляет ладонью наружу единственную уцелевшую руку. Он выстрелил в тело как учили и как он сам делал множество раз. Всё еще держа перед собой раскрытую ладонь, Алексей дернулся. Попадание пришлось в грудь, но броня была не пробита. Еще один выстрел, чуть ближе к затягивающейся ране, и снова пулю остановила толстая чешуя. Джонатан выстрелил ещё, на этот раз организм подвел его, он резко выдохнул, и пуля ушла чуть ниже, уткнувшись в землю.

Оставалась минута, может быть, меньше. Нужно было бить наверняка, и он двинулся к Алексею, все силы которого, казалось, были сосредоточены на заращивании раны, на том, чтобы удержаться на двух ногах. Сделав несколько шагов и сосредоточившись на пистолетной мушке, он выстрелил ещё и еще раз. Стало понятно, что зеленый не просто так держит перед собой руку, а защищает лицо-голову. Единственное не покрытое толстой броней место. Тогда Джонатан подошел ещё на два шага, чтобы сделать всё наверняка. Вновь прицелившись в голову Алексея, он замешкался: что-то было не так.

Алексей улыбался краешками губ и смотрел на него двумя вполне зрячими глазами. Внезапно улыбка превратилась в оскал хищных острых зубов, и Джонатан на автомате выстрелил несколько раз подряд, он все нажимал на спусковой крючок, не понимая, что происходит, впад в ступор от этой хищной улыбки полуубитого, израненного человека.

Алексей прищурился, чуть отодвинул ладонь от лица, и резко сжал её в кулак. Тонкая прозрачная игла с огромной скоростью вылетела оттуда, где ещё недавно был длинный и широкий клинок.

Игла пробила легкий бронежилет насквозь, и плотная струя кислоты, летящая за ней, с противным шипением начала разъедать керамику, многослойную защитную ткань, плоть и кости. Джонатан упал. Ему совсем не было больно, он просто переставал чувствовать свое тело участок за участком. Обезболивающее ещё действовало, но смысла в нем не было. Джонатан отчетливо понял, что уже мертв. С трудом поднявшись, Алексей подобрал пистолет и выкинул его. Затем присел у хватающего ртом воздух и стремительно угасающего противника.

— Ты прав: вполне возможно, что вскоре тьма отступит и придет рассвет. Что настанет утро, когда все будут жить не в перманентном состоянии войны, а в худом, но мире. И серые, и зеленые, и вольные. Но пока это время не настало, я буду выполнять свою работу. А ты — ты точно этого не увидишь.

Джонатан умер. Посидев минуту, Алексей закрыл ему глаза и рот, а затем начал снимать с себя броню. После первой мысленной команды с него сползла сколопендра Меченосец, перебирая сотней маленьких лапок. Затем Носитель отцепил свои мягкие, но мощные лапки от его спины и, взмахнув сетчатыми крыльями, опустился на землю. Стая небольших жуков-броненосцев последовала приказу в последнюю очередь, они просто отвалились от тела мелким дождем и посеменили к Джонатану. Сбросив куски погибших питомцев, и оставшись только в коротких шортах, он отошел подальше от тела. Несмотря на свой огромный опыт, он никак не мог привыкнуть к тому, как питаются его симбионты. Через малое время от тела Джонатана не останется даже костей, а если симбионтам понадобится для восстановления какой-то из микроэлементов, содержащихся в броне, тогда они сожрут и её.

Он лег на землю, уперев голову в камень, и начал смотреть на восток. Насытившись, симбионты начнут отдавать пищу его телу и раны затянутся, возможно, даже удастся, не

возвращаясь на базу, отрастить руку. С мыслью, что нужно будет найти оставшуюся группу нарушителей, он уснул.

Пробиваясь сквозь плотные облака серых наномашин, всходило солнце.

Глава 2. Пробуждение

Кромешная темнота взорвалась воем сирены. Его стошнило куда-то вперед, и он понял, что стоит. Стоит, привязанный к металлической кушетке. Пошевелив пальцами, он нащупал под правой рукой кнопку и нажал на неё. Раздался тихий приятный женский голос:

— Внимание, пользователь подтвердил экстренное извлечение. Извлечение произойдет через 3,2,1...

Ремни, сдерживающие его, резко ослабли, и он упал на четвереньки, оказавшись в луже из собственной блевотины и непонятной жидкости. Повалившись без сил набок, он мгновенно задремал, но резкий вой сирены вновь вернул его в отвратительную реальность. Трясущимися пальцами он снял с глаз повязку, и ослепительный красный свет ламп заставил его зажмуриться, зажать глаза ладонью.

Здание легонько подрагивало, а может, это был озноб. Глаза постепенно привыкали к освещению. Он лежал на кафельном полу непонятного цвета, белого или серого — невозможно было понять из-за красной мигающей лампы. Комната была размером три на три метра, в стене рядом с дверью мерцал встроенный терминал, на котором крупными буквами снова и снова пробегала одна и та же надпись.

— Это не учебная тревога, немедленно пройдите в пункт эвакуации. Это не...

Повалившись на спину, он увидел кушетку, к которой раньше был привязан. Она, казалось, выехала из огромного цилиндрического устройства, в голове возникло слово «автоклав». На автоклаве слабо горело информационное табло: 2078 — Борис — 2141. Снова взвыла сирена, уже привычно громко. Она звучала откуда-то извне комнаты.

Рядом с автоклавом была аптечка. На это указывал красный крест и недвусмысленная надпись «аптечка». Борис бы этого не заметил, если бы не красная стрелка, которая на неё указывала, и надпись: «Срочно принять!». Срочно, значит... До неё было метра два, и проползти их оказалось не так просто. Он скользил в луже, и, только вцепившись пальцами в койку, смог подтянуть себя к аптечке. Дотронувшись до коробки с крестом, Борис вскрикнул и попытался отдернуть руку, но слишком медленно. Запястье прочно зафиксировал стальной браслет и прижал к холодному металлическому корпусу ладонью вниз. В тот же миг в руку впились иглы, и Борис провалился в медикаментозный сон.

Он очнулся так же внезапно, как и уснул. Сирена, казалось, гудела уже совсем негромко, и теперь стало понятно, что дрожит не он, а пол под ним. В теле чувствовалась спокойная сила. Браслет больше не сдерживал руку, игл в ней не было. Борис сначала сел, затем неуверенно встал. Он пошатнулся от головокружения и опёрся на корпус автоклава. 2078 — Борис — 2141. Призывно мигающее информационное табло рядом с дверью явно старалось его заинтересовать. Оттолкнувшись от автоклава, в шесть неуверенных шагов он добрался до встроенного в стену десктопа и нажал на единственную мигающую кнопку на экране, кнопку «Помощь». Изображение тут же изменилось, на экране появилась милovidная девушка.

— Добрый день! Мы приветствуем вас в научном центре имени Дмитрия Ивановича Менделеева. В данный момент в здании активирована автоматическая тревога, уровень опасности красный. Вы не прошли авторизацию. Пожалуйста, назовите себя.

Какая, к черту, авторизация, если опасность смертельная?! Собравшись с силами, он

попробовал назваться, но получилось только слабое шипение.

— Борис, — его голос был хриплым и булькающим, а при попытке говорить начало тошнить.

— Извините, в авторизации отказано. Вы не прошли авторизацию. Пожалуйста, назовите себя.

Ах ты, бесчувственная машина, — подумал он, — Меня зову... — дальше он не смог ничего сказать, его вырвало снова. Согнувшись пополам, он отхаркивал синюю жидкость, которая, казалось, никогда не кончится.

— В вашем поведении замечено проявление ПКС синдрома. Для попытки авторизации без идентификации по голосу приложите правую руку к терминалу.

Чертыхаясь про себя, Борис вытер ладонь о халат и приложил к терминалу.

— Авторизация подтверждена. Приветствую вас, Борис Иванович. Вы пробыли в криогенном сне 63 года. Подтвержден ваш статус добровольца-испытателя. Разблокирован отсек одежды и снаряжения, — позади автоклава открылся шкаф с висящей темной одеждой и каким-то чемоданом. — Разблокирован доступ к личным вещам, — чемоданчик тихо щелкнул и приоткрылся. — Разрешен доступ к информации. Уведомляем вас, что в данный момент здание находится в состоянии повышенной опасности. Персонал был эвакуирован 57 лет 3 месяца 6 часов 24 минуты назад.

Кто-то явно допустил ошибку в проектировании интерфейса: просто не могло быть, чтобы все эвакуировались 57 лет назад.

— Биологическая и нанотехническая тревога, отмечены случаи сумасшествия и нанотехнологического заражения мозга. Отмечены случаи суицидов и убийств, отмечены случаи проникновения враждебной фауны, отмечены случаи выхода из строя автоматических защитных систем.

Терминал радостно продолжил длинный список того, что было замечено. И, в общем, картина была не из приятных. Охрана и персонал уже эвакуированы или вышли из этой категории. В здании творится черт знает что. И всё это смертельно опасно. Для полной картины не хватало только пришествия антихриста и нападения инопланетян. Продолжая внимательно слушать, Борис медленно подошел к шкафу и начал одеваться. Одежда была явно великовата: рост подошел идеально, но она висела, где только можно. В чемоданчике лежал небольшой рюкзак. С непонятными коробочками и...кобурой. Он слабо улыбнулся своей запасливости в прошлой жизни. В кобуре был пистолет, а сбоку приторочена запасная обойма.

Автоматическим движением, которое помнили мышцы, он извлек обойму из пистолета. Всего шесть патронов. В запасной — тоже шесть. Значит, на то, чтобы выбраться, у него 12 патронов. Повесив кобурку подмышку, ему пришлось подтягивать ремни — он явно потерял в телосложении. Компьютер всё еще продолжал вещать о положении дел, что-то о политических кризисах и смене руководства, террористических атаках и эпидемиях. О том, что системы внешнего наблюдения и связь с глобальным интернетом пропали 57 лет и сколько-то месяцев назад. Он слегка улыбнулся: ведь явный же бред. Даже если опасность была, скорее всего, это террористическая атака на центр. Одновременно хакерская атака и нападение фанатиков. Но нужно в любом случае быть осторожным. Память неохотно возвращалась. В одной из коробочек в рюкзаке оказалась автоматическая индивидуальная аптечка. Поморщившись, он ввел себе иглы в плечо и закрепил аптечку ремнем на бицепсе. В другой коробочке лежали часы-коммуникатор и гарнитура. В задней стенке рюкзака —

торсовый легкий бронезилет.

Теперь он чувствовал себя значительно увереннее. Встал и направился к терминалу. Спустя секунду уверенность улетучилась. Он поскользнулся на криожидкости и чуть не упал, в последнее мгновение ухватившись за койку.

— Пожалуй, хватит уверенности, — подумал Борис и тихонько по стеночке дошел до терминала. Девушка продолжала вещать, рассказывая о плане здания. Дотронувшись до терминала часами, он скопировал на коммуникатор карту здания со всеми служебными помещениями. В первую очередь нужно добраться до поста охраны. Там гарантированно должна быть связь с внешним миром, да и оружие тоже.

На кнопку открытия двери пришлось жать трижды, соглашаясь с тем, что снаружи опасно, и он сам несет ответственность за свои действия. Судя по карте, слева должен был быть коридор, несколько таких же криокамер, общий лифт и пост охраны. С правой стороны лаборатория наномашин, служебные помещения и служебный лифт. Значит, нужно идти налево.

— Ох, твою ж..., - пронеслось в голове. Сразу за дверью начинался завал, который полностью перекрывал левую часть коридора. С правой стороны завал доходил почти до потолка, и только красные отблески сирены позволяли разглядеть, что там достаточно места для взрослого человека. По всей видимости, потолок обвалился из-за взрыва. В обычной ситуации он бы просто вернулся в комнату и остался ждать спасателей. Но связь отсутствовала, и было неизвестно, как скоро за ним придут. Паническую мысль, что могут вовсе не прийти, он категорически отмел.

Лежа всем телом на завале, чтобы уменьшить нагрузку на отдельные камни и не вызвать оползня, Борис начал медленно подниматься. Каждое движение вызывало небольшое облачко пыли, поэтому жутко хотелось чихать. Он слегка чихнул, зажав рот ладонью. С той стороны завала послышалось кряхтение. Но какое-то нехарактерное.

— Есть кто? — неуверенно позвал Борис, и пополз быстрее. Снова взвыла сирена. Наверное, именно она и спасла его. Поднявшись на завал, он увидел человека, уставившегося на громкоговоритель. Если, конечно, это можно было назвать человеком. Черный рабочий комбинезон со светоотражающими вставками был порван в лоскуты. На теле были широкие темно-фиолетовые шрамы. Один из них шел от плеча до середины спины и явно пересекал пару жизненно важных органов. Существо сгорбленно стояло, едва шевеля руками. Но самое страшное Борису удалось рассмотреть только в очередной вспышке света сирены. От основания шеи вверх поднималось множество фиолетовых отростков, они впивались в череп и были похожи на диковинные фиолетовые дреды.

Поколебавшись минуту, Борис решил все же перебираться через завал. Во-первых, позади тоже завал и пустая комната без продуктов. Во-вторых, впереди, кроме этого существа, лифт, и ему явно нужно на ту сторону. Он перекатился через гребень и, матерясь про себя, попробовал обойти существо вдоль противоположной стены. Не сводя взгляд с существа, он медленно, на цыпочках, почти бесшумно двигался по стене, стараясь пальцами угадать шероховатости. Существо же смотрело на громкоговоритель, который регулярно взывал, разнося эхо по коридору. Всё внимание существа было приковано к динамику, а внимание Бориса к существу.

Внезапный дикий крик, скорее даже визг, начинавшийся с инфразвука, нечеловеческий, жуткий, раздался за спиной Бориса. Существо мгновенно обернулось. Так же мгновенно, на мышечной памяти, Борис выхватил пистолет и снял его с предохранителя, досылая патрон.

Увидев, что стоит перед ним, он не колебался ни секунды. Кинувшийся на него монстр получил первую пулю в колено, но не замедлился, вторая вошла в область сердца, третью Борис выпустить не успел: тварь одним ударом опрокинула его на пол, порвав когтями бронежилет, как лист бумаги. Она набросилась сверху, и Борис, инстинктивно сгруппировавшись, выставил вперед ствол пистолета. Случай был к нему благосклонен: тварь упала прямо на ствол ртом. Не сомневаясь ни мгновения, Борис выстрелил.

Автоматическая аптечка мигала зеленым, выкачивая адреналин на запасы и вводя в кровь сворачивающие средства и антибиотики. Скинув с себя существо, Борис перезарядился и огляделся. Прямо перед ним, на противоположной стороне от сирены, было большое панорамное окно. Не заметить его в обычном состоянии было невозможно. А в окне, сгрудившись и глядя прямо на него, стояли ещё пять похожих тварей. Стекло покрывали следы когтей, но, к счастью, оно было пуленепробиваемым. Над ним висела надпись «Лаборатория наномашин».

Он еще не прошел до лифта и пяти метров, а осталось только девять пуль. Ни ножа, ни монтировки у него с собой не было. Нужно срочно найти что-то увесистое, что могло бы разmozжить череп такой твари. Быстро осмотрев труп, Борис вздрогнул. Тварь по всей видимости была мертва, мертва давно. Вернее, давно был мертв человек, который стал этой тварью. Мозг окружала пленка из твердого фиолетового вещества. В сморщенных сосудах вместо крови текла фиолетовая жидкость. Лицо твари было почти человеческим, если не считать синюшного оттенка, сморщенной высушенной кожи и черных глаз с фиолетовыми же зрачками. Конусообразные когти на кончиках пальцев напоминали острие долота.

Раздался скрежет — одна из тварей в лаборатории провела рукой по стеклу, оставив очередные глубокие царапины. У Бориса не было никакого желания подходить к стеклу, но его крайне смущало, что выход из лаборатории был левее. Как раз в той стороне, куда ему нужно идти, чтобы оказаться у служебного лифта. Ещё раз осмотрев тело и не найдя ничего подходящего, он медленно пошел к лифту. Борис шел боком, приготовившись к стрельбе в случае необходимости. Однако дверь не открылась, и он спокойно смог дойти до конца коридора. Прямо перед ним был лифт, сбоку какая-то старая дверь, не автоматическая, а с ручкой. Пережиток прошлой эпохи. Чуть выдохнув, Борис нажал на кнопку вызова лифта.

— Внимание, во время красной тревоги служебным лифтом может пользоваться только охрана и управляющий лабораториями персонал. Пожалуйста, воспользуйтесь общим лифтом или обратитесь на пост охраны.

Ничего приличного в голову Бориса не приходило. Нажав еще несколько раз и услышав такое же сообщение, он понял, что нужно искать альтернативу. Идти в лабораторию, в которой стоит пять тварей и потратить еще пять пуль, если повезет, совсем не улыбалось, а значит, был только один выход — служебное помещение. Взяв наизготовку пистолет, Борис резко открыл дверь. На полу служебного помещения валялось женское израненное тело в белом халате. Оно как будто давно истлело, и это никак не укладывалось в голове. Рана, от которой скончалась женщина, была посередине живота: черная зияющая дыра, обрамленная черной кровью и рваными кусками плоти. На халате оказался приколот ключ доступа. Обыскав подсобку, Борис с удивлением обнаружил ящик с инструментами и большой разводной ключ. Повесив разводной ключ на пояс, он подошел к лифту и провел карточкой по кнопке вызова лифта.

— Добрый день. Во время красной тревоги вы не можете пользоваться лифтом без разрешения руководителя. Пожалуйста, обратитесь к вашему руководителю или на пост

охраны.

Матерясь про себя, Борис попробовал засунуть ручку гаечного ключа между створок. Возможно, с общим лифтом у него бы получилось, но это был не тот случай: плотно закрытые дверцы не поддавались. Набрав несколько камней, Борис попробовал кидать их в стекло для создания шума. Твари отвлекались на секунду, но потом их взгляды снова впивались в него. Отвлечь их не так-то просто. Борис взял гаечный ключ и подошел к убитой им твари. Нужно быть точно уверенным, что он сможет проломить её череп. Размахнувшись, он ударил, держа ключ двумя руками, как будто колот дрова. Череп хрустнул, и ключ вошел до половины — его остановила фиолетовая защитная пленка.

— Вот так-так! Значит, единственный способ их убить — не просто бить по голове, а еще и пленку пробить нужно. Кажется, шансов у меня совсем нет, — пробормотал Борис, смахивая рукавом пот со лба. Он сел на пол напротив окна и стал перебирать варианты. Разводной ключ был самым тяжелым, что он нашел. Ничего более-менее острого, кроме отвёртки, он не заметил...

Его мысли прервало что-то происходящее в лаборатории. Там внезапно загорелся нормальный свет, и по фиолетовым отросткам, торчащим из голов тварей, прошли электрические разряды. Одна из них резко выпрямилась, огляделась, будто осознавая, что происходит, а затем двинулась к двери. Вскочив на ноги, Борис отбежал как можно дальше от двери в лабораторию — и не зря: в следующее мгновение дверь открылась, и четыре твари бросились на него.

Первый выстрел: голова твари резко дёрнулась назад, разбрызгивая мозг и фиолетовую кровь. Второй выстрел: тварь поскользнулась и упала с простреленной головой. Третий выстрел: пуля скользнула по черепу, не попадая в центр, сила удара разворотила голову твари. Четвертая пуля вошла ей аккуратно в висок. Пятая пуля нашла глаз четвертой твари. Но где пятая? Затравленно всматриваясь, Борис увидел, что пятая тварь сидит на стуле за стеклом. Сидит расслабленно, даже слегка развалившись.

Наплевав на этот театр абсурда, не спуская с твари взгляда, Борис поменял обойму. Теперь у него три пули, включая одну в стволе. И еще одна запасная. Четыре пули из двенадцати. А впереди полная неизвестность. И умная, опасная тварь, которая только что спустила на него собратьев. Стараясь держать её в поле зрения, Борис обшарил трупы. Все они были рядовыми сотрудниками. Когда-то стерильные халаты, повседневная одежда, смертоносные когти. И ничего ценного.

Он собрал все ключ-карты и подошел к стеклу. Так и есть: на бейдже последней твари числилось «Алефтин Павлович, завлабораторией наномашин и вычислительной техники». Выражение лица завлаба не получалось определить, оно было иссохшим, как у других тварей. Однако взгляд казался значительно более осмысленным.

— Ну, здравствуйте, Алефтин Павлович, — сказал тихо Борис. — Что ж вы за тварь такая особенная?

Внезапно он заметил, что от черепа завлаба к стене идет тонкий фиолетовый провод, достаточно длинный, чтобы дойти до двери. Но не дальше.

— Значит, вы на привязи. Это отлично. Пожалуй, я тогда пока тут побуду. — Борис взял наизготовку пистолет и, пятясь, отошел к кладовке. Молотком отколол ручку у отвертки. Затем аккуратно вставил сердцевину отвертки в швабру и накрепко замотал изолентой. Получившееся полутораметровое копьё вполне могло послужить против одной твари. Заменяя разводной ключ металлическим молотком и вооружившись копьём, Борис подошел

к двери в лабораторию.

Не успел он морально собраться, как дверь перед ним распахнулась, и Алефтин с диким воем бросился на него. Поводок легко порвался, и единственное, что Борис успел сделать, это ткнуть импровизированным копьём наугад. Он не попал в голову. Копьё уперлось в ключицу твари, разорвав кожу и мышцы, но не остановило её. Сила удара откинула Бориса вместе с копьём к стене, он чуть не выпустил древко из рук. Тварь месила воздух когтями сантиметрах в тридцати от его лица. Копьё, упирающееся одним концом в стену, а другим в кость, не давало твари приблизиться. Вынув молоток из-за пазухи, коротко размахнувшись, он ударил тварь острым концом по голове, ещё и ещё раз, пока та не обвисла на копьё. Чтобы не рисковать, перед тем, как вынуть копьё, Борис прицельно ударил еще два раза. Молоток был весь в ошметках мозгов и в фиолетовой крови. В брызгах крови было всё вокруг.

Его мутило, он устал, аптечка на плече тихо попискивала о том, что не справляется с нагрузкой. Раны на груди кровоточили. Опустившись без сил на пол, он достал из кобуры пистолет и позволил себе отдохнуть. Прошло десять минут, пока он собрался с силами встать. Теперь, когда этаж был зачищен, он решил осмотреться и, прежде чем идти дальше, собрать всё, что может ему пригодиться. Сорвав с Павловича бейдж, Борис вошел в лабораторию. Он никогда не был особо прилежным учеником, поэтому не помнил названия всех стоящих там агрегатов. Однако сразу понял, что что-то не так. Фиолетовая плесень, из которой торчал поводок завлаба, покрывала почти все приборы.

Величайшее удивление вызвал стоящий в углу белый ящик с надписью «Неприкосновенный Запас». Что такой ящик делает в лаборатории, Борису было абсолютно непонятно. Так же, как и абсолютно безразлично. Он попробовал открыть ящик, ручка не поддавалась. Поднес к красной лампочке бейдж завлаба, но получил характерный сигнал отказа и мигание красной лампочки. От отчаянья он начал совать все бейджи сотрудников, пока, в конце концов, ящик не пискнул призывно и не открылся. Борис перевернул бейдж, на нем красовалась надпись «Старший лаборант Висюльников, специалист по системам защиты».

— Вот же повезло, — пробормотал Борис, открывая ящик. Изумлению его не было предела. В ящике был самый мощный из разрешённых на рынке охраны автоматический пистолет-пулемет. Два снаряженных магазина и коробка патронов. Картриджи с лекарствами к автоматической аптечке. Спреевые бинты. А главное — три коробки сухпайков с включенной в них водой первой категории и таблетками регенерации влаги. Сгрузив все в рюкзак, он взял в руки ПП и тут же пожалел об этом. На рукояти загорелась красная лампочка — заработал таймер обратного отсчета. Чертовы высокие технологии: это было оружие с идентификацией пользователя и до самоуничтожения осталось всего 9... 8... Не раздумывая, Борис засунул ПП обратно в ящик и выбежал из лаборатории как раз в то мгновение, когда пистолет-пулемет взорвался.

К счастью, патроны от ПП подходили к его пистолету. А вот магазины — нет. Быстро зарядив обойму, взяв в одну руку пистолет, а в другую копьё, Борис нажал на вызов лифта. Он чуть отошел от двери, радостно, чуть с опаской, слушая гул работающего мотора. Его опасения оправдались: приехавший лифт не был пустым. Хотя движения не наблюдалось, на полу лежали тела разной степени разорванности с разбитыми или простреленными головами. Некогда белоснежный пол был полностью залит ссохшейся кровью. Одно тело сильно отличалось. Это был мужчина лет тридцати, без каких-либо признаков

фиолетовости, в странном зеленом костюме и бронежилете. Руки мужчины сильно опухли, умер он явно недавно. Красная кровь, вытекшая из его разорванной шеи, еще не стала черной, она запеклась пару часов назад. Оружия Борис нигде не увидел.

Собрав волю в кулак, он выдохнул, вошел в лифт и нажал кнопку первого этажа.

Глава 3. Командировка

Медленно вбивая информацию допотопной клавишной клавиатурой начала прошлого века, чиновник зооморфов выглядел спокойным и умиротворенным. Учитывая уровень техники вокруг, можно было предположить, что сообщения они доставляют голубиной почтой. Хотя практически так и было. Все сообщения особой важности отправлялись с микроскопическими гонцами, а само сообщение было закодировано в их строении и химическом составе, который для постороннего выглядел набором случайностей.

— Ваше имя, звание и цель визита? — всё так же спокойно спросил зеленый.

— Ксеркс, лейтенант 52-го взвода, — на секунду он задумался, стоит ли говорить название взвода, но решил, что это необязательно, — Совместное расследование инцидента в вашей зеленой зоне согласно дополнениям к пункту 16 договора о Внезапном Мире.

— Провозите ли вы с собой запрещенные предметы, оружие, сильнодействующие химикаты, взрывчатые вещества?

— Только разрешенные к применению для личных целей и самообороны.

— Да? — Таможенник впервые поднял голову и смерил лейтенанта с ног до головы. — И каким же образом под соглашение о самообороне подпадают крупнокалиберная плечевая пушка и орудие, вмонтированное в вашу левую руку?

Ксеркс и правда выглядел более чем внушительно: толстая кремнево-углеродная броня естественного серого цвета, покрывающая все тело; усиленные гидравлическими вставками суставы и мышцы; упомянутая плечевая пушка и рельсовый ускоритель в протезе левой руки. Этаким ходячий танк, совершенная машина для нападения и защиты на средних дистанциях. Во время войны его не подпустили бы к аванпосту зеленых и за километр, справедливо опасаясь огневой мощи — но война закончилась.

— Согласно договору о Внезапном Мире все модификации, связанные напрямую с моей нервной системой, считаются неотчуждаемыми. Как следствие, я о них вообще не говорил. А говоря об оружии, я имел ввиду это, — Ксеркс спокойно показал на три больших ящика за своей спиной. Ящики были доверху забиты боеприпасами и огнестрельным оружием всевозможного калибра, от пистолетов и автоматов до крупнокалиберной противоматериальной пушки.

— Декларацию на провоз оружия подавали? — Теперь голос зеленого был заинтересованным, хотя и не сильно.

— Да, конечно, всё здесь. — Ксеркс передал планшет со списком таможеннику, но тот его не взял. Замешкавшись, не понимая в чем дело, лейтенант повернул планшет к себе, включил нужную страницу и вновь передал планшет проверяющему. Тот его снова не принял, но быстро пробежался по списку глазами.

— Согласно списку вооружения у вас заявлен экранолет вертикального взлета. Это что — шутка такая неудачная? От кого вы собираетесь обороняться на военном экранолете?

— С экранолета снято всё вооружение, кроме курсовых пулеметов, это указано в конце списка. Правильно ли я понимаю, что в остальном список вооружения вас устраивает? — Спросил Ксеркс.

— О, он меня более чем устраивает. Можете взять оттуда пистолеты и по четыре обоймы к ним, остальное будет изъято до вашего возвращения и помещено на склад. —

Таможенник вновь начал заносить информацию в компьютер. — Я не вижу никаких инцидентов в нашей зоне. Не могли бы вы уточнить цель своего визита?

Ксеркс сфокусировался на информационных потоках, бегущих перед его глазами, и не видимых никому, кроме него. Подробная топографическая карта местности со спутника, пролетавшего меньше часа назад над этими территориями, пульсировала символами химической и биологической опасности, а на противоположной её стороне мигала красная точка маяка информационного центра обработки.

— Меньше суток назад кто-то активировал центр обработки данных, находящийся на территории под вашей юрисдикцией. Согласно всё тому же договору о Внезапном Мире мы обязаны отключить очаги возникновения черных зон совместно с назначенным на дело от вашей стороны инспектором.

— Образование черной зоны, говорите, — проверяющий встал. — Прошу прощения.

Открыв деревянную дверь, он вышел в соседнее помещение, и Ксеркс, не удержавшись, с интересом заглянул через стойку регистрации в компьютер чиновника. Попытался заглянуть. Потому что компьютера не было. На столе, чисто отполированном длительным использованием, не было ничего, кроме клавиатуры с оборванным проводом. Сказать, что Ксеркс удивился, было бы преуменьшением, однако он быстро взял себя в руки и глубоко задумался: зачем нужна клавиатура и это печатание, если смотреть не на что. Он предположил, что в стуке по клавишам была какая-то система и таможенник звуками передавал сообщение в другую комнату, но включив записи со своих сенсоров и прогнав их по базе кодов и азбуки Морзе, не нашел совпадений. Он так увлекся перебором шифров и просмотром записей, что девушку, стоящую перед ним, заметил, только когда она кашлянула.

— Добрый день, лейтенант Ксеркс. — Миниатюрная девушка улыбнулась и протянула левую руку для рукопожатия. Потому что правой у неё не было. Правую руку от самого плеча покрывали три переплетающихся существа-симбионта, чуть отличающиеся по расцветке — так, что ладони не было видно вовсе. На левой руке ладонь была свободна, хотя и прикрыта сверху симбионтом, туго оплетавшим руку до локтя. — Я Марина Ужложская, лейтенант данного гарнизона и первый помощник главы гарнизона, — немного поколебавшись, Ксеркс пожал маленькую ручку. — Учитывая важность вашей миссии, я вышла на руководство с инициативой проводить вас до точки инцидента. В целом её одобрили, однако вам все равно не разрешат провезти тяжелое вооружение. Из легкого можете взять любое, но не более двух на человека.

— Это, конечно, щедрое предложение, спасибо, но там вполне может быть тяжелая техника, включая танки, вертолеты и тому подобное. Как изволите отбиваться?

— К вашему счастью, плечевую пушку мы у вас не изымаем, а значит, тяжелое вооружение у вас с собой будет. Вы прибыли в одиночку или с командой?

— С командой, всего девять человек. Предвосхищая ваш вопрос, отвечу, что никаких тяжелых модификаций у них нет. В основном это рядовой состав, так что я попрошу не изымать оружие вообще — все-таки там может быть крайне опасно.

Марина его уже не слушала. Взяв в руку планшет и также мило улыбаясь, она обратилась к таможеннику со стальными нотками в голосе.

— Прошу вас более точно проинспектировать ящики с оружием и экранолет и изъять все образцы тяжелого вооружения, а так же вооружения, способного нанести урон площади. — Проверяющий уже двинулся в сторону выхода, когда она резко окрикнула

его. — Сержант, не забудьте особенно тщательно проверить все емкости и пустоты на предмет химического и бактериологического оружия, особенно того, о котором они сами могут не догадываться.

Быстро кивнув и развернувшись, таможенник не ушел, а практически улетел выполнять поручение. Взгляд лейтенанта зелёных вновь стал обманчиво теплым, она была явно компетентна и, несмотря на внешний вид, учитывая условно вечную молодость зооморфов, могла быть абсолютно любого возраста.

Несколько рядовых притащили пустой оружейный ящик и начали в спешке перекладывать в него оружие и боеприпасы, которые нельзя было отнести к легкому вооружению. Марина вышла из здания быстрыми уверенными шагами, жестом предложив проследовать за ней.

Стоящий во дворе экранолет был облеплен тысячами небольших жуков, которые ползали по всем щелям, обследуя каждый шов и каждую щель. В паре метров от воздушного судна в позе лотоса сидел мужчина средних лет. На его голове красовался обруч с многочисленными рогами-антеннами. Солдаты зелёных выгружали непонятно как найденную ракетную установку, которая была спрятана под двойным полом, устланным толстыми металлическими листами и покрытым бесшовным слоем резины. Чуть поодаль сидели на ящиках подчиненные Ксеркса.

— Сэр, нам сказали, что оружие в этих ящиках мы можем взять с собой. Мы сможем собрать по стандартному боекомплекту, личному пистолету, средству индивидуальной обороны и автомату или карабину на каждого. — В подтверждение Клавдия переслала манифест, включающий список вооружения и боеприпасов, дополнительного оборудования и даже пару грузовых квадрокоптеров. — У нас все готово для вылета, так что если вы готовы, давайте вылетать.

— Сейчас мои подчиненные принесут оставшееся разрешенное оружие и боеприпасы. — Марина обернулась и, увидев, как шестеро рядовых несут ящики к экранолету, одобрительно кивнула. — Заносите внутрь, ребята. Я хотела бы предупредить, что кроме меня вас будут сопровождать несколько наших питомцев. Это для вашей же безопасности и для того, чтобы не было провокаций.

Ксеркс хмуро посмотрел на трех питомцев, вычищающих крылья рядом с кораблем. Двое из них издали напоминали огромных стрекоз с острыми хищными мордами, округлыми вытянутыми брюшками и второй парой крыльев под двухметровыми лапами. Третьим было нечто похожее на шершня, только с полупрозрачным брюшком. Шершень увлеченно пожирал пальмовые листья, и брюшко быстро расширялось, заполняясь ярко-зеленой жидкостью, достигнув уже размеров одноэтажного дома с крышей, чердаком и, пожалуй, небольшой башенкой. Два Истребителя и Светляк-бомбардировщик, вспомнил Ксеркс их просторечные названия. Научные были труднопроизносимы и состояли из названий всех видов, которые пришлось объединить, чтобы получились такие монстры. Смертельно опасные зверюшки не вызывали у зооморфов никакого опасения или отвращения. Судя по довольному виду солдат зелёных, они вызывали уверенность.

Экранолет рядом с ними казался просто игрушкой, а ведь это была одна из самых совершенных летательных машин. Облегченный сплав из стали, алюминия и титана, форма летающего крыла с изменяемой внешней геометрией, серия энергонезависимых двигателей в кромке крыла и, конечно, самые совершенные батареи на наномашинах. Они разлагали два грамма топливного вещества на один час полета, в процессе разложения вещество

практически полностью перерабатывалось в энергию. И хотя КПД батарей был крайне низок — десятые доли процента, по сравнению с другими батареями и реакторами, кроме реактора холодного синтеза, они были почти совершенны.

— Загружаемся, представимся на борту. — Ксеркс махнул стальной пятерней и, чтобы не идти с пустыми руками, подхватил ближайший к нему ящик с оружием. Он поднялся по трапу, сложил всё у борта и прикрепил страховочными петлями. Развернувшись, он увидел, что лейтенант зеленых поднялась вслед за ним и уже устроилась в одном из кресел рядом с пилотом. Он прошел в салон и сел напротив неё. — Прошу прощения, как к вам обращаться? Лейтенант Марина Ужложская — несколько длинновато, не находите?

— Можете называть меня просто Мариной. Для лейтенанта вы достаточно учтивы. Возможно, даже чересчур. Кем работали до вступления в войска? — Она смотрела, как рядовые заносят и закрепляют ящики, облачаются в разрешенную броню и обвешиваются оружием, постепенно превращаясь в ходячие сероватые доспехи. Выделялись две девушки, обе в легких куртках и штанах поверх металла, у одной явно усиленная модель тела, вторая выглядела горбатой — вероятно, под курткой были какие-то приспособления. Может, прыжковый ранец, а может, крылья.

— Раз все разместились, позвольте вам представить нашу гостью, Марину Ужложскую, лейтенанта славной зоны, в которую мы отправляемся. Это моя помощница Клавдия, — показал Ксеркс на усиленную девушку. — Пилот и старший сержант Сектор, сержанты Гектор и Вектор, — сержанты приветственно поднимали руки. — Рядовые Драм, Винч и Хард. А это, — Ксеркс показал на вторую девушку, — наш связной из 11 полка, младший лейтенант Некия. Надеюсь, я правильно произнес. Теперь, когда все представлены, я рассчитываю, что мы проведем эту миссию без задержек и проволочек. Займитесь своими делами, а мы пока поговорим.

У каждого на корабле нашлось дело. Рядовые заряжали магазины, сержанты перепроверяли калибровку оружия. Девушки сели у терминала в середине салона и начали что-то тихо обсуждать.

— Вы спрашивали, кем я работал до вступления в войска, но вряд ли понимаете, насколько странно прозвучал для меня этот вопрос. Мне всего сорок три, я родился после начала нашей с вами войны. Как и все в этом салоне, ну, кроме вас, похоже. Но вы женщина, и я не стану спрашивать, сколько лет вам. — В явно притворном удивлении и возмущении Марина прикрыла рот левой ладонью. — Мне дали установку быть максимально вежливым и научили быть учтивым. Так что если вы хотите сказать кому-то спасибо за мое воспитание, можете сказать Разуму.

— О, вы даже не представляете, как бы я хотела что-нибудь сказать вашему Разуму, особенно лет семьдесят назад. Но, к сожалению, я не могу встретиться с ним лицом к лицу, он ведь везде и одновременно нигде. Иначе война закончилась бы, едва начавшись. — Марина вновь мило улыбнулась. Она была на взгляд Ксеркса по-своему красива, если убрать всю чешую гусениц и прочих насекомых-симбионтов, и выглядела не старше тридцати пяти. — Говорят, у каждого вашего подразделения кроме порядкового сквозного номера есть еще и название. Помнится, я сталкивалась как-то с адскими псами — горячие были ребята, черепахи смерти шли блоками по четыре человека. Ну и, конечно, ваши псари. Я так понимаю, их создание было ответом на наших пастухов, хотя не слишком удачным.

При каждом названии у Ксеркса холодело в груди рядом с реактором. Выдающиеся отряды, названия которых прозвучали, были первопроходцами и первыми испытателями

новых видов вооружения и брони. Им всегда поставляли все самое новое и лучшее, псари гнали перед собой толпы дронов разных модификаций. Но все равно все они погибли под Ванкувером, защищая мегаполис от несметных полчищ зооморфов и наступающих хищных джунглей.

Это была вторая половина великой войны. Внезапно выяснилось, что, отступая к Арктике, зеленые не просто бежали — они засаживали все за собой новыми видами растений, столь невообразимых, что те не были предсказаны Разумом. До последнего момента считалось, что это просто новая модификация растений, устойчивых к холоду. В одночасье по команде они раскрыли свою истинную сущность. Плюющиеся кислотой и пожирающие огромные танки, бьющие электрическим током и вызывающие сильнейшие радиопомехи. Тогда Разум потерял половину своих последователей. Затем с Арктики, из-под льда во все стороны ринулась армада новых тварей с зооморфами-пастухами во главе.

Ванкувер удержать не удалось, и вместе с гибелью сотен тысяч гражданских был уничтожен северный американский центр обработки данных. Разум был отрезан от северной части североамериканского континента, так же, как и от севера Евразии при взятии Москвы и Берлина. Миллионы квадратных километров оказались под властью зооморфов. Спустя ещё десять лет постоянной вялотекущей войны был подписан договор о Внезапном Мире. Его предложил Разум, а Главнокомандующий зооморфов принял всего через день, и никто не знает, почему непримиримые враги смогли так быстро договориться.

— Откуда вы знаете все эти подразделения? Вы были пятнадцать лет назад в Ванкувере? — Ксеркс был уже не так любезен и очень насторожен, а Марина продолжала мило улыбаться.

— О да, там и ещё много где. Отличные были времена для меня и моих друзей. — Она ласково погладила левой рукой симбионтов на правой. Под её ладонью они податливо перетекали и, казалось, слегка вибрировали. — А потом нас засунули в эту тыловую дыру у черта на рогах, так что я крайне рада вашему появлению. Вы так и не ответили, как называется ваш взвод?

— Чистильщики. Мы приходим, убираемся и уходим. Мы не создаем лишних проблем и строго соблюдаем договор. Надеюсь, это будет взаимно, Марина.

— Пока вы соблюдаете договор, мы тоже неукоснительно будем следовать его букве и духу. Никаких проблем, только содействие. — Марина улыбалась, глядя в глаза Ксерксу. Только сейчас он понял, что она постоянно улыбается, а значит, не улыбается вовсе.

— Раз мы затронули тему прошлого, может быть, вы расскажете, чем занимались до того, как... — Ксеркс подумал, как побольнее уколоть ее за все предыдущие реплики, — как вы превратились в зеленую ящерицу.

— Ах-ах-ах, ящерицу? Как меня только не называли. Правда, абсолютное большинство повторить этого не смогли. Так что вам в этом повезло, неприкосновенность — она такая. — Она закрыла глаза, но улыбка с лица не сошла. — Если вам будут непонятны какие-то мои слова, не бойтесь переспросить. Всё же это было очень давно, и многие из них потеряли свой смысл. Когда всё началось, я только закончила колледж, долго пыталась найти работу по специальности. Это сейчас в этом плане нет никаких проблем — всех распределяет Разум, а у нас постоянная занятость в зависимости от специализированных мутаций, — она помолчала задумчиво. — Так вот, моя...

Экраноплан дернулся, мигнула и тут же погасла красная лампа сирены. Сидевший до того спокойно пилот Сектор сначала постучал по руке с небольшим внешним экраном, затем

открыл приборную панель управления и начал лихорадочно шелкать тумблерами, одновременно выворачивая штурвал влево, самолет же упорно поворачивал направо. Деловито обсуждавшие что-то девушки тоже замолчали. Они прикрыли глаза и рефлекторно чуть двигали руками, выполняя действия в виртуальности. Рядовой Винч схватился за голову руками и остекленевшим взглядом уставился в пол.

Картина, представшая глазам Ксеркса, подключившего боевой интерфейс, была крайне печальной. Несколько секунд назад они вошли в черную зону, и обычный протокол защиты самолета был взломан практически сразу. Переключение на ручное управление пока не работало. Девушки, активно старавшиеся помочь компьютеру корабля избавиться от вторжения, успехов пока не добились. А ещё по ним вела огонь наземная роботизированная установка ПРО. Четыре ракеты, выпущенные с земли, быстро приближались, чуть расходясь в стороны. Первая разорвалась в пятнадцати метрах впереди и левее, вторая и третья пролетели под ними, и Ксеркс понял: стреляют не по ним, а по группе сопровождения, предоставленной зооморфами.

Спустя несколько секунд мимо них пронесся шершень-бомбардировщик и произошел эксцесс. Курсовые пулеметы экранолета застрекотали, выпустив по шершню облако разрывных пуль. Даже сквозь толщу брони, вой ветра и шум двигателей был слышен рев раненого насекомого. Реакция последовала незамедлительно. Истребители прикрытия ринулись на самолет, поливая его кислотой и стараясь в полете оторвать листы брони. Скрежет отдираемой обшивки перекрывал какофонию других звуков.

— Держитесь, мы справимся! — Ксеркс ничем не мог помочь подчиненным, кроме слов: его интерфейс был приспособлен для штурмовых операций и с готовностью передавал множество сведений о противниках, которыми были зооморфы снаружи, оборонительные установки на земле и сидящая прямо напротив него Марина. — Отзовите своих питомцев!

— Увы, не могу, вы первыми напали на них, сейчас вы можете только сесть на землю, чтобы перестать быть непосредственной угрозой. И не говорите, что вас взломали, вы же не первый раз отправились зачищать черную зону, верно? — у неё было что-то не так с лицом: милая улыбка не сходила с губ, а вот глаза совсем не улыбались. Наверное, это была какая-то травма нервной системы при мутации или при вживлении симбионтов.

— Не первый. — Ксеркс оглянулся на команду. Большинство не первый, но не все. Винч сидел с плотно зажмуренными глазами, покачиваясь в кресле. Это была первая его боевая операция. Он прошел десятки симуляций, но с боевым опытом сравнивать это, конечно, было нельзя. Остальные вели себя спокойно. Все сидели, пристегнутые на своих местах.

— Однако это первый раз, когда кто-то смог взломать нашу систему контроля. Вы знаете, что здесь было до войны?

Марина отрицательно пожала плечами. Экранолет существенно трянуло, он дернулся и внезапно сделал мертвую петлю. Не переставая стрекотали пулеметы, слышны были разрывы ракет. Яркая-зеленая вспышка по правому борту осветила сумрачное небо, шмель пал. Их машина вела свою собственную жизнь, не подчиняясь приказам людей внутри — она старалась уничтожить стрекоз зеленых. За счет прекрасной аэродинамики и маневренности, наверное, ей бы это рано или поздно удалось.

Первым взвыл Винч. Его голова резко дернулась назад, пальцы впились в подлокотники. Все, кроме Сектора и девушек, посмотрели на него. Затем скрючился в своем кресле Драм и почти сразу Хард закатил глаза. Все рядовые стонали, дергали подлокотники и вели себя неадекватно. Ксеркс отстегнул ремни безопасности и, подойдя к Харду, который сидел

ближе всего, сильно потряс его за плечи. Происходило необъяснимое — кто-то в черной зоне атаковал внешние интерфейсы киберов, — других логичных вводов у Ксеркса не было.

Резко дернувшись, самолет начал разворачиваться, накренившись на правый борт, от чего Ксеркса бросило в кресло напротив Харда. Резко дернув ремни безопасности, порадовавшись, что все подчиненные пристегнуты и пока пострадала только машина, Ксеркс скорее сенсорами, чем глазами, заметил движение в конце самолета. Вероятно, допустив мысль, что такое возможно, он смог бы среагировать, но происходящее было за гранью понимания. Сержант Вектор, вооружившись пулеметом и включив боевой режим брони, направил ствол на Марину и выстрелил длинной очередью.

Неизвестно как, но на левую руку Марины уже был надет штурмовой щит зооморфов. Зеленый, кажущийся сделанным из тонкого пластика щит был примером превосходства биологии над химией. Он полностью состоял из живого алмаза, и кроме алмазной прочности имел немалую природную упругость. Так что небронебойные патроны, которыми её обстреливал Вектор, просто отлетали от щита.

— Кажется, экскурсия окончена. — Марина встала, не расстегивая ремней безопасности, они просто лопнули. Прикрываясь щитом, она ловким движением отпрыгнула к носу самолета и одним взмахом обезглавила Сектора, который всё ещё пытался вернуть управление. Это был конец. Ксеркс, мгновенно отбросив все сомнения, выстрелил из плечевой пушки одним из пятнадцати заготовленных для боя бронебойным снарядом. Верхняя часть щита зеленой разлетелась на осколки, но ей самой вреда это не принесло.

Схватив труп Сектора, она бросила его на Ксеркса, тремя быстрыми точными выстрелами растворила кислотой голову Харда, перепрыгнула через несколько кресел и встала на левую руку лейтенанта. Он выстрелил из плечевой пушки ещё раз, теперь уже шрапнелью, и её отбросило за кресло пилота. Перезарядившийся Вектор поливал её из пулемёта, теперь тело Марины не было защищено от пуль. Торчавшая из-за кресла нога быстро покрылась десятками небольших углублений. Ксеркс сбросил с себя труп Сектора и, раскрыв левую ладонь, сделал по зеленой залп из ручной рельсовой пушки.

Кресло прошило насквозь вместе с Мариной. Её жизненные показатели в боевом интерфейсе резко упали, стремясь к нулю. Дело сделано, теперь было необходимо вернуть управление экранолетом и вызывать подмогу. Ксеркс повернулся к Винчу и замер в непритворном ужасе. Глаза Винча были серыми, белки и радужка исчезли, черные точки зрачков внимательно следили за Ксерксом. Он перевел взгляд на Гектора, его глаза тоже были серыми. Внезапная догадка страшнее любого кошмара посетила Ксеркса.

— Девочки, вы ещё со мной? — Обе девушки, не открывая глаз, кивнули. Они обследовали все возможные порты взлома, но никак не могли его найти. — Проверьте порт и частоту связи с Разумом.

— Зачем? — Вопрос был резонным: действительно, зачем? Зачем проверять самое защищенное соединение, по которому мог идти только сигнал, генерируемый их божеством из машины — создателем идеального мира и защитника Разума? Они, конечно, подчинились, и Некия тихо пискнула в ужасе. Клавдия переслала отчет. Догадка подтвердилась: они летели уничтожать не обычную вышку передачи сигнала с охранной системой.

Среди тех, кто занимался ликвидацией последствий великой войны, ходила страшная байка, что где-то в глубоком тылу зооморфов оставались отрезанные от общей сети центры обработки информации, куда были подключены тысячи информационных точек, на каждой

из которых Разум хранил свою резервную копию. В определенный момент такие центры включались, хранившийся на машинах Разум проверял наличие информационного поля, и, если его не было, начинал считать себя последним оплотом в борьбе с зооморфами. Со всеми вытекающими последствиями в виде перехвата управления всеми низкоприоритетными объектами, куда входили дроны, машины и рядовые бойцы со старшинами.

— Можете отрубить канал связи с Разумом? — Клавдия открыла глаза и отрицательно покачала головой. Оставалось только одно: заморозить своих товарищей, дожидаться, пока кончится топливо и пешком выбираться сначала из черной зоны, а затем из зеленой. В глубоком зеленом тылу.

Резкий удар сверху сотряс экранолет и бросил его вниз. Сквозь потолок начали проступать капли кислоты, и вот уже показалась полуметровая морда истребителя. Не мешкая, Ксеркс выстрелил из своей наплечной пушки прямо ей в глаз, и только когда тварь дернулась, не получив особых повреждений, вспомнил, что сменил бронебойные патроны на крупную дробь. Он перезарядил пушку и быстро прицелился, но выстрелить не успел. Его скрутил сильнейший удар током, системы вышли из строя, руки и ноги отказались слушаться. Упав на спину, он увидел, как поднимается Марина и обстреливает из своих симбиотических пушек всех на борту. Шары кислоты и электричества пролетали над его головой.

Раздался еще один резкий удар, и кабину самолета оторвало вместе с курсовыми пулеметами и телом Сектора. Сделав последнюю серию выстрелов, Марина выпрыгнула наружу, и Ксеркс увидел подобравшего её израненного истребителя. Одно его крыло было оторвано, еще в одном были полуметровые дыры, с брюшка срывались струи зеленоватой крови. Марина ловко устроилась между хитиновыми пластинами и, прижавшись всем телом, направляла его на экранолет.

Взрыв потряс проносящийся вверху воздух, истребитель вместе с Мариной скрылся в огненном облаке. Управляемый наездницей, желавшей собственноручно покончить с вечными врагами, он не смог уклониться от попадания ракет, ошметки разлетелись в разные стороны, и Ксеркс мог поклясться, что краем глаза заметил пролетающую вниз и все ещё улыбающуюся оторванную голову Марины.

Самолет под управлением местного Разума сопротивлялся падению, но непоколебимо приближался к земле. Истребитель, пробивший обшивку, верещал и заливал всё кислотой. Прикованные к креслам и растворенные вместе с ними сидели на своих местах тела Драма, Винча и Харда. Системы Ксеркса перезагрузились как раз вовремя, чтобы отпрыгнуть от очередной зеленой струи. Проскакав по креслам в хвост экранолета, он схватил грузовой квадрокоптер и закрепил его на плечах. Открыв первый попавшийся ящик, он взял пулеметную коробку бронебойных патронов и пошел вперед, подобрав пулемет с обезображенного кислотой тела Вектора. Своим подчиненным Ксеркс кивнул на второй квадрокоптер.

— Надевайте его и проваливайте с самолета. Если не будете брать много оружия, он выдержит вас двоих. — Клавдия сгребла в охапку оцепеневшую от страха Некию и потащила в хвостовую часть. Уверенный, что девушки выберутся, Ксеркс поднял валяющегося без сознания Гектора и рванул наружу.

Выпрыгнув, он не сразу смог выровняться, его отнесло в сторону от падающего самолета. Он заметил, как второй коптер, несущий девушек, вышел из оторванной кабины.

Их тоже отнесло в сторону, но затем они начали снижаться вслед за падающим самолетом. Это стало самым правильным, ведь им нужны были припасы. Ксеркс последовал их примеру. Они быстро сближались и спустя минуту уже летели вместе на расстоянии не больше пяти метров.

Гулкое эхо, долгий протяжный вой истребителя и облако пыли известили их о падении экранолета. Вскоре они приземлились у небольшой канавы, вырытой тем при жесткой посадке. Положив на землю Гектора и отстегнув квадрокоптер, Ксеркс расправил скаковые имплантаты и побежал к месту падения. Он увидел истребителя раньше, чем тот смог вытянуть морду из продырявленной крыши самолета. Длинной очередью Ксеркс отсек верхние крылья, пробил брюшко и даже попробовал отстрелить его, но броня тельца была слишком крепка, она лишь продавливалась при попаданиях. Тогда Ксеркс запрыгнул на крышу, подошел почти вплотную и выстрелил в щель между сочленениями шеи бронебойным снарядом из плечевой пушки. Шея лопнула как свежий арбуз и разошлась по швам. Под собственной тяжестью туловище с брюшком переломили её и упали с самолета на землю, издав глухой стук.

Тяжело дыша, Ксеркс обернулся, и увидел весь оставшийся в живых отряд. Клавдия несла на себе оба квадрокоптера, Некия несла на плече Гектора. Из девяти человек в первый же день осталось четверо. Вокруг них расстилались бескрайние джунгли зооморфов.

Ксеркс развернулся в другую сторону и заметил на фоне серого неба черный силуэт полуразрушенной спутниковой антенны — километрах в пятнадцати. Боевой интерфейс подсказывал, что именно там располагается центр черной зоны. Именно там может быть их спасение, если они, конечно, смогут починить антенну и связаться с истинным Разумом. И если смогут туда дойти: от антенны их отделял небольшой, но очень густой кусок джунглей, в котором могло быть все, что угодно. Десятки глаз смотрели на четырех самоуверенных киберов, приземлившихся не на своей территории. Запах крови убитого истребителя разносился на многие километры, привлекая на пир всех хищников, не брезгующих падалью.

— Собираем необходимое и выдвигаемся вон туда. — Он уверенно махнул в сторону тарелки. — Если не будем тормозить, прибудем на место через два часа. Давайте поторопимся. — С этими словами он влез внутрь самолета и открыл задний люк, чтобы было удобнее вытаскивать припасы. Ксеркс вытащил первый ящик и, подняв голову, встретился глазами с огромным бомбардиром, очищающим свои жвала трехметровыми лапами. Позади него толпились несколько крабопауков. Хозяева вышли встречать гостей с распростертыми объятиями.

Глава 4. Крещение

— Простенькая работёнка, говорили они, — Онуфрий взмахом щита снес голову очередному зомби. — Придется перебить лишь пару зомбированных, говорили они, — очередное тело с размозженной головой упало на землю от взмаха кувалды, фиолетовой из-за крови зомбированных.

Обычно веселый и жизнерадостный Онуфрий был зол как черт. Ни отец Евстафий, в пятидесяти метрах впереди выкашивающий основную массу зомби на своем крестноносце, ни Фекла, добивающая длинным клинком валяющихся на земле, ничего ему не ответили. Они потеряли шестерых за четыре дня.

Первым слег Аркадий. Они даже не успели выйти из джунглей зооморфов, как волна волков буквально снесла его, спасти было нечего. Джонатан, оставшийся их прикрывать от наплыва насекомых, перестал отвечать день назад. Сразу двое погибли, когда они шли «безопасным» маршрутом, указанным в епархии. Взвыли датчики крестноносца, внезапно всколыхнувшийся пол оказался аномалией, и от ребят остался только пепел. Никифор погиб при выходе с поста охраны — охранные системы вполне работали. Даже несмотря на то, что они уничтожили турель с пулеметами, легче на душе ни у кого не стало. Последним погиб Павел. Он был техником с мозговым интерфейсом и, наверное, не рассчитал своих сил. Они поняли, что что-то не так, когда кровь полилась у него из глаз и ушей. До этого были слишком заняты — отбивались от очередной нескончаемой волны зомби.

Они уже спустились на сорок этажей под землю, постоянно выла сирена сигнализации, и зомби, казалось, не кончались. Сигнализацию они потревожили еще на 25-ом этаже, когда решили проникнуть на пост охраны. Тогда-то толпы зомби и проснулись после многолетней спячки. В лаборатории было две с половиной тысячи сотрудников, еще больше людей попытались спастись в стенах лаборатории, заброшенной со времен великой войны. Теперь все они были зомбированы и готовы напасть. Патроны начали экономить еще накануне. Сейчас обходились только холодным оружием. Надолго ли? Зомби зверели, пару раз появлялись контролёры, привязанные поводками к сети лабораторного комплекса. К счастью, это была исследовательская лаборатория, а не военный завод. Ни роботы-охранники, ни дроны пока не встречались.

Им приходилось спускаться по лестницам — те, как назло, были в разных концах коротких коридоров, от которых шли основные просторные коридоры этажа. Чем ниже они спускались, тем жарче становилась обстановка. К счастью, Павел успел отключить турели охраны, которые были на каждом этаже. Отец Евстафий встал в боковом коридоре. Путь на очередную лестничную площадку был свободен.

— Внутрь! Внутрь, я сказала! — Фекла отвесила затрепину увлекшемуся Онуфрию и забежала в спасительный пролет. Отец Евстафий теперь замыкал тройку. Влетев на площадку, он подпер собой двери.

— Быстрее блокируйте, окаянные! — они привычными движениями оторвали перила и заблокировали двери. Спустя мгновение они уже сидели на полу, а Евстафий вылез из своей механизированной брони. Короткая походная ряса капеллана была мокрой от пота и порядком посеревшей. Сам доспех уже не отсвечивал позолотой крестов или изображениями белых храмов, он был весь в коричнево-фиолетовой грязи и глубоких царапинах. Дырки от

пулеметных выстрелов, наспех заваренные в одном из переходов, проглядывали из-под обломков брони.

— Стоило бы оттрапезничать... — доставая последнюю коробку сухпая, сказал Онуфрий.

— Оставь половину на выход. Если так же будем двигаться, доберемся до реактора только часов через пять. — Фекла посмотрела на коммуникатор с чертежами лаборатории. — Ещё десять этажей под нами. Нет, если так продолжим двигаться, то все десять часов идти будем. Батюшка, может ну их, эти ваши зачистки? Нам же только сердце реактора нужно...

— Не пристало послушнице монастыря женского отмищения Господнего рассуждать так, — отец Евстафий с укоризной посмотрел на лидера отряда. — Я бы и сам с превеликим удовольствием так поступил: промчался с этажа на этаж, расшвыривая врагов, словно конь борзый. Да только как мы опосля этого подниматься будем? Подумала, окаянная?

— Подумала. По шахте упавшего лифта. — Она сказала это, а сердце сжалось: Фекла знала, сколько стоит механизированная броня, и что при подъеме ее придется оставить. Конечно, управляющий модуль реактора холодного синтеза, по-простому сердце, стоил в разы дороже, но если они оставят тут броню, с синодальной карьерой Евстафия будет навсегда покончено. А она потеряет не только лучшего и самого безбашенного капеллана, но и все свои связи в епархии.

— Мда-а-а, а ты за языком-то не следишь, сестра. — Онуфрий оторвался от пайка. — Но она права в каком-то смысле. Патронов у нас осталось всего ничего, а махать кувалдой в таком темпе я смогу еще пару-тройку часов. Потом спать нужно будет. А без пайка мы дальше не пройдем.

Евстафий откинулся к стене, тихонько стукнув по ней затылком. Потеряв броню, даже если её стоимость можно будет возместить, купить новую почти нереально. Он водил доспех последние пятнадцать лет на зависть младшим капелланам, обходящимся простыми экзоскелетами. Стрелял только на тренировках. Что за жизнь будет у него, если он оставит броню здесь? Но жизнь явно дороже. Еще на прошлой неделе его паства насчитывала восемь человек, а теперь лишь двух, сколько из них смогут выбраться живыми?

— Ох, дети Божьи, что ж мы делаем, — он склонил голову в молитвенном поклоне. Регулятор позарез был нужен епархии — старый выходил из строя и держался практически «на соплях». Остров Русь 12 единой православной епархии обеспечивался энергией генератора наполовину. Его потеря приведет к потере обороноспособности и голоду десятков тысяч людей. — Ладно, пусть так и будет. Но нужно тогда заранее продумать эвакуацию. Главное — вытащить сердце генератора.

— У нас есть подъемники. Если скинуть броню, щиты и прочее снаряжение, лестница в шахте должна выдержать. — Фекла вопросительно посмотрела на соратников.

— В чем вопрос, — Онуфрий чуть кашлянул, — скину, не проблема. Но сама знаешь — во мне веса под два центнера. Я если и поеду на подъёмниках, то голышом.

— Тогда решено. Прорываемся, не зачищая этажи. Броню подготовим сейчас, подъемники тоже. На себе оставляем только то, что смогут поднять колеса. Я беру автомат с боекомплектом и прикрываю вас, пока вы не будете готовы. Первым уходишь ты, Онуф. Ты бесполезен без своих доспехов. Затем вы, батюшка, поедете вместе с сердцем.

Возражений не было. Они потратили еще полчаса на отдых и подготовку, десятки раз перепроверяя снаряжение. Онуфрий подготовил свой бронежилет к быстрому сбросу. Убрал

лишние подсумки, отбросил их в сторону, передал все оставшиеся крупнокалиберные патроны Фекле, себе оставил лишь автоматический пистолет и три магазина к нему. Отец Евстафий сидел на своём крестоносце, перепрограммируя поведение брони, чтобы она «закуклилась» и отключила все сигналы, когда ее оставят. Он искренне надеялся, что когда-нибудь сможет вернуться за доспехами.

Фекла хоть и была ветераном спецподразделений, пострадала в плане облегчения меньше всего: она весила всего 65 килограмм и носила, в основном, только средние бронежилеты, полагаясь на своих мужчин-защитников. Но ей предстояло прикрывать отступление. Минимум три минуты. Длинный магазин её крупнокалиберного автомата вмещал двадцать пять патронов, сейчас они были не нужны — для уничтожения зомби было достаточно даже пистолетного выстрела в голову. Но кто знает, что ждет их на этажах. Лучше быть готовой ко всему. Один выстрел позволял проредить целую линию. Пять полных магазинов. Более чем достаточно, чтобы пробежать десять этажей и прикрыть отступление. Главное не тратить их зря.

— Готовы? — Они стояли перед дверью на 41-ый этаж. Все посмотрели друг на друга и утвердительно кивнули. Резким движением руки Фекла открыла двери, крестоносец помчался вперед со скоростью боевого коня, разбрасывая в стороны зомби. Он промчался по коридору за минуту, затем развернулся навстречу бегущим напарникам и прошел по толпе зомби ещё раз, стараясь не столько убить, сколько замедлить движение. Они пробежали коридор на 41-ом этаже быстрее, чем за пять минут, не задерживаясь, чтобы убивать зомби, только расталкивали и добивали особо выделяющихся. Затем захлопнули дверь и, не отдыхая, направились дальше.

Быстрыми перебежками, не сбавляя темпа, они проскочили три этажа. Резко кивнув головой, Онуфрий пинком открыл дверь 45-го этажа. Евстафий вылетел в коридор, где почти сразу раздался металлический скрежет и визг моторов, будто молот ударил по раскаленной наковальне. В окружении сотен порванных, порезанных, прострелянных тел стоял одинокий темно-серый охранный бот.

Двухметровый бот был почти квадратным. Два манипулятора со встроенными пулеметами оканчивались полуметровыми стальными лезвиями. Матовая броня, покрытая мелкими шестиугольниками активной защиты, и короб на две тысячи бронебойных патронов к скорострельному пулемету. Тонна или полторы брони и оружия. Непреодолимая преграда для всей группы. Но он по какой-то причине не стрелял. Фекла очень надеялась на то, что у него закончились патроны.

Удар лезвий бота отбросил крестоносца в сторону, оставив на броне глубокий порез. Взрыв шинами, крестоносец поднырнул под левый манипулятор и ударил когтями в сочленение между плечом бота и рукой. Раздался душераздирающий скрежет, заставивший закрыть уши ладонями. Манипулятор повис, его заклинило, и это была последняя хорошая новость. С адской вспышкой и грохотом из второго манипулятора ударила струя бронебойных пуль. В первую секунду крестоносец лишился ноги, оторванная ступня отлетела в сторону, и он повалился на бок. Правая рука, которой Евстафий решил прикрыться, была уничтожена меньше, чем за секунду. Подъехав чуть ближе, бот откинул в сторону правую руку крестоносца и приготовился добить пилота.

Вздрогнув, он вдруг повернулся в сторону Феклы, которая выпускала в него уже третью обойму, стараясь попасть по камерам и анализаторам. Каким-то чудом она снесла ему верхние камеры, блоки анализаторов пространства и локаторы, но центральные камеры,

скрытые между пластинами активной защиты, было не выцепить. Взвизгнув моторами, бот разогнался и рванул в их сторону.

— Я тебя еще не отпустил! — Вскрикнул Евстафий, кидая левой рукой крестonosца правую под колеса Бота. Отсутствие анализаторов сделало свое дело. Уворачиваясь от брошенной руки, бот с разгона врезался в стену и застрял в ней вторым манипулятором. Точными выстрелами за несколько секунд Фекла отстрелила ему сначала второй плечевой сустав, затем ногу. Теперь бот был не опасен. Все его вооружение было уничтожено, передвигаться он не мог. Она подошла к этой бесполезной груде металла, что-то там себе соображающей и осознающей всю свою беспомощность.

— Ну как тебе, железяка, а? — с легким боевым задором Фекла пнула бота по броне. Раздался легкий хлопок и спустя мгновение поток напалма впечатал её в стену, оставив только выжженный черный контур силуэта. Бот выполнял поставленную перед ним задачу до последней секунды его электронной жизни и взорвал все свои блоки активной защиты, навсегда оставшись металлическим ящиком без связи с внешним миром.

Они остались вдвоем.

— Суука! Ах ты ж, суукааа! — Выл Онуфрий, дубася по останкам бота кувалдой. Каждый удар кувалды разносился эхом по коридору и оставлял заметную вмятину на металлическом корпусе. Ручка кувалды стала скользкой от пота и слегка погнулась. Только спустя несколько минут он заметил, что батюшка зовет его. — ЧТО?!!

— Помоги вылезти, нужно молитву прочитать за упокой, а эта тварь мне руку сломала, — смутившись, Онуфрий отбросил кувалду, спешно подошёл к Евстафию и начал аккуратно доставать его из павшего крестonosца. Вид у того был жалкий: рука сломана в двух местах, кисть буквально висела на обрывке ткани. Обе ноги были отодраны от сжавшихся пластин брони.

— Нужно вправить кость и зафиксировать кисть, чтобы она сохранилась. Пока, по крайней мере, — он медленно выговаривал слова, голос хрипел, из глаз катились слёзы — не то от горя, не то из-за боли. Онуфрий заметил на шее батюшки свежий след от укола. Наверное, сработала автоматическая аптечка. — У меня интерфейс первого типа, старой доброй ограниченной версии. Так что если сейчас всё верно закрепим, к завтрашнему вечеру рука уже будет работать. Но ждать столько нельзя. Давай сюда вон ту коробку, -

батюшка показывал на небольшую коробку у основания сиденья. Онуфрий вытащил и передал аптечку батюшке.

— Молодец, вон тот колпачок видишь? Нет, тот, который белый. Ага. Вон с той красной колбой соединиай и давай сюда, — переданный колпачок он немедленно упер в руку и нажал на кнопку. Красная жидкость из колбы уходила куда-то в руку, и Онуфрий с изумлением увидел, как кости утолщаются, поддерживаемые здоровой рукой Евстафия, соединяются вместе. Он посмотрел на лицо батюшки и понял, насколько это больно. По всей видимости, даже обезболивающие препараты не снимали боль полностью. — Теперь, — голос батюшки был едва слышен, — Подай мне вон ту синюю колбу, — батюшка поднес к шее заряженный иньектор и нажал два раза. — Осмотрись здесь, пока клей застывает, — батюшка неопределенно махнул рукой и уснул.

Чтобы отвлечься от чернеющего на стене силуэта Феклы, Онуфрий подобрал щит с кувалдой и двинулся вдоль коридора. Большой коридор был завален обломками потолка с этажей выше. Возможно, бот постарался, а может, что-то взорвалось, типа конденсаторов или газа. Кабинет охраны с почти истлевшими телами был окружен битым стеклом и

толстой решеткой из стальных прутьев. Дверь напроочь заклинило, однако сбоку можно было разглядеть, что на столе стоят мониторы, и на одном еще мигает зеленая лампочка сна.

Заинтересованный Онуфрий сильными ударами кувалды вышиб участок решетки, упёрся ногами, вытащил её и откинул в сторону. Он никогда не занимался техникой в группе, да и вообще такие штуки видел пару раз в жизни. Помнил, что они когда-то заменяли собой вживляемые интерфейсы и были чем-то вроде внешних коммуникаторов, только очень больших. Он неуверенно постучал по монитору пальцем, ничего не произошло. Тогда он постучал сильнее и, не получив никакой реакции, с досадой стукнул кулаком по столу. Монитор ожил, и он увидел какой-то коридор, в котором группа детей лет тринадцати пыталась отбиться от зомбированных.

Женщина — видимо, воспитатель, сильными ударами длинного клинка, прикрепленного к руке, отправляла врагов на тот свет. Однако цепкие когти зомбированных дотягивались то до одного, то до другого ребенка. Вот она, крича, бросается вперед. Он видел, как она беззвучно разевает рот, сметает двоих, но третий вцепляется ей в руку.

Дети спешат на помощь: кто-то с похожим клинком, кто-то с палками и камнями. Их одного за другим разрывают на части. Не выдержав зрелища, Онуфрий ударил по монитору кулаком, тот заискрился и погас. Последнее, что он успел увидеть, как женщине оторвали руку вместе с клинком. Она и трое детей остались в комнате с десятком зомби.

Онуфрий сел на пол, упёрся спиной в стену и тихо заплакал. Он был один и никто не смог бы увидеть его слез, поэтому он не стал сдерживать порыв. Онуфрий, такой сильный, такой огромный, был абсолютно беспомощен. Он никак не мог помочь детям и женщине. Они все погибнут, так же, как погибла пятью минутами ранее Фекла.

— Будь проклято это задание вместе со всеми вылазками и епархией! — Он понял, что сказал это вслух. Онуфрий с шумом вобрал воздух — они ещё живы и должны сделать все, чтобы смерть ребят не была напрасной. Сконцентрировавшись на дыхании, он сидел несколько минут, прогоняя через свои легкие затхлый воздух.

Донесшийся из коридора звук выстрела заставил его мгновенно вскочить на ноги. Затем раздался следующий выстрел, и Онуфрий рванул что есть сил к батюшке. Когда он выскочил в коридор, батюшка левой рукой неуверенно пытался отстреливаться от наседающей толпы зомби. Из двери, которую они забыли закрыть, по одному — по двое просачивались зомбированные. Их черно-фиолетовые, ничего не выражающие глаза цепко смотрели на живых.

С первобытным рыком Онуфрий снес щитом первых четырех зомби. Затем закружил булавой, снося головы по паре за удар. Он был словно волк, защищающий своего последнего детеныша. Сильными взмахами он расчищал дорогу, не позволяя зомби оказаться у него за спиной. И в тот момент, когда добрался до двери, понял: она распахнута. Если сейчас не захлопнуть её и не подпереть, зомби будут спускаться со всех верхних этажей, которые не забаррикадированы.

Стараясь не уменьшать натиск, он работал кувалдой как ветряным крылом. Каждый взмах находил свою цель, он не сдерживался. Спустя какое-то время он понял, что уже стоит на лестнице и дверь, которую нужно закрыть, за его спиной. Не поворачиваясь, он стал быстро отступать, не прекращая наносить удары, а затем, повалив трех зомби, резко отпрыгнул и захлопнул дверь.

Отец Евстафий тоже не терял времени даром: добив валяющихся на полу зомби, он быстро подошел к двери, неся в здоровой руке длинную металлическую палку, похожую на

лом. Несколькими ударами он сделал углубление в полу, а затем упер лом в дверь.

Несмотря на то, что подпорка была сделана на скорую руку, получилась она на удивление удачно. И всё же Онуфрий предпочел перестраховаться: принес решетку, которую вырвал с поста охраны, и укрепил дверь ею.

— Ох, окаянные, теперь-то уж вам не пробраться, — отец Евстафий одобрительно смотрел на получившуюся конструкцию.

— Может, и не пробраться, но что дальше? За нами коридор, полный зомби, а перед этим коридором ещё двадцать этажей, которые мы до конца не вычистили. — Онуфрий огляделся. Похлопав по плечу, батюшка доверительно посмотрел ему в глаза.

— Есть у меня одна идея, сын мой. Раньше она была неосуществима, уж больно высоко мы были. А теперь мы на 45-ом этаже. Судя по схеме, под нами только восемь этажей осталось, не так уж и много. Но главное, — он заговорщицки подмигнул, — у меня в крестоносце есть полсотни метров стального троса. Для разных нужд. В данном случае — для наших. Я спущу тебя на тросе вниз. А потом, с Божьей помощью, и сам спущусь за тобой.

Отче был явно под кайфом, беспричинно посмеивался, но идея была здравая. Вместо того, чтобы пробиваться с боем через восемь этажей, где непонятно что находится, разумнее спуститься вниз на тросе. Раньше высота не позволяла так сделать, но теперь, когда они бросили крестоносца, это был лучший вариант.

Подойдя к павшему крестоносцу, Евстафий нагнулся и достал бобину, продемонстрировав толстый крюк на конце тонкого стального троса.

— А как же вы спуститесь, батюшка, после меня-то? Трос ведь стальной, тонкий, он и руки вам разрежет, и ткань любую.

— То ежели руками держаться. А я вот такой блок тормозящий сделаю, — батюшка показал приспособление, над которым поработал заранее. Несколько скользящих зажимов с реле были столь искусно закреплены на толстой железке, что позавидовали бы альпинисты.

— Этот блок на чем-то ещё держаться должен будет.

— Правильно мыслишь! Ты мне и поможешь. Блок-то я давно смастерил, а страховочный пояс сделать все никак времени не хватало. Сейчас сделаем. Нужно только из брони моей ремни безопасности вырвать, желательно с креслом.

Они открутили несколько деталей, с мясом вырвали крепления, и сделали приличную гондолу для спуска. На бронежилете Онуфрия была лямка для переноски раненых, так что для него придумывать ничего было не нужно. Правда, вместе со щитом и кувалдой вес получался запредельным. Поразмыслив, они решили все вооружение просто сбросить в сумке, прикрепив её к тросу. Даже если ручки у нее оторвутся, не страшно. Наконец, они настроили подъёмники для лестничных пролетов. На случай, если трос не достанет до пола, можно очень медленно спуститься по лестнице в шахте лифта.

Они вбили кувалдой стальной прут в двери лифта и раздвинули их, открыв проход в шахту. Шахта лифта была не освещена, в нее скинули химический фонарь. Немного покружив, фонарь достиг дна и высветил силуэт разбившегося общего лифта. Покорёженный металл не был особо удачной площадкой для приземления, но оказался ближе, чем они рассчитывали. Но роли это уже не играло.

Они закрепили останки крестоносца, вбив уцелевшую руку в пол под ним. Общего веса и этого крепежа должно было хватить для того, чтобы спуститься.

Первым, как договаривались, пошел Онуфрий. Приятного в том, чтобы спускаться подвешенным в бронежилете, было не много, и он порадовался, что избавился от лишних

подсумков и примочек. Тонкий трос разматывался, вгрызаясь в бетон с тихим скрежетом. Наверху он оставил щит и кувалду, взяв из оружия только автоматический пистолет — этого было достаточно.

Он медленно спускался между этажами, вслушиваясь в тишину: было на удивление спокойно. Добравшись до крыши лифта, он неуверенно встал на покореженный металл, взял в руки химический фонарь и помахал Евстафию. Трос перестал опускаться и замер. Дверцы лифта смялись и были выворочены внутрь. Единственный люк был открыт, через него при свете фонаря Онуфрий рассмотрел пол. До него оказалось не больше полуметра. Спускаться вниз смысла не было.

Он попробовал отогнуть дверцу, но только обломал ногти. Двери заклинило напрочь. Заглянув за отогнутый край, он увидел то, чего не ожидал — стену. Судя по расположению дверей на предыдущих этажах, прямо перед ним был 48-ой этаж. Сплошная стена смущала его до невозможности. Плюнув на безопасность, он отошел к дальней стене и выстрелил между дверей лифта одиночкой. Многократно отраженный грохот выстрела ударил по барабанным перепонкам. Он инстинктивно скукожился, зажал ладонями уши и зажмурил глаза.

Эхо пульсировало в голове минуту. Грохот значительно перекрыл вой сирены. По крайней мере, ему так казалось. Когда шум в ушах немного утих, он встал и подошел к стене. Глубина отчетливой дырки в бетоне составила десять-пятнадцать сантиметров: это была настоящая стена, а не скрывающая перегородка, на что он очень надеялся.

Со злостью он сильно топнул ногой и почувствовал, как металл под ним пошатнулся. Он подпрыгнул, обрушившись всем весом. Крыша лифта покачнулась и чуть покосилась. Тогда он вскарабкался по боковой лестнице к дверям 47-го этажа и, перекрестившись, спрыгнул. Крыша лифта неуверенно пошла вниз, затем что-то звякнуло, скрипнуло, и лифт обрушился вниз в шахту вместе с Онуфрием.

Свободное падение длилось всего пару секунд и пару метров, на которые был размотан канат. Затем бронежилет сильно и исключительно неприятно дернул его вверх, а лифт продолжал падать, уйдя значительно ниже предполагаемого 50-го этажа. Затем раздался отдаленный грохот, и по шахте прошла волна воздуха, поднявшая облако пыли. Лифт, наконец, был на самом нижнем этаже.

Онуфрий подал знак выглядывающему сверху Евстафию, что всё хорошо и нужно спускаться дальше. На таком большом расстоянии было непонятно, что Евстафий понял из жестов, но трос продолжил разматываться. Наконец он замер, очевидно, кончившись.

Судя по расчетам, Онуфрий должен был быть сейчас чуть ниже 50-го этажа. Но дверей видно не было, только четыре голые бетонные стены с направляющими лифта и лестницей, прикрепленной в правом углу на стене.

Химический красный фонарь, который до сих пор лежал на крыше лифта, с трудом угадывался в облаке поднятой падением пыли. До него было еще метров пятнадцать. Значит, как минимум, еще этажей пять вниз. Подниматься вверх, чтобы с 47-го этажа спускаться на 55-ый, смысла не было.

Подождав, пока пыль немного уляжется, он чуть раскачался и дотянулся до лестницы. С некоторой неуверенностью Онуфрий отцепил крюк троса.

— Батюшка? Вы меня слышите? — позвал он в далекое красное окно, которое было на расстоянии пятидесяти метров над ним. Чуть погода в проеме показалась тень.

— Слышу тебя, окаянный. Пошто ты лифт обрушил? — Эхо их разговора расходилось

далеко по лифтовой шахте, отражаясь от стен и переборок. — Кувалду сбросить тебе?

— Батюшка, я по лестнице вниз спускаться буду. Тут глубоко ещё, так что не спускайтесь и не бросайте ничего, — вроде Евстафий кивнул. Но вслед за этим трос резко рванул вверх, и спустя минуту Онуфрий увидел, как батюшка сам перелезает из проёма на лестницу с явным намерением спускаться.

Кроя матом неумного обдолбавшегося попа, всю их братию, и вообще всю экспедицию, Онуфрий начал быстро спускаться вниз, пропуская по две-три ступеньки. Лестница была сработана на совесть и явно предназначалась для эвакуации не самых легких чинов, она легко выдерживала его 220-килограммовое тело.

Спустя пять минут он уже стоял на окончательно провалившейся крыше лифта. Прямо перед ним была дверь с ярко-красными поперечными полосками и желтым значком радиоактивной опасности в центре. Евстафий спускался гораздо дольше, сказывалась его травма и худшая физическая подготовка. Он даже захватил с собой кувалду, что, впрочем, не спасло бы ситуацию, будь дверь герметично запечатана.

Однако дверь была открыта: тонкая струйка пыли, уходящая под нее на уровне тридцати сантиметров от пола, показывала, где находился стык створок. Оторвав толстую железяку от лифта, Онуфрий вбил её кувалдой в дырку, и парой сильных движений расшатал дыру до приемлемых размеров. Затем взялся пальцами за верхний край и, упершись ногами в нижний, скрежеща зубами от напряжения, открыл дверь. В глаза ударил яркий с непривычки синий свет.

Прямо за открывшейся дверью перед ними стояла синяя голограмма девушки в военной форме, а за ней две пулеметных турели с направленными на них стволами.

— Ну, здравствуйте, мальчики...

Глава 5. Полигон

Николай сидел на земле и перебирал толстыми пальцами тонкие верхушки травинок. Его симбионты, пожиратель и плевака, паслись неподалеку в компании с двух десятков представителей боевой фауны зооморфов. Среди них были двухметровые бронированные ракопауки, покрытые толстым панцирем, косари, держащиеся отдельной стайкой, и даже два полупрозрачных, хищно поглядывающих друг на друга жнеца — смеси скорпиона и жужелицы, способные делать рывки со скоростью до семисот километров в час.

Самой опасной на солнечной поляне была, пожалуй, недавняя находка: подвернув под себя лапки, у его ног лежал большой радужный гладкий жук. Из-под раздвинутых подкрылков распускались и ложились на землю длинные мягкие ярко-зеленые сетчатые крылья. Жук недавно сжевал несколько небольших деревьев, выпил всю воду из ручейка неподалеку, и теперь нежился, собирая солнечную энергию и перерабатывая пищу в новые ткани для бесценного груза.

В прозрачном чуть зеленоватом брюшке, покачиваясь на волнах питательного медицинского экстракта, лежала подчиненная Николая, которую он оставлял главной в своем гарнизоне. Несмотря на то, что от неё осталась только верхняя часть туловища и голова, она улыбалась легкой полуулыбкой. Её волосы и большинство тканей полностью сгорели при взрыве, нижнюю часть туловища и обе руки оторвало: левую по локоть, а правую по плечо.

Объяснить, как она выжила, нельзя было даже волей к жизни и мутациями. Когда он нашел её, она уже поместилась в медицинского жука, и её отмершие ткани медленно переваривались, становясь пищей для новых клеток. Она потеряла очень много крови и в данный момент спала мертвым сном, находясь, по сути, в коме. Однако было заметно, как она уже берет под контроль управление жуком. Спустя час или два он сможет отправить её на базу долечиваться в более спокойной обстановке, а сам двинется за нарушителями, которые чуть не отняли жизнь у Марины.

При мысли о том, что он с ними сделает, сжимались кулаки, а все насекомые на поляне поднимали головы и смотрели на него в ожидании команды выдвигаться. Но это потребует только через пару часов. Сейчас он готовился к суровому бою. Николай собрал всех подготовленных и послушных животных из леса в окрестностях ближайших километров и дал им команду подкрепляться и готовиться.

Впереди, на другой стороне опушки, лежал обглоданный труп гигантского жука-бомбардира. Его толстая броня не была пробита, однако убийцы умудрились несколько раз попасть ему между бронированных пластин у рта. Использовались запрещенные взрывные бронебойные боеприпасы, такое могли сделать только нарушители. Николаю пришлось разрезать панцирь, чтобы его смерть не прошла даром и другие жуки могли съесть гиганта.

Под бомбардиром были обломки летающего судна киберов, в сторону старой научной лаборатории от него тянулась вереница трупов и зеленой крови. Обгоревшие обломки деревьев указывали на использование нарушителями рельсовых и плазменных пушек, автоматического оружия и огнемета.

Николай в который раз выругался про себя. Стоило ему отлучиться на две недели в центр переподготовки в новой Арктике, как в зоне его ответственности произошло подряд

два прорыва обороны. Сначала группа каких-то туристов прорвалась через границу, выжигая и прорубая джунгли, и пришлось просить Алексея разобраться, теперь — это.

Он уже отправил весточку командованию с просьбой прислать для устранения кризиса отряд Злых Ос — воздушного спецназа зооморфов, но не особо рассчитывал на положительный ответ. В конце концов, район был тыловым, и считалось, что никаких опасностей ни вольные, ни киберы здесь представлять не могут. Редкие вылазки мародеров, которых политкорректно называли старателями, легко купировались самими джунглями, а крупное вторжение было бы замечено и остановлено за тысячу километров отсюда.

Через мутноватую кожу жука и восстановительную медицинскую жидкость стало видно, как Наталья приоткрыла один глаз: он был покрыт толстой зеленой пленкой и весь в красных сосудах. Зрачок медленно двигался, пока не сосредоточился на Николае, который приветственно помахал рукой. Улыбка из легкой превратилась в радостно натянутую.

— Ну, здравствуй, боевая подруга, — он наклонился почти вплотную к прозрачной коже жука и постучал по ней пальцем. Жидкость заколыхалась и пошла волнами. — Как же тебя угораздило попасть в такую ситуацию? Не отвечаешь? Хорошо. Моргни столько раз, сколько в стычке выжило врагов. — Марина послушно моргнула четыре раза. — Четверо, отлично. Я насчитал пять трупов до того, как разрешил съесть останки. А тебя нашел в паре километров отсюда. Ты, кажется, доставила немало хлопот и нашим гостям и нам самим.

Марина закрыла глаза — видимо, уже устала. У нее было нетривиальное ранение, и сил для восстановления нужно было гораздо больше, чем обычно. Все её симбионты пожертвовали собой, чтобы выжила хозяйка, это не только объяснимо, но и чрезвычайно удачно. Он похлопал рукой по голове жука и сосредоточился, передавая тому маршрут движения до гарнизона.

Для Николая любой маршрут в джунглях зеленой зоны был приятной прогулкой. Он был чистокровным в третьем поколении и получил от матери возможность выделять феромоны, контролирующие местную фауну. По признанию матери, он превзошел ее в управлении и приручении новых и старых видов.

Для беззащитного нелетающего радужного жука, полного вкусной питательной смеси, безопасного маршрута не было. Поэтому Николай выбрал наименее опасный из всех возможных и отрядил в его защиту несколько косарей — богомолы с телом и задними лапами, как у паука. Взвесив все за и против, он добавил к отряду одного из двух жнецов. Конечно, потеря такого сильного хищника была существенной для его карательного отряда, но было важно, чтобы Марина добралась до дома.

Он внушил весь маршрут радужному жуку, а остальным велел защищать его ценой своей жизни, добавив вариативность поведения для охраны периметра и разведки. Перепроверил надежность каждого внушения несколько раз и скомандовал процессии выдвигаться. Наблюдая за странной, ошетилившейся усиками, клешнями и лезвиями процессией, уходящей в глубину джунглей, он слегка успокоился и решил, что самое время выдвигаться самому.

Две группы косарей Николай отправил на разведку и подозвал к себе самого крупного из заарканенных питомцев — огромного ездового голиафа, под жесткими подкрылками которого легко уместилась остальная свора из косарей, ракопауков и прочей фауны не крупнее трех метров. Не захотел ехать только жнец, который был гордым хищником.

— Вперед! — скомандовал Николай, удобно устроившись на сгибе рогов и почти не держась руками.

Живая бронированная машина со вздохом втянула воздух, поднялась на своих двухметровых лапах и быстро засемила в нужном направлении, подминая небольшие деревца, проскакивая овраги и заросли папоротников так, будто их не существовало.

Они двигались по убитым насекомым, следам крови и слизи. Тут и там встречались поломанные деревья, обожженные кустарники, вытопанная трава. Чувствовалось, что тут шла небольшая группа, преодолевая большое сопротивление и не жалея боеприпасы. Через пять минут Николай увидел старую полуразрушенную спутниковую антенну, которая находилась на расстоянии десятка километров. Спустя еще десять минут джунгли кончились.

Одна из отправленных на разведку групп косарей скрылась за разрушенными зданиями, испещрёнными следами пуль и снарядов, вторая группа замялась и остановилась у края джунглей перед устланной трупами фауны зооморфов улочкой. Старый асфальт был весь в ямках от кислоты и крови. Немногочисленную растительность выжгло до обугленных пеньков.

Заподозрив что-то неладное, Николай заставил вторую группу разведки разделиться на пять пар и послал их к антенне разными путями. Реакция была незамедлительной. В развалинах двухэтажного серого здания почти прямо перед ним что-то щелкнуло, стена упала вперед, и басом заговорил двенадцатиствольный крупнокалиберный пулемет. Пара косарей, что была прямо перед ним, исчезла в мгновение ока.

Откуда-то слева раздались пронзительные вскрики. Облачка жирного черного дыма обозначили смерть второй группы, а затем и третьей. Только справа всё было тихо, туда и направил Голиафа Николай, выждав минуту. Они двигались по самой кромке джунглей вне зоны сканеров оборонных систем. Он управлял гарнизоном три года, но не слышал, что в его зоне было такое проблемное место.

Голиаф отошел достаточно далеко от пулеметной турели, но Николай следов разведчиков не заметил. Впрочем, трупов или сильных повреждений здесь тоже не было. Наоборот, маленькие двухэтажные здания выглядели как жилые. Похлопав Голиафа по толстой шее, он приказал одному из косарей выйти из-под защиты гиганта и отправил его перед собой. Бодрой трусцой косарь пробежал около десяти метров, а затем случилось то, от чего у Николая по спине пробежал холодный пот.

Косарь продолжал бежать, но при этом растворялся прямо в воздухе. Он исчезал неравномерно: вот, истончившись до невозможности, одна из его ног лопнула, когда давление крови превысило прочность сосудов, а зеленая живительная жидкость, хлеставшая фонтаном, тут же растворилась в воздухе.

Наномашины — микроскопические рабочие роботы, не знающие усталости, страха, жалости и времени. Их размер настолько мал, что они могут быть частью воздуха, воды, стен и почвы. Здесь было огромное скопление этих рабочих, которым семьдесят лет назад дали задание построить в качестве эксперимента научный городок для сотрудников центра. При этом не обозначили срок, когда строительство должно быть закончено, и оно продолжалось, хотя строить было не для кого.

Наномашины разобрали косарей на строительные материалы для новых домов. Причем сделали это безболезненно и очень быстро. Николай заметил, как на стене дома в двадцати метрах от него появился зеленый узор из цветов и деревьев.

— Пожалуй, лучше мы пойдем там, где пулеметы и огнеметы, — пробормотал он, похлопав Голиафа по шее и разворачивая его назад. Он мог бы проскочить на Голиафе, если

поле наномашин тянется в глубину застройки метров на пятьдесят, но такой гарантии нет.

— Теперь придется проверять каждый метр.

Вернувшись к знакомой улочке, заваленной трупами, он заставил голиафа раскрыть надкрыльники, выпустив всю набранную живность. Затем забрался под один из них так, чтобы из-под толстой брони выглядывал только нос его симбионта плеваки и, закрыв глаза, отдал приказ двигаться вперед.

Протискиваясь между развалинами, голиаф терся животом об обломки зданий и расталкивал небольшие трупы. Внутренним взором Николай увидел, как перед ними падает стена, и, не мешкая, послал длинную плотную струю кислоты прямо в быстро вращающиеся стволы пулемета. Они с шипением покрывались облаком испаряющегося металла, капли падали вниз и разлетались в стороны. Вырывающиеся из стволов потоки пуль, бьющие по наклоненным вперед для защиты головы рогам, начали прерываться через несколько секунд. Прозвучал взрыв, и блок стволов разорвало вместе с подающим патроны механизмом.

Николай выбрался из укрытия и уверенным шагом направился к поверженному противнику. Обезоруженная турель пощелкивала механизмами, направляя на него свой красный механический глаз-дальномер. Ловкими движениями, отработанными годами, Николай расчленил её на несколько больших кусков, а последним из них разрезал сервоприводы двери.

Стены за турелью не было, но открывшийся проход был узок для голиафа. Бросать ценного питомца, пройдя так немного, Николай не стал: впереди могли быть любые опасности, придуманные хитрым и кровожадным человеческим разумом в борьбе за выживание.

Отбросив сомнения, он поднялся по стене на крышу полуразрушенного двухэтажного здания, которое было немногим выше голиафа, и детально оглядел местность. Перед ним был научный городок с отдельно стоящими одно- и двухэтажными зданиями. Часть из них располагалась на отшибе. Были четко видны две пересекающиеся прямые улицы.

В центре городка находились несколько разрушенных спутниковых антенн, одна более или менее сохранилась и возвышалась над остальными строениями. Остальные лежали в руинах, накрывая одноэтажные здания, где располагались двигательные установки для изменения положения и ориентирования антенн.

Отдельно он отметил несколько участков, заставленных зданиями, которые выглядели новыми. Туда соваться категорически нельзя и надо их запомнить, чтобы не посылать на верную смерть разведчиков и пехоту.

Одна из улочек начиналась на пару домов левее, ближе, чем место гибели разведывательной группы от огнеметов. Николай послал нескольких косарей вперед и оседлал голиафа, загнав в него остальную подконтрольную фауну. Медленно пробираясь между развалинами, они двигались, держа косарей на расстоянии двух метров друг от друга и не выпуская из виду.

Дорога, куда они вышли, была двухколейной, расстояние между домиками, оставлявшее место для маневра, позволило значительно ускориться. Николай потерял бдительность, и это чуть не стало роковой ошибкой. Тонкие и тусклые дуги разрядов были почти неразличимы на фоне серого асфальта, покрывающего дорогу.

Косарь, перебежавший зигзагами дорогу в поисках опасностей, внезапно сжался, скрючил все восемь конечностей и вплотную прижал брюшко к головогрудю. Секунду он источал боль, страх и недоумение, затем от него пошел сильный запах обгорелого мяса.

Тонкие дуги разрядов заплясали вдоль его тела, ища новый вход энергии. В конце концов, одна из дуг перескочила на фонарный столб, валяющийся у дороги, и разряд с жутким грохотом ушел в землю.

Резко прикрикнув на замершего впереди косаря, Николай послал голиафа быстрым галопом, стараясь быстрее миновать участок с молниями, пока находящиеся в той области наномашин не начали вновь накапливать статический разряд. Еще одно постапокалиптическое чудо: образовавшиеся в процессе вирусной атаки наномашинные статические поля.

Николай родился в начале сотых от скоротечного брака двух военных зооморфов и не мог помнить о том, как образовались все эти активные поля наномашин, но учебка, год службы и слухи, пересказанные старшими товарищами, полностью сформировали весь необходимый багаж знаний, касающихся полей из наномашин.

Во время Последнего теракта в 2079 году группа экстремистов внедрила в каждый информационный центр, каждый терминал и каждый вживленный в головы людей универсальный диагностирующий интерфейс (по-простому УДИ) свой вирус. Наномашинны, призванные лечить людей от всех возможных болезней и повреждений, продлевать жизнь и гарантировать работоспособность, были вживлены вместе с

капсулой-интерфейсом в череп. Одновременно на всех устройствах в мире террористическая группа запустила процесс, названный позже пожиранием.

Наномашинны в УДИ получали программу к постоянному самовоспроизведению за счет переработки органики в новые копии наномашин в контролируемой интерфейсом области, обычно не превышающей в радиусе одного метра. Только этим метром являлась верхняя часть туловища человека. Подробности борьбы с вирусом зооморфы забыли за ненадобностью, а вот последствия четко отслеживались.

После теракта все человечество поделилось на три категории: тех, кто выжил без каких-либо последствий; тех, кто потерял способность мыслить самостоятельно и чей мозг был восстановлен в режиме самообороны; тех, кого наномашинны переработали в самих себя. Первых осталось меньше двух процентов, а последних больше семидесяти. На каждого выжившего приходилось сорок пять погибших и больше десяти технологических зомби.

По какой-то причине некоторые УДИ не отключались после смерти носителя и все так же перерабатывали любую органику, до которой дотягивались. При этом были интересные, но смертельно опасные отклонения. Например, некоторые УДИ заставляли свои наномашинны резко включаться, те мгновенно перегревались и через несколько миллисекунд отключались. Этого хватало, чтобы разогреть газ и все, что в нем находится, до температуры в несколько сотен градусов. Другие накапливали статическое электричество и отдавали его любому приблизившемуся объекту, пропуская через него постоянный ток, достаточный, чтобы зажарить изнутри любое живое существо.

В общем, несмотря на различия и множество вариантов таких полей, рекомендация была одна: обходить все из них стороной. Поговаривали, что в старых медицинских центрах, куда по незнанию свозили людей после теракта, образовывались громадные поля наномашин в несколько этажей, включая прилегающие территории. К счастью, и зооморфы и киберы, в конце концов, смогли найти способы очистки территорий от наномашин, но очистить удалось не все.

Он не рассчитывал на легкую прогулку, но такого скопления всевозможных опасностей не предусматривал. Чтобы не рисковать лишней раз, он прогнал косаря по спирали вокруг

голиафа, а затем, удостоверившись, что ближайшие десять метров им всякие поля не грозили, скомандовал выгружаться.

Несмотря на предыдущие потери, питомцы, выгрузившиеся из голиафа и сгрудившиеся у его ног, могли внушить страх даже опытному врагу. У него осталось два десятка косарей, шестнадцать бронированных ракопауков, пять трехметровых слизней-плевателей и, конечно, гордость любого пастуха — невидимый, вернее, полностью прозрачный жнец. Вполне внушительный отряд для прочесывания небольшого участка земли.

При этом голиаф выделял ферменты, помечая безопасную дорогу, так что в случае крайней необходимости можно было позвать подкрепление или быстро покинуть опасный район с минимальными рисками. Воодушевленно осмотрев свое стадо, Николай сосредоточился, выделил несколько косарей как наименее ценный материал и отправил их вперед.

В двух метрах сзади шел голиаф и ракопауки, бегущие по асфальту и по стенам зданий. Чуть дальше под прикрытием косарей ползли плеватели. Жнец держался рядом с Николаем, но его присутствие почти не чувствовалось. Они шли по узкой улочке плотной походной колонной, которая в любой миг могла разделиться на оперативные группы и рассредоточиться, занимая укрытия и наиболее выгодные точки.

Николай сосредоточился на авангарде, буквально чувствуя каждый острый камушек под ногами косарей, ощущая запахи и различая недоступные человеку привкусы. Он смог обнаружить два поля до их активации, и группа пропустила их сквозь себя, не останавливаясь, как вода огибает камни.

Одна из стен домов вдоль улицы излишне пахла железом, а должна была быть бетонной. Чтобы понапрасну не рисковать и не тратить время, Николай послал жнеца подпереть её собой. Расчет оказался верен: пока дверь, визжа моторами, пыталась открыться, к ней подскочил голиаф и уронил её внутрь, навсегда заблокировав открывающий механизм.

Чем ближе они приближались к антеннам, тем отчётливее было чувство опасности. Каждое третье здание обладало системой защиты, к счастью, почти все они были разрушены. Попалось несколько истлевших трупов, валяющихся у стен. Много лет назад люди стекались сюда и спешили куда-то за антенны, маячившие на расстоянии километра. Судя по растущему количеству тел, добрались далеко не все.

Здесь были одиночки и целые семьи. Возле одной Николай невольно остановился: тела пары лежали, скрючившись, стараясь защитить собой детей. По всей видимости, этот район когда-то бомбардировали, возможно, даже атомным оружием.

Мысли Николая спутались, он задумался о том, скольких жертв можно было избежать, если бы лет двести назад человечество вместо того, чтобы развивать технологии убийства, вернулось к счастливой жизни предков, земледелию, занятиям спортом, разведению новых животных и растений.

Жнец сильно толкнул его, бесцеремонно вырвав из бесполезных философских рассуждений. Николай прикрикнул было на него, но вдруг услышал шипяще-свистящий звук воздуха, рассекаемого полуметровой вольфрамовой стрелой. Время будто замедлилось и, повернув голову, он увидел сквозь двадцатисантиметровую дыру в толстенной броне голиафа дуло танкового дрона, вооруженного рельсовой пушкой двухсотого калибра.

Этот чрезвычайно редкий боевой охранный дрон был вишенкой на торте вооружений середины двадцать первого века. Четыре регулируемых по форме и высоте скоростных гусеницы могли нести его по пересеченной местности как по ровному асфальту. Узкая

башня высотой всего в двадцать пять сантиметров несла одиночную двухсотмиллиметровую рельсовую пушку на сверхпроводниках, стреляющую специализированными самонаводящимися снарядами на расстояние до пятидесяти километров. Корпус танка состоял из многослойной амортизированной блочной брони, которую было легко ремонтировать и почти невозможно пробить.

Он возник как из воздуха, скрытый до выстрела маскирующими панелями, и был не один. Это оказалась хорошо подготовленная засада, которую, судя по следам перемещенных панелей, некто сумел организовать не так давно. Разбрасывая черные комья, из-под земли выпрыгнули несколько боевых охранных дронов, вооруженные пулеметами и наплечными ракетницами. Кто бы ни организовал эту засаду, она была умелой, максимально использовала особенности местности, хотя рассчитана была против кого-то другого.

Раненый голиаф, взревев, набросился на танк, поддев его рогом. По сравнению с голиафом танк был как котенок против взрослой овчарки: жалобно завизжав гусеницами, он пытался съехать с рогов, но голиаф быстрыми четкими движениями поднял его в воздух, затем бросил на землю башней вниз. Это не повредило броню танка, но стрелять он теперь мог только в землю, он вращал гусеницами и, пытаясь выбраться, беспомощно поворачивал корму.

Косари отступили под защиту бронированных ракопауков, оставляя за собой трупы сородичей, погибших под огнем пулеметов. Дроны отчаянно отстреливались, но ракопауки были почти неуязвимы для стрелкового оружия, именно для этого их и вывели в свое время. Ракеты, отправленные дронами в голиафа, были уничтожены в полете меткими залпами кислоты, выпущенной слизнями.

Все закончилось в считанные секунды. Разорванные на запчасти дроны выполняли свою задачу до последнего, но были устаревшими моделями, не подготовленными к встрече с пастухом и его стадом. Голиаф втоптал танк так, что снаружи остались только гусеницы и днище корпуса. Он всё ещё представлял угрозу, но пробивать или прожигать кислотой его корпус было слишком долго.

Николай не понаслышке знал, как действуют дроны под управлением Разума, но эти выполняли обычные охранные функции, подчиняясь заложенной в них программе, а не постоянным приказам гениального Искусственного Интеллекта, управляющего почти половиной планеты. Николай не сомневался бы в победе и над дронами, управляемыми Разумом, только потери были бы в разы больше.

Николай рассчитывал, что засада стала самым существенным сопротивлением на пути к поимке преступников. Он отдал питомцам приказ отдыхать и кормиться павшими, а сам сел в позу лотоса и, выбрав самых сытых и здоровых косарей, взял их под прямой контроль. Их глаза стали его глазами, их усики стали его нюхом и слухом. Одновременно под такой прямой контроль он мог брать до трех животных и гордился этим, ведь в войсках контроль даже более чем над одним питомцем считался очень хорошим показателем.

Мир превратился в объёмную абстракцию, сияющую миллионами оттенков самых безумных цветов, звуков и запахов. Человеческий мозг, не приспособленный получать столько информации от различных источников, преобразовывал их, меняя способы интерпретации и восприятия. Запахи и звуки приобретали цвет, дополняя и расширяя видимую картину.

Николаю всегда нравилось ощущение волшебства, которое он испытывал при прямом контроле. Разбегающиеся в разные стороны питомцы не разделяли картину на части, а

формировали причудливое единое целое. Он видел все чуть сверху, это помогало его тактическим навыкам раскрыться наиболее четко.

Ничто не могло скрыться от его взора. Высоковольтные кабели, проложенные в стенах и под землей, пахли резиновой изоляцией, медью и озоном. Он видел их как черно-рыжие вены, связывающие органы городка: здания, высоковольтные щиты, трансформаторы, станции зарядки дронов и турелей.

Отметив с десятков опасных мест, Николай проложил менее рискованный маршрут к антеннам, выстроил троих разведчиков на этом пути и пришел в себя. Открыв глаза, он тихо выругался. Плоский безжизненно-серый мир перед его глазами был обыденно чудовищен — ему будто завязали глаза, залили воском уши и отбили молотком все пальцы. Каждый раз Николай с трудом возвращался к реальности после выполнения этого трюка и за это не любил свою ценную способность прямого контроля.

Отдав мысленный приказ выдвигаться, он устало взобрался на пробежавшего мимо ракопаука и лег на спину, вглядываясь в бескрайнее синее небо. Даже прекрасный вид его не радовал: небо покрывала тонкая серая пленка облаков. Облака из наномашин — чудовищное оружие Разума, поглощающее солнечные лучи, предназначенные растениям и всем животным Земли, накапливали энергию и уносили её к городам киберов.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Николай спрыгнул на асфальт и пошел сам, по пути пиная мелкие камушки, стараясь попадать ими друг в друга. Он хорошо прошерстил дорогу, и каждая опасность, встречающаяся на пути процессии, была ожидаемой и предсказуемой.

Одиноким, спрятавшийся в развалинах дрон был уничтожен точным плевком слизи ещё до того, как успел открыть огонь. Пара турелей на противоположных концах улицы могла стать серьезной проблемой, но обе запитывались от одного кабеля, а их источники аварийного питания давно превысили свой срок службы. Косари ловко прорыли яму за десять метров до турелей и перегрызли проводку до того, как Николай зашел за угол.

Из-за большого поля наномашин пришлось сделать небольшой крюк и пройти внутри развалин. Вернувшись на дорогу, они издали расстреляли датчики движения для открытия дверей, за которыми угадывалось большое скопление машин, в видении Николая они отображались как большая черно-фиолетовая аморфная жижа с кучей отростков-щупалец.

До антенн оставалось два поворота и чуть больше ста метров. Никаких опасностей впереди не отмечалось, и Николай, не сбавляя темпа, повернул за предпоследний угол. Серый асфальт потрескался, порос цветами и травой. Везде лежали давно истлевшие трупы. Он прошел половину пути, вдруг острое чувство тревоги пронзило его, он встал как вкопанный.

Он не мог определить, откуда исходит опасность. Повинуясь неслышимой команде, питомцы выстроились вокруг самого ценного, что у них было — своего пастуха. Косари шипели, ракопауки чуть посвистывали, а голиаф мотал головой из стороны в сторону. Насекомые не ведали чувств, кроме боли от ударов и удовлетворения от выполняемых приказов, однако они прекрасно ощущали опасность и передавали это чувство тому, кто бояться мог, Николаю.

Страх окружал со всех сторон. Казалось, не было просвета во внезапно сгустившейся тьме. Николай взял себя в руки и успокоился. На них никто не нападал. Никаких признаков полей наномашин, дронов, мин и турелей. Анализ показывал, что чувство опасности иррационально, но оно было более чем реально.

— Они внизу, — бодрый жесткий голос раздался откуда-то сверху, и Николай вскинул руку с плевателем, рефлекторно выпустил в крылатую фигуру в небе над ним струю кислоты. Резко дернувшись в сторону, фигура сделала полукруг и начала снижаться. — Эй, Коля, ты чего творишь?!

Солнце, бившее в глаза и мешавшее рассмотреть фигуру, теперь резко подчеркивало лицо Алексея, державшего шлем подмышкой левой руки. Хорошо знакомый силуэт оказался в паре метров, слышался бодрый стук крыльев о воздух. Николай примирительно поднял руки перед собой, показал пустые ладони. Алексей усмехнулся и приземлился рядом на асфальт. Они обнялись, похлопали друг друга по плечам и внимательнее присмотрелись.

— Прости, Леха. Как ты здесь оказался? — У Алексея были видны едва зажившие шрамы. Правая рука стала неестественно ярко-зеленой, её обвивали два молодых симбионта: плеватель был стандартным выбором, а второй был очень странным. — Что это за красная бронированная сколопендра у тебя на руке?

— О, заметил мое приобретение, — в голосе Алексея чувствовалась гордость. — Нашел это чудо эволюции присосавшимся к одному из старых пожирателей, пока искал молодняк плевателей для приручения. Ты не поверишь, что он может! — С этими словами Алексей навел руку на здание поодаль, из небольшой пасти сколопендры с тихим свистом вылетела капсула. Столкнувшись со стеной, она лопнула, не нанеся видимого урона, и распалась облачком тумана. Внезапно края облачка загорелись, и огонь мгновенно выжег покрываемую им область, воздух сжался, раздался оглушительный взрыв. Бетонная стена с грохотом обвалилась, ударная волна опрокинула растерявшегося Николая, и он пребольно сел на землю.

— Наши этакое вывести не смогли, само родилось, может, даже в единственном экземпляре, — Алексей любовно погладил сколопендру по панцирю. — Огнетет и боеприпас объемного взрыва в одном флаконе. Нам бы таких лет пятьдесят назад и, может, мы смогли бы не только Питер отбить, но и Москву, — протянув руку, он поднял с земли Николая. — Не знаю, правда, будет ли от него толк там, — он ткнул в землю у себя под ногами. — Наши беглецы спустились в подземный комплекс, так что пойдем их догонять.

Алексей приобнял Николая и на правах старшего повел к чернеющему проемом входу под спутниковыми антеннами.

Глава 6. Встреча

Борис поднимался по бесконечной лестнице, проползая этажи один за другим. Лифт, которому он так радовался, застрял, не преодолев и восьми из сорока пяти этажей. Затем раздался гулкой взрыв, свет в лифте погас и он остановился. Двери открыть не удалось, Борису пришлось вылезать через верхний люк в шахту. Длинные эвакуационные лестницы были сделаны из жаропрочного неразлагающегося пластика и крепко держались в бетонных стенах.

Он уже дважды останавливался передохнуть, привязывая себя ремнем к ступенькам. Ему очень хотелось спать — пожалуй, так и надо было поступить вместо того, чтобы вылезать из лифта. Но Борис уже забрался на двадцать этажей, возвращаться не было ни сил, ни желания. Он снова привязал себя к лестнице, отстегнул фонарик от головы и осветил в шахту.

Длинный, кажущийся бесконечным туннель лифта через десяток метров поглощал свет фонаря. Гнетущая темнота без единого пятнышка света высасывала надежду и последние силы. Борис достал из-за пояса бутылку с питательной смесью и отпил несколько глотков. В глазах чуть прояснилось, внезапно краем глаза он заметил отблеск.

Тонкий лучик света, почти неразличимый в темноте, виднелся на расстоянии двух этажей. Вероятно, створки двери приоткрылись из-за того, что она была повреждена. Борис сделал еще несколько глотков, надел фонарь на голову и начал подниматься. В свете фонаря лучика не было видно, но Борис точно помнил, где был источник света.

Он за несколько минут поднялся к двери в шахту лифта и сначала не понял, откуда шел свет. Дверь выглядела непроницаемой и абсолютно целой. Спустя несколько секунд он заметил в самой шахте потеки металла и пластика, присмотрелся и обнаружил внизу двери отчётливые дырки, как в сыре.

Нечто расплавил толстую металлическую дверь так, что сталь потекла в шахту. Не раздумывая, что бы это могло быть, Борис воткнул остриё молотка в щель и навалился всем телом.

Вначале дверь не двигалась, тогда Борис уперся обеими руками в ручку молотка, а ногами в стену лифтовой шахты. Дверь поддавалась, но это чуть не стоило ему жизни. Что-то, вероятно, замок, глухо щелкнуло в двери, и ее створки легко разъехались в стороны. Оставшись без опоры, Борис вместе с молотком начал падать вниз, ремень, который он привязал к лестнице, дернул его назад и мгновенно ослаб: лопнула застежка. Борис в невероятном движении успел ухватиться за лестницу кончиками пальцев и прижался к ней, как к родной.

Из дверного проема падали трупы. Куча иссохших серо-фиолетовых тел была навалена у двери, и когда та открылась, несколько тел упали в шахту лифта. Борис проводил их взглядом и пожелал, чтобы ни у одного из упавших не было нужных ему ключ-карты или припасов.

Он отдышался, свернул страховочный ремень и начал забраться на следующий этаж. Неяркий белый свет от светодиодных ламп, выгоревших на три четверти, освещал вход на этаж и кучу трупов. Что за ними — было не разобрать.

Борис вцепился одной рукой в лестницу, а другой в открывшуюся створку лифта,

раскачался и попытался прыгнуть. Со стороны это было больше похоже на слегка контролируемое падение, но помогло перевалить через тела и упасть на пол.

Невольно проведя рукой по полу, Борис угодил пальцами в лужицу жидкости, покрытой тонкой пленкой, поднёс руку к глазам. С ужасом он осознал, что это невысохшая кровь. Ярко-алый цвет был смешан с зелеными оттенками, они, казалось, не проникали друг в друга.

Борис сел на пол и осмотрелся. Он находился в небольшом коридоре, где несколько часов назад явно было поле боя. Везде валялись трупы серых тварей с фиолетовыми отростками из головы и шеи. Их было не меньше десятка. Вместе с теми, что упали в шахту, можно было говорить о пятнадцати. Голова каждого была расплющена или разрезана, Борис не заметил ни одной огнестрельной раны.

В коридоре были три абсолютно одинаковые раздвижные двери без табличек: одна напротив лифта, две по бокам. Панели доступа, находящиеся рядом со створками, по какой-то причине не горели. Борис еще раз огляделся, затем отполз на сравнительно чистый участок пола, прислонился спиной к стене и погрузился в полудрему.

Из забытья его выдернул душераздирающий крик, пробирающий до костей. Крик принадлежал скорее животному, чем человеку, он был наполнен гневом и яростью, и в то же время болью, отчаяньем и страхом. На инстинктивном уровне Борис понял, что это крик о помощи. Крик первого живого существа в этом темном бетонном гробу через много часов после его пробуждения.

Не мешкая и не раздумывая, Борис бросился к центральной двери. Вцепился двумя руками в выступ на поверхности и отчаянно потянул её в сторону. Дверь удивительно легко поддалась. На Бориса накатили новые ощущения. Тусклый ровный свет светодиодных ламп сменился ярким, то разгорающимся так, что больно глазам, то тухнувшим совсем светом встроенных в стены и потолок плафонов. Запах крови, кислоты и металла смешивался с непонятно откуда взявшимся запахом свежескошенной травы.

В мерцающем свете следующий участок коридора был похож на картину художника-абстракциониста, разбрызгавшего вокруг краски. Серые, зеленые и красные полосы, пятна и потеки были везде: на полу, на стенах и на потолке. Он выхватил пистолет раньше, чем смог понять, что ему так не нравится в этой картине.

В противоположном углу у двери высокая зеленоватая фигура отгораживалась от нескольких тварей старым офисным столом. Не раздумывая, Борис принял стойку, взял пистолет двумя руками и выстрелил. Несмотря на большое расстояние, пуля настигла свою жертву. Голова одной из тварей дернулась и упала под ноги собратьям. Шесть пар фиолетовых глаз уставились на него, отчетливо виднеясь во вспышках света.

Он выстрелил ещё, на сей раз пуля прошла чуть выше, чем нужно. В тот же момент четверо из шести тварей бросились к нему. Борис, не мешкая, выстрелил в первую, попал в переносицу и отправил ее к праотцам. Вторая тварь прыгнула на стену и, оттолкнувшись когтями, уже летела на него сверху, выставив вперед руки. Он потратил три пули подряд за доли секунды, но тварь всё же долетела до него, придавив всем телом.

Борис отбросил с себя вторую тварь, но снова упал под весом третьей. Острые как лезвия когти пролетели в миллиметре от его носа, он смог принять тварь на согнутые ноги, спружинил ими и резко оттолкнул её от себя так, что она повалилась на спину.

Борис вскочил на ноги, чтобы добить третью тварь, но лишь успел вскинуть пистолет перед лицом четвертой. Дуло смотрело прямо в глаза твари, выстрел должен был уложить её

без вариантов, однако в последний момент тварь чуть наклонила голову, и Борис с ужасом заметил, что на ней бронешлем. Пуля на секунду откинула голову твари, и та отступила на пару шагов. Он нажал на спусковой крючок ещё раз, но выстрела не последовало — в шестизарядном пистолете кончились патроны.

Борис понимал, что если он полезет в карман за обоймой, то это будет, вероятно, последнее, что он успеет сделать в жизни. Подпрыгнув и ухватившись руками за край дверного проёма, он ударил ногами в грудь твари. В последний момент пальцы соскользнули, и удар пришелся в живот, чуть ниже летящих стальных когтей, которые могли оттяпать ему ногу.

Воспользовавшись свободой, Борис перезарядил пистолет и успел передёрнуть затвор, в это время третья тварь вскочила на ноги. Точным выстрелом Борис снес ей голову и сосредоточил внимание на твари в броне охранника. У него осталось пять снаряженных пуль. Дальше по коридору две твари наседали на зеленую фигуру, а значит, в запасе всего три, в идеале — два выстрела, чтобы разделаться с бронированной тварью.

Борис выхватил из-за спины импровизированное копьё, упёр его одним концом в пол, а второй выставил перед собой, при этом держал четвертую тварь на мушке. У Бориса была всего пара секунд, пока тварь обходила его полукругом, но он успел хорошо рассмотреть броню — стандартный набор охраны, разрешенный для ношения гражданским лицам после серии терактов в Европе.

Закрытый шлем с узкой прорезью для глаз и пятью зрачками камер, транслировавших изображение на внутреннюю поверхность, чуть болтался на исхудавшем теле. Многослойный пуленепробиваемый бронежилет класса «чешуя дракона» болтался также. Воротник и горло шлема не сходились — это было, пожалуй, единственное уязвимое место.

Тварь бросилась в атаку первой. Взмахом когтей она разрубила копьё пополам и сжала Бориса в смертоносных объятьях. Её когти вцепились в спину Бориса, легко разрезали ткань рюкзака, прошли сквозь коробки сухпайков и впились в легкий бронежилет. Тварь пыталась сжать руки, от этого, вероятно, спасли коробки с патронами. Засунув руку под воротник, Борис нажал на спусковой крючок, тварь упала, потянув его за собой. Понадобилось несколько секунд, чтобы высвободиться из когтей твари, он смог сделать это, только сбросив рюкзак.

Две последние твари бросились на него с разных сторон, как сговорившись. На первую ушло три патрона — на один больше, чем Борис рассчитывал. Вторая тварь успела добраться до его правой руки, располозовав мышцы на локте до кости. Взвыла наплечная аптечка, вводя лошадиную дозу обезболивающих коагулянтов и антисептиков. Боли не было, только отчаянное желание выжить, Борис ударил тварь кулаком в лицо ещё и ещё раз, но это не имело никакого эффекта. Легким взмахом когтей тварь перерубила ствол пистолета, который Борис сжимал в правой руке.

Борис в отчаянии отскочил назад, упал на спину и нащупал под левой рукой остатки копья. Извернулся, позволяя твари ударить в то место на полу, где секунду назад была его голова, и с силой вогнал отвертку в основание черепа. Хруст кости ударил по ушам, через мгновение тварь упала на него сверху, придавив всем весом. Борис оттолкнул ее в сторону и не сдержал крик от боли в правой руке, на которую перевалилось тело. Ему требовалось срочно обработать и защитить рану. Он с трудом встал и на подкашивающихся ногах направился к рюкзаку.

Только сейчас он обратил внимание на струящуюся из раны кровь, к счастью, удар

пришелся на верхнюю сторону, артерии были не задеты, но, даже зажимая рану рукой, он оставлял на полу кровавый след. Он слышал голос на непонятном языке, отдаленно напоминающем белорусский. Похоже, зеленая фигура звала его, но сначала надо было закрыть рану.

Баллончики со спреевыми бинтами, которые он нашел в лаборатории наномашин, были пробиты когтями твари. Только в одном оказалось достаточно давления, чтобы стянуть рану клеевидным веществом. Борис не стал экономить, оставляя на потом, обильно залил рану клеем, затем вставил в плечевую аптечку новый картридж вместо израсходованного в бою.

Когда Борис понял, что рана полностью покрыта клеем и кровопотеря ему не грозит, он расслабился и тут же упал в обморок.

Спустя минуту или меньше он очнулся от увесистой оплеухи. Над ним возвышалась женщина ростом под два двадцать, как раньше говорили, «косая сажень в плечах». Такая легко заняла бы первое место в чемпионате бодибилдерш планеты, если бы не её неестественный зеленый вид.

Борис криво ухмыльнулся своим мыслям и попробовал снова провалиться в беспамятство, но его грубо прервали.

— Парле де франсе? Шпрехн зи дойч? — Каждый вопрос сопровождался ударом по лицу. — Ни вялти джен ко? Анатава нипонжин? — Он старательно пытался вспомнить хоть один из перечисленных языков, но никак не успевал до следующего удара.

— Отвали от меня, чурка нерусская, — только и смог произнести Борис после четвертого или пятого удара.

— Ах, ты ж, дрянь тощая, — в сердцах воскликнула женщина и ударила его так, что он отключился. Правда, и тут ему не удалось отдохнуть. Первое, что он заметил, когда открыл глаза, как женщина вводит ему одной рукой лекарство через инъектор. Он долго, как во сне, пытался понять, почему она делает это одной рукой, да ещё и левой, пока не разглядел, что правая отсутствует почти по плечо. Она легко справилась даже одной рукой, стало ясно, что у нее была обширная практика. Спустя секунду его начало адски трясти, а в глазах женщины он заметил не наигранное удивление и страх.

— Стой, подлюка, от моего лечения ещё никто никогда не умирал! — Она взяла Бориса рукой за горло, посчитала пульс, затем осмотрела его с ног до головы и нажала какие-то кнопки на наручной аптечке — та запищала и начала очищать кровь, выводя из организма превышенную дозу препарата. В глазах окончательно потемнело, и он провалился в беспамятство на несколько часов.

Он проснулся от боли во всем теле. Возможно, в аптечке закончилось обезболивающее, или медикаментозная доза превысила допустимую для его организма. Он лежал на полу у стены. Под головой был рюкзак и свернутая куртка. Попробовал поправить импровизированную подушку, но понял, что руки связаны. Решив осмотреться, Борис с огромным трудом заставил себя сесть и, помогая ногами, прислонился к стене.

Он всё так же был в коридоре с мигающими лампами, только трупов тварей больше не наблюдалось. Судя по следам, всех их сбросили в шахту лифта. В углу штабелем лежали полутораметровые зеленые свертки, рядом с ними стояла на коленях женщина. Еще недавно казавшаяся великаншей, теперь она выглядела маленькой и сморщенной. Она рыдала, не скрывая этого.

Рядом с ней стоял подросток, судя по одежде, парень лет тринадцати. Его кожа была такого же зеленоватого цвета, голова была покрыта густыми черными волосами с редкими

пряжками ярко-зеленого цвета. Сначала Борис подумал, что парень покрасился по какой-то местной моде, но затем решил, что это естественные образования. Парень стоял с опущенной головой — со спины было не видно, но казалось, что он плачет: плечи регулярно чуть вздрагивали.

Поджав ноги, Борис попытался встать. Ему показалось неправильным отвлекать этих двоих, но хотелось понять, что происходит. Стараясь не шуметь, он по стенке, облакачиваясь, подошел ближе и замер в ужасе. На полу лежали тела двенадцати детей лет от восьми до десяти. Борис уперся плечом в стену и ошарашенно присел.

Женщина резко перестала плакать, её лицо внезапно стало жестким и непроницаемым. В одно мгновение она оказалась рядом с Борисом. Схватила его за горло и подняла, уперев в стену для надежности. Только сейчас Борис заметил, что у неё появилась вторая рука, хотя и гораздо тоньше. На месте, где рука была оторвана, виднелся белый шрам, резко выделяющийся на фоне зеленой кожи.

— С каких островов ты, вольный, к нам заявился? Что тебе здесь надо? — Борис хотел ответить но, по всей видимости, женщине ответы были не нужны. Как только он открыл рот, она сильно ударила его головой о стену. — Мы мирно жили тут десять лет, а вы своим приходом разбудили мертвецов, — она из последних сил сдерживала слёзы. — Смотри, что ты наделал, посмотри на их лица — это ты, ТЫ их всех убил!

Женщина бросила его на колени перед телами детей и снова зарыдала, прислонившись к стене. Он посмотрел на лица тех, кто погиб при свете этих мигающих тусклых ламп в окружении ужасных тварей. Большинство были обезображены ранениями и нещадно раскромсаны когтями. При этом тут и там были заметны нехарактерные для людей вещи.

У девочки лет девяти с раскроенным черепом кроме зеленого цвета кожи сильно выделялись уши, свернутые полугрубочкой, как у большой летучей мыши. У паренька на голове ран не было, вероятно, они на теле, заботливо укутанном в плащ, его брови украшены как у кота длинными усиками-антеннами, а вдоль носа идет жесткая зеленая шерсть.

Борис с ужасом думал о том, какие безумные опыты ставили в этой лаборатории. Он сам был добровольцем по программе излечения от переносимого наномашинами вируса, но дети такими добровольцами стать не могли. Вероятно, родители были вынуждены отдать их на столь бесчеловечные опыты, чтобы спасти от смертельной болезни или ещё чего-то похуже. Таким было единственное разумное объяснение, хотя многое из того, что он увидел, разумному объяснению совсем не поддавалось.

— Я не вольный. И не знаю, кто такие вольные. Я не имею отношения ни к каким террористическим организациям. И не имею ничего общего с тем, что здесь происходит, — Борис долго обдумывал слова женщины, и это единственное, что пришло ему в голову.

Женщина резким движением схватила его за волосы и припечатала к стене.

— Ты думаешь, я дура и поверю тебе? Ты один посреди зеленой зоны, ты не один из нас, и даже если тебя изгнали из твоей паствы или епархии, для нас ты один из них. Чужак, который приносит лишь одни проблемы.

— Я не понимаю, о ком вы говорите, — Борис старался быть вежливым, насколько в данной ситуации было возможно. — Я никогда не встречал никаких вольных. Я работаю в этой лаборатории по контракту, я доброволец испытаний новых видов лечения.

— Ты точно держишь меня за дуру, убью, — женщина замахнулась левой рукой, и в очередной вспышке света лампы Борис с ужасом увидел, как из нароста на её руке вылезает полупрозрачное лезвие шириной в несколько сантиметров и длиной около полуметра.

— Это бред, — только и смог прошептать Борис, широко раскрыв глаза и уставившись на лезвие.

Как ни странно, но эта незатейливая фраза вкупе с выражением его лица внезапно остановили потенциальную убийцу. Мальчик, который стоял всё это время чуть поодаль, прижался к женщине и спрятал лицо в её одежде. Женщина склонила голову в его сторону, через некоторое время клинок втянулся обратно в ткань на её руке, затем она отпустила Бориса.

Ему показалось, что он внезапно стал глухим — как будто разговор идет на недоступной ему частоте звука. Похоже, так и было: они смотрели друг на друга, не произнося ни слова, и только у мальчика чуть шевелились губы, как у того, кто недавно научился читать про себя, но еще не перестал произносить прочитанное. В конце концов, женщина сердито кивнула и повернулась к Борису. Взгляд её стал удивленным и чуть менее агрессивным.

— Он тебе верит. Не знаю почему, но верит. Не иначе, как ты сам веришь в тот бред, что говоришь. Его обмануть невозможно. Я не знаю, как может быть правдой, что ты, будучи вольным, никогда не встречал вольных. И уж тем более не могу поверить, что ты работаешь в этой лаборатории кем бы то ни было. Я вожу сюда детей на экскурсии с первого класса и никогда не видела здесь живых. Я разрешу задать тебе несколько вопросов, если потом ты максимально честно и полно ответишь на мои вопросы.

Борис быстро кивнул несколько раз. Он прокручивал её слова раз за разом, пытаюсь вычленив крупицу логики, которая не противоречила бы его собственной, однако всё у него возникало все больше вопросов, невозможных с логической точки зрения. Поэтому он, наконец, сдался.

— Зачем вы водите сюда детей? — вопрос будто повис в воздухе. Ни Борис, ни женщина его не ожидали, и даже парнишка удивленно выглянул из своего укрытия.

— Как зачем? — Женщина некоторое время стояла молча. Она чуть покачивала правой рукой, а левой гладила себя по волосам. — Для того, чтобы они учились на ошибках прошлого, а не своих собственных. Чтобы знали, как опасны неконтролируемые технологии, которые привели к великой войне, — она на секунду задумалась. Затем резко дернулась, подняла голову, жестко вцепилась в него взглядом и занесла руку для удара. — Ты хочешь сказать, что это я виновата в гибели наших первенцев потому, что зря подвергла их опасности?

— Я совсем не имел это ввиду, — Борис, защищаясь, закрылся руками. — Вы говорите, что технологии это вред, но отлично разбираетесь в медицине, без проблем настроили мою аптечку, управляетесь с инъектором так, будто делаете это каждый день...

Он произносил успокаивающие слова максимально дружелюбно и спокойно, насколько был способен. Было очевидно, что сейчас его жизнь в руках этой женщины, и так же очевидно, что он сошел с ума. Или весь мир сошел с ума, а он один остался нормальным. Великая война — ошибки прошлого, которые изучают в сверхсовременной засекреченной подземной лаборатории. Серые твари, когда-то бывшие людьми, и фантастичные зеленые люди, дети с мутациями. Реальность происходящего вернулась к нему.

Он здесь, он живой, и прямо перед ним стоит зеленая женщина выше двух метров ростом. Ни на какой ПКС-синдром такое списать невозможно. Значит, надо расслабиться и просто получать информацию, учиться заново.

— Давайте начнем с начала. Меня зовут Борис, — он слегка поклонился, неуклюже

прижав раненую правую руку к груди.

— Меня зовут Оксана, — без церемоний протянула ему руку женщина, Борис тут же её пожал. Он видел, что она всё ещё еле держится: в глазах стоят слезы, а сама готова сорваться в любую секунду. Нужно было занять её разговором и заодно выяснить, что здесь происходит.

— А тебя как зовут, парень? — При этих словах мальчик ещё сильнее прижался к Оксане, отвернулся и спрятал лицо. — Ты чего меня боишься? Я для тебя не опасен.

— Это Кириллка, — женщина ласково погладила паренька по голове. — Наш старшенький.

Тот выглянул, посмотрел сначала на неё, потом на Бориса. Это длилось не больше пары секунд, но у Бориса возникло стойкое ощущение, что его рассматривают как экспонат. Он и сам был не прочь разглядеть Кирилла получше. По всей видимости, у парня начинался переходный возраст, его черты менялись, становясь чуть более жесткими. Лицо с угловатым квадратным подбородком окаймляла странная череда шишек, напоминавших растущие у оленят рожки ещё не прорезавшиеся сквозь кожу. По две таких шишки были в верхней части лба и у висков. Его покрытые по всей длине короткими волосами уши были неестественно острыми и длинными, раза в полтора длиннее обычных. Жесткие густые черные волосы перемешивались с ярко-зелеными вихрами. Если бы Борис встретил этого паренька до того, как лег в криокапсулу, пожалуй, не на шутку испугался бы, или подумал, что это костюм для Хэллоуина.

Внезапно Борис сам себе улыбнулся, ведь его собственный вид был сейчас ненамного лучше: торчащие из тела трубки автоаптечки, рубленые раны, изодранная одежда, кожа в красных, розовых и фиолетовых брызгах своей и чужой крови. Полупрозрачный розовый желеобразный гель на месте раны.

— Вот и познакомились. Не могу сказать, что день у меня задался. Я рад, что вы живы, и я вас встретил, — Борис снова улыбнулся, стараясь сделать это наиболее дружелюбно. — Давайте вместе выберемся отсюда, а потом уже разберемся, что происходит?

— Ты согласен предстать перед советом деревни после того, как мы покинем лабораторию? — Тон Оксаны подсказывал, что отказ её не устроит. Впрочем, Борис был не против. Совет деревни. Мало ли деревень в округе. Это не худшее, что с ним может произойти.

— Да, конечно. Кирилл, ты сможешь мне освоиться? — Голос Бориса чуть дрогнул. Он хотел сказать это весело, а получилось слишком наигранно. Настолько, что мальчик нахмурился. Затем прохрипел что-то нечленораздельное и, в конце концов, очень серьезно кивнул.

— Не расстраивайся, Кирилл, всё получится, — Оксана погладила его по голове и повернулась к Борису. — А ты на него не налегай, не может он сейчас говорить. Переходный возраст у него, геном меняется, тело перестраивается.

Оксана заметно преображалась, обращаясь к Кириллу. Было похоже на материнскую любовь, но более открыто и сосредоточенно. Вероятно, сейчас она проецировала на этого паренька все свои надежды, все чувства, которые отдавала тем мальчикам и девочкам, которые лежали на полу. Он принимал все это с молчаливым согласием.

Борис опасался спрашивать про детей, чтобы не вызвать вспышку неконтролируемого проявления горя у Оксаны. Важнее было выяснить, что происходит вокруг, чего стоит бояться и на что рассчитывать. Он понимал, что сейчас его главная слабость — недостаток

информации, как и безоружность.

— Расскажите мне, что это за твари? Это бывшие сотрудники лаборатории? Что здесь случилось? — Оксана подняла ладонь в универсальном останавливающем жесте. Так много вопросов крутилось в его голове, что он не мог задавать их по одному. Женщина взяла за руку Кирилла, подошла к стене и села, прижав его к себе. Оксана сжимала его в объятьях так, что было понятно: она нуждается в нем больше, чем он в ней.

— Странно слышать такие вопросы, у тебя что, память отшибло? Эти твари — зомби, инфицированные. Как ты их не называй, но не знать, что они такое, невозможно. Мы сражаемся с ними последние пятьдесят лет. И так ли тебе важно, что с ними случилось? Главное — бей в голову или в шею. Там, где раньше был установлен нейроинтерфейс — сердце работы наномашин.

Борис тихонько сполз по стенке и сел, абсолютно ошарашенный. Война. Война, последние пятьдесят лет. Все, кого он знал и любил, вероятно, давно мертвы. Он слышал эту цифру от интерфейса рядом с криокапсулой, но до последнего не хотел верить в неё.

Оксана продолжала рассуждать о зомбированных, или, как их политкорректно называли, инфицированных, зараженных. Питаемые наномашинами живые ткани сохранялись практически вечно. Наномшины консервировали человека внутри тела, перехватывали управление всеми функциями организма. В состоянии спячки такие твари могли ждать десятилетиями, если не веками.

Они получали все необходимые компоненты для пищи из окружающей среды, а те, которых не хватало, регенерировались за счет внешних источников энергии. Их метаболизм был в сотни раз совершеннее человеческого, они не производили отходов и, строго говоря, даже не выдыхали. Пока существовал внешний источник, они могли жить, если это можно назвать жизнью.

Мозг зараженных полностью контролировался наномашинами, обеспечивая обработку необходимой информации. То, что оставалось, нельзя было назвать даже инстинктами. Защита своей территории, питание неподконтрольными, не относящимися к собственному кластеру.

Люди превратились в удобный инструмент для внешнего управления. В сети образующих ботов, у которых были даже свои центры обработки — контролеры, напрямую соединенные с системой проводным интерфейсом-поводком.

Борис слушал очень внимательно, каждый факт упорядочивал то, что он видел. Зараженные компьютерным вирусом, зараженные наномашинами. Первое, что приходило в голову: почему наномшины, если они вышли из под контроля, просто не переработали всю Землю в серую массу? В обучающих роликах, которые он смотрел на службе в прошлой жизни, было объяснение запрета на нанобомбы. Вышедшие из-под контроля нанобомбы могли переработать всю землю в себя менее чем за неделю. От этого не помогали никакие средства. Единственным способом остановить пожирание был отказ от создания такого оружия. Но здесь этих зараженных была масса, а значит, вариант с распространением наномашин и внедрением их в посторонние объекты был нерационален. Здесь было что-то другое.

Он продолжал слушать, а сам вспоминал жизнь до всего этого, до криокамеры. У него самого был нейроинтерфейс: его имплантировала страховая компания, когда он устраивался на контрактную службу. Крайне ограниченный функционал наномашин, используемых в его версии, ограничивался мониторингом состояния здоровья и его поддержкой, ни о какой

консервации и вечной жизни даже речи не могло быть. Когда вспыхнула эпидемия гриппа И1, у него по счастливому стечению обстоятельств оказался иммунитет.

Он вспоминал панику на фондовых биржах: технологические компании отчаянно искали замену нейроинтерфейсу, фармакологические гиганты предлагали сотни вакцин, но каждая из них была ограничено пригодной и имела ненулевую смертность в качестве побочного эффекта.

Он не помнил точно день, когда лег в капсулу, но прекрасно помнил, что тогда решение ещё не было найдено. Однако с гриппом И1 как-то справились. Смертность от него составляла больше девяноста процентов, в лаборатории же тел не было. Он вздрогнул от осознания, что наномашинки могли переработать тела для восстановления ещё функционирующих зараженных. Вот только они не выходили за пределы тел зараженных.

Каннибализм. Они, вероятно, пожирали трупы. Борис содрогнулся от этой мысли и только тут понял, что Оксана давно молчит.

— Ты что-то вспомнил? — Оксана смотрела на него с интересом. Борис поднял правую раненую руку к глазам и, прищурившись, начал смотреть, как наномашинки в его крови зашивают рану. Железная питательная масса — спреевой бинт значительно просела, но было видно, как ткани мышц уже окружили кость, сосуды успешно функционируют и гоняют красную кровь. Что тогда произошло? Почему он сам не среди зараженных?

— Да, вспомнил, прошлую жизнь, давно ушедшую. Я много чего еще не понимаю, но всеми силами хочу помочь вам выбраться наружу, — Борис встал и, осмотревшись, начал собираться.

— Поможем друг другу? — спросил он у Оксаны, глядя ей в глаза.

— Да, — она посмотрела на Кирилла, тот быстро кивнул. — Да. Поможем. Мы почти готовы, а тебе стоит одеться попримечнее, ты как в обносках, — она указала пальцем на одну из дверей. — Там раньше была комната обслуживающего персонала, и ещё сохранилась одежда. Переоденься, а мы закончим, — она на секунду замолчала, проглатывая ком, подступивший к горлу. — А мы закончим пока здесь.

Борису не надо было повторять дважды. Он подошел к двери, легко открыл её. Механизмы в лаборатории никто не обслуживал уже больше пятидесяти лет, но ничего не заедало, не было видно и ржавчины. Вероятно, все эти конструкции сделаны из высокопрочных пластиков.

Комната оказалась метров двенадцать, перевернутый стол и следы крови говорили о том, что здесь был бой. Но трупов не было. В углу комнаты стоял большой металлический шкаф, закрытый на индикационный замок, сломанный ударом когтей. На нем, как и на всей двери, были длинные и глубокие царапины. Осмотревшись, Борис нашел аккуратно сложенные в ящик инструменты, среди них была разряженная дрель-шуруповерт и небольшая монтировка с красной ручкой. Непонятно, зачем её покрасили, но краска была явно не заводской. Впрочем, не важно.

Он вбил монтировку в царапины и, орудуя дрелью как молотком, всей силой налег на дверцу шкафа. Металл заскрежетал и поддался. То, что он увидел следом, превзошло самые смелые ожидания.

В шкафу стоял полностью функционирующий противопожарный экзоскелет, готовый к работе. Толстая жаропрочная ткань, сервоприводы, идущие вторым скелетом, манипуляторы для разбора завалов и твердотопливный генератор на трое суток автономной работы. Это был гражданский аналог экзоскелета, который он носил в войсках.

Удача, наконец, улыбнулась ему. И ему чертовски нравилась её улыбка.

Глава 7. Отряд

Клавдия давно усвоила основной принцип службы под командованием Ксеркса: делай, что велит командир, и будешь жива, сыта и в тепле. Поэтому, когда командир сказал, что инфицированные не могут быть восстановлены и должны быть нейтрализованы, она беспрекословно подчинилась.

В мире было предостаточно зон, где восстановление еще не осуществилось, и зараженные находились под прямым управлением информационных центров. Переживать о тех, кого можно восстановить и назначить минимальный необходимый приоритет, не было никакого смысла.

И всё же каждый раз, припечатывая зараженного к стенке, она переживала. Это мог быть чей то отец, сестра, дочь или сын, а она лишает их шанса на будущее, которое точно будет у неё. Она твердо решила, что эта операция станет последней перед повышением приоритета. Клавдия должна будет предоставить соответствующий рапорт и была уверена, что Ксеркс её поддержит. Для этого надо добраться до центрального процессора станции и отключить вещание.

Они уже пробовали перехватить управление антенной снаружи, но антенна была надежно защищена: попытка взлома, осуществленная Некией, чуть не привела к её смерти. Местная версия разума крепко держала власть в своих руках и не собиралась передавать ту чужакам, вторгшимся на её территорию.

Сразу после входа в зону нижнего вещания им пришлось отрубить собственные передатчики дальнего действия, чтобы самим не оказаться среди зараженных. Возможность отключения передатчиков была их привилегией, которую часто называли позором и даже проклятьем.

Действительно, кому может прийти в голову добровольно отключить себя от заботливого, всеведущего, находящегося одновременно везде и нигде существа, Разума с большой буквы? Однако это спасало их несколько раз, и сейчас было несомненным плюсом.

Вся информация, которую они получали, передавалась с командного интерфейса Ксеркса по прямому лазерному лучу. Он шел в центре группы, прикрываясь толстым штурмовым щитом с ЭМИ излучателем, и включал его, как только решетка остывала до приемлемого уровня. Зараженные в панике разбежались от направленного излучения — в такие моменты группа передвигалась бегом.

Когда решетка перегревалась, и было заметно, как керамика пышет жаром, Ксеркс отступал в центр группы. Тогда впереди вставали Клавдия и Гектор, они старались не убивать, а лишь нейтрализовать зараженных, но шли и на крайние меры, когда это было необходимо.

Гектор, еще недавно бывший овощем после установки защиты от внешних сигналов, теперь пытался всячески выделиться, что не шло на пользу отряду. Сначала он был излишне жесток. Ксерксу пришлось его одернуть, когда Гектор чуть не убил сидящего на поводке контролера, который не представлял существенной опасности. Потом, наоборот, он стал слишком мягок и оставил в живых зараженного, напавшего затем на Некию.

После этих проколов и выволочки от Клавдии и Ксеркса он старался в точности соблюдать инструкции старших по званию. На удивление, ему это удавалось, он даже стал

работать эффективнее.

Некия замыкала отряд, она всё возилась с каким-то устройством. Она была чужой в отряде, но все относились к ней со сдержанной теплотой. Её прикомандировали в последний момент из 11-го взвода технической поддержки, именно она в этой операции должна была отвечать за связь. Надо отдать ей должное, она старалась изо всех сил: сразу нашла безопасный маршрут между автоматическими дронами, обезопасила проход в комплекс и нашла связь между антенной и комплексом. Все остальное время она провела, уткнувшись в монитор устройства, закрепленного на её спине.

Клавдия видела подобные устройства в экспериментальных взводах и слышала, что легендарные адские псы использовали их для контроля атакующих дронов во время битвы в Канаде и Европе. Однако у Некии с собой дронов не было, а значит, и устройство было бесполезно в бою. Тем не менее, Ксеркс сказал, что она должна что-то там настроить, и все подчинились.

Клавдия успешно использовала в бою свои преимущества хамелеона, откидывала к стене прущих мимо нее зараженных, четкими мощными ударами выбивала из них дух. Она была по восстанавливаемым частям, шее, внутренним органам, контролирующим антеннам. Убивала только когда встречались особо буйные экземпляры, способные нанести непоправимый вред команде и миссии.

Броня делала её практически невидимой, из оружия она использовала только кастеты и дубинку, в случае необходимости легко трансформирующуюся в длинную сабельную пилу, способную резать металл толщиной до трех сантиметров. К счастью, пока ей пришлось использовать саблю лишь раз, когда заевшая на третьем этаже дверь не поддавалась мощному натиску Ксеркса.

Патроны были в изобилии, но, чтобы не нанести неоправданного ущерба, огонь было решено не вести. Правда, несколько часов назад им пришлось использовать весь свой арсенал, включая рельсовую пушку Ксеркса.

Один из охранных ботов оказался активирован и встретил непрошенных гостей во всеоружии в конце длинного узкого коридора. Чтобы взламывать его, не было времени и возможности, решили просто уничтожить. При этом была повреждена шахта служебного лифта, но им и не собирались пользоваться из-за общего веса. Грузовой лифт находился в ответвлении, где почему-то вообще не было света. Пытались запитать его от генератора, но энергия тут же перераспределялась на другие системы, обнаружить и обесточить которые они не смогли.

В целом ситуация из безнадежной превратилась в обычную. На них уже не бросались стаи насекомых, под ногами не было растений, которые пытались их сожрать, оплести или плюнуть кислотой. Решение остальных технологических проблем было для них рутиной. Только отсутствие связи с Разумом было нетипичным, пугающим и странным. Еще до обеда они могли легко связаться с любой точкой на земном шаре, теперь же казалось, что их всего четверо во вселенной. Что они оглохли и ослепли разом. Это выводило из себя всех, кроме Некии, которая не отрывалась от экрана. Клавдия для себя решила, что та странная, и перестала обращать внимание.

До того, как спуститься в подземный комплекс, они наблюдали различные системы обороны и опасались, что внутри их ждут минимум толпы противопехотных дронов, к счастью, пока встречали только редкие группы зараженных.

На седьмом этаже вниз обнаружили следы недавнего вторжения. Потасовка, по всей

видимости, завязалась из-за того, что двери в боковой проход были не заперты, и на этаже оказалось много зараженных. Табличка на дверях гласила, что это пресс-центр, но помещения явно использовались как лагерь беженцев или жилая зона. На полу валялись истлевшие матрасы и спальники, у стен стояли несколько детских комплексов. Трупы зараженных были разбросаны по всему этажу. Некоторых уже обглодали сородичи, какие-то лежали нетронутыми, если не считать разбитых черепов.

Клавдия из образовательных роликов помнила, что зараженные воспринимают все: их мозг исправно получает и хранит информацию, но обработкой занимается исключительно под контролем наномашин. В результате человек, совершая любое злодеяние, просто выполняет команду и не может ей сопротивляться. Некоторые люди после прохождения восстановления теряют рассудок, многие пытаются покончить жизнь самоубийством. Лишь некоторые умудряются выстоять и жить дальше. Так что, возможно, смерть — не самое плохое, что может с ними случиться.

Когда они вошли, небольшая группа зараженных стояла в противоположной стороне, рядом с дверями на следующий лестничный пролет. Будто они гнались за кем-то, но наткнулись на преграду и перешли в режим ожидания.

Ксеркс остановил всех движением руки, легко тронул за плечо Клавдию и указал на большую кастрюлю в дальнем конце коридора. Клавдия быстро кивнула, перешла в режим невидимости и неслышным шагом подошла к кастрюле. Осмотрелась, нашла поварёшку и со всей дури ударила по дну, как по барабану. Эффект превзошёл ожидания. Такой звон разбудил бы даже мертвого. Отраженный от стен, он пробудил в помещении всех зараженных. Клавдия ударила ещё несколько раз, чтобы зараженные нашли источник звука и бросились к нему, затем отбросила бесполезную погнутую поварёшку, подкинула к потолку кастрюлю и направилась вдоль стены к двери, где её ждал оставшийся отряд.

Дверь, которую предполагалось открыть просто, была чем-то подперта с той стороны. Видимо, группа, прошедшая перед ними, не хотела, чтобы за ней шли. Никакая подпорка или засов не смогли бы остановить отряд Ксеркса, но могли стать неприятной помехой. Разбуженные Клавдией зараженные все ещё толпились у кастрюли, глупо переваливаясь с ноги на ногу и негромко пиная источник звука. Их было в два-три раза больше, чем за минуту до этого у двери. Справиться с такой толпой без жертв было нереально и, взвесив все за и против, Клавдия достала из ножен дубинки свою пиловую саблю.

Ксеркс угадал её мысли и, когда она уже была готова двинуться в толпу, схватил её за плечо и развернул к себе лицом. По прямому лазерному лучу она начала получать передаваемый им текст.

— Стой на месте. Мы просканируем дверь, чтобы выяснить, как её забаррикадировали, затем ты вырежешь участок, в который упирается засов или подпорка своей пилой.

Клавдия кивнула и пошла вслед за Ксерксом. На нем, как и подобает, был командный комплект обмундирования, в том числе всевозможные сканеры и датчики. Приложив ладонь к двери, он медленно повел её вдоль косяка, постепенно сдвигая к середине. Несколько раз он озадаченно останавливался и возвращался назад. Однажды даже пробовал снова открыть дверь поворотом ручки, в конце концов, указал на нижнюю часть двери. Вероятно, дверь подперли чем-то не очень большим, хотя подпорка оказалась на удивление надёжной.

Клавдия подошла к двери, посмотрела на Ксеркса, затем на Некию и Гектора — все были готовы. Даже Некия отвлеклась от своего экрана и взяла в руки дубинку. Клавдия ещё раз кивнула — скорее себе, чем группе, уперлась в рукоять пилы обеими руками и зажала

кнопку.

Скрежет металла пронзил помещение, даже сам воздух, казалось, начал вибрировать. Толпа зомбированных побежала в их сторону со скоростью, недоступной простому человеку. Они не издавали ни звука, однако топот и рассекаемый когтями воздух вполне имели свое звучание и были страшнее, чем рычание или крики. Расстояние от центра помещения до киберов зараженные преодолели в три секунды. Первый из них прижался к полу и приготовился прыгнуть на Ксеркса, но в этот момент по толпе ударила волна ЭМИ.

Направленное ЭМИ было не летальным, но страшным оружием. Пару раз Клавдию на тренировках ставили против щитоносцев с такими излучателями. Они не только выводили всю электронику из строя, перегружая платы и наномашин, но и воздействовали на тело человека, вызывая ощущение, будто тебя сжигают заживо. Единственное желание, которое вызывало излучение — бежать. Бежать и забиться как можно глубже. Их учили сопротивляться, но из всех стажеров, которых она знала, никто не смог продержаться больше тридцати секунд.

Толпа зашипела, завывала. Стало казаться, что они все — один организм. С точки зрения программно-аппаратного комплекса именно так и было. Зараженные являлись самоорганизующейся защитной сетью для местного центра обработки данных, а центр был местным аналогом Разума, вероятно, значительно менее развитым.

Клавдия управилась за десять секунд. Она подавила первоначальное желание вырезать аккуратное отверстие в двери, вместо этого сделала две широкие прорези и выломала середину, просто ударив дверь посильнее.

Раскрыв дверь нараспашку, она вышла на лестничную клетку, вслед за ней зашла Некия, затем Гектор. Замыкал движение Ксеркс. Было видно, как перегрелся от работы его щит: потоки горячего воздуха создавали над ним марево. В последний момент он не выдержал, и Ксерксу пришлось выключить излучатель, но только пара зараженных успела добежать до двери до того, как они её захлопнули. Одного из них Ксеркс ударил щитом и опрокинул на пол, второго просто пнул в живот так, что тот отлетел на пару метров. Сила у него была потрясающая, и, учитывая, сколько он нес на себе вспомогательного оборудования, он проделал все это с удивительной легкостью и быстротой.

— Блокируем! — Командный голос Ксеркса звучал среди криков зараженных негромко, но отчетливо. Он придержал дверь щитом, и Гектор в два удара подпер дверь обломками перил от лестницы — так, что в бетонном полу образовалось небольшое углубление.

— Отлично, теперь отходим вниз, нет смысла провоцировать их больше, — Ксеркс махнул рукой вниз и все послушно стали спускаться. Некия снова уставилась в свой экран, с трудом попадая ногами на ступеньки.

Клавдию это сильно нервировало, ведь она твердо знала, что отряд силен настолько, насколько силен его самый слабый член. Некия была не просто отличной, медленно движущейся мишенью, но и обузой для всех: она не оборонялась, не вела кругового охранения и даже не несла дополнительной нагрузки, чтобы облегчить свою защиту другим членам отряда. Внезапно Некия не попала ногой по ступеньке, споткнулась, повалилась на идущего впереди Гектора, сбила его с ног и упала сверху. Это было последней каплей. Клавдия резко подняла её на ноги и повернула к себе лицом.

— Чем ты так занята, ваше технологическое высочество? — Раздраженность сквозила в её речи, а Некия непонимающе смотрела широко открытыми голубыми глазами с блестящими фиолетовыми прожилками. — Ты не в состоянии даже смотреть под ноги.

Оторвись от своего экрана.

— Простите, — Некия выглядела смущенно и виновато. — Я просто пытаюсь разобраться. Здесь что-то не так, непонятные потоки данных. Я обязательно буду внимательнее.

— Хватит, — Ксеркс оборвал извинения Некии и слегка оттолкнул Клавдию, окончательно прекращая диалог. — Некия, занимайся своим делом. Как только будут объяснимые результаты, сообщишь. Клав, не лезь к ней. У неё своя специальность, у нас своя. Плохи мы будем, если втроем не сможем защитить одного связиста в такой пустяшной заварушке.

Голос Ксеркса звучал железной уверенностью в своих силах и силах подчиненных, он приободрял и приводил в чувство. Клавдия даже оторопела от такого напора на секунду, затем поняла, что он во всем прав. Почему-то относительно небольшая группа зараженных смогла вывести её из себя. Непонятно, что сказалось больше: проход через плотоядные кислотные джунгли или спуск в давно заброшенный бетонный комплекс без связи с Разумом.

До этого момента она не придавала значения своей раздражительности и не анализировала, когда это началось, но теперь задумалась. Что-то на краю сознания беспокоило её: мысль или даже зачаток мысли, которая ещё не сформировалась, хотя настойчиво витала в голове. Клавдия закрыла глаза и несколько раз глубоко вздохнула, очищая лёгкие. Внезапно она закашлялась, поперхнувшись на половине вдоха.

Нейроинтерфейс, принудительно отключенный ещё у входа в комплекс, внезапно включился на сотую долю секунды. Перед закрытыми глазами вспыхнуло и погасло неясное изображение. Клавдия резко открыла глаза, обернулась и утонула во взгляде Ксеркса, полном уверенности. Он был столь величественен, что она подавила в себе опасения вместе с возникавшим вопросом.

Ксеркс всё контролирует, всё будет в порядке. Пока она в его команде, беспокоиться не о чем. Невольно она улыбнулась и увидела улыбку на его лице. Всё верно. Беспокоиться не о чем.

С этой мыслью она спустилась на следующий пролет. Гектор, который успел их обогнать, пока они состязались в красноречии, стоял у следующей двери. Та была нараспашку. Гектор заглянул в дверь и, полуобернувшись, приложил палец к губам, хотя и так было понятно, что шуметь не стоило. Клавдии стало интересно, к чему такая осторожность, перейдя в режим скрытности, она прошла вперед.

Открывшийся ей вид, действительно, требовал предупреждения. Она ожидала новой толпы зараженных, охранных пехотных ботов или какой-нибудь похожей пакости. Однако посередине длинного коридора, полуразвалившись в кресле, сидел контролер, одетый в полный боевой военный экзоскелет.

От его шеи к потолку шел длинный светящийся кабель толщиной в несколько сантиметров. Он сидел спокойно и сосредоточенно смотрел в сторону Клавдии, хотя она была на сто процентов уверена, что он её не видит: режим маскировки был технологией, доведенной киберами до пределов совершенства. За спиной контролёра стоял десяток зараженных, одетых в шлемы и бронежилеты охраны. Они были вооружены автоматами и стояли в боевом порядке, готовые в любую секунду закрыть контролёра своими телами.

Клавдия подумывала перерубить кабель контролёра, но в какой-то момент он чуть наклонил голову, и стал виден второй кабель, уходящий за спину. А ещё она увидела тонкие

нити кабелей, идущих от контролёра к остальным зараженным. Вероятно, именно это было главным в их поведении, которое не казалось бездумным или звериным. Они просто ждали. Очевидно, ждали давно и, вероятно, совсем не их.

Все стены и пол коридора покрывала фиолетовая пленка наномашин, похоже, образовавшаяся здесь десятилетия назад. На полу была тропинка, протоптанная десятками ног. Встречались свежие и уже покрывшиеся плесенью следы. Тропинка чуть огибала группу зараженных, на ней стояли несколько бывших охранников. Наверное, раньше они крепко спали, иначе никак не объяснить, почему кто-то так свободно мимо них ходил.

Это была серьёзная проблема, не имеющая простого решения. Клавдия постаралась подойти как можно ближе, чтобы оценить вооружение и боезапасы охранников, но с каждым её шагом контролер становился все более сосредоточенным. После очередного её шага он встал с кресла и чуть отошел в сторону, наклоняя голову то на один бок, то на другой.

Клавдия обругала себя последними словами. Сосредоточившись на стоящей перед ней группе, она забыла держаться посередине протоптанной тропы и оставила четкий след в плесени. Однако эта её неосторожность сослужила ей и всему отряду киберов хорошую службу. Стало видно, что кабель, идущий к голове контролера, один — просто он длиннее, чем нужно, и поэтому опускается к полу.

Это значило, что для того, чтобы оборвать коммуникацию контролёра с местным разумом и опустить всю группу до уровня интеллекта обычных зараженных, достаточно просто обрубить его или отстрелить метким выстрелом.

Клавдия досконально зафиксировала все детали, затем аккуратно вернулась к группе за дверь. Как только она завернула за проем, лазерный луч приемника данных Ксеркса нашел её интерфейс и снова включил в общую локальную сеть. Получив возможность передавать информацию напрямую, она скинула записанные фото и видеообразы для общего просмотра.

— Это серьёзно, — губы Ксеркса не шевелились, но она, как и все, отчетливо слышала его голос у себя в голове. — Мы не можем обойти эту группу и обезвредить без риска для собственных жизней. Я разрешаю вести огонь на поражение при первой необходимости. Сначала попробуем обойтись малой кровью. Гектор, ты пойдешь первым. Используй парализующие гранаты с ЭМИ, как только я уничтожу кабель. Клавдия, стреляй по оружию и по ногам. Некия, мне нужен дублер, стреляй по кабелю одновременно со мной. Всё понятно? Отлично, проверьте снаряжение и боеприпасы, начинаем на счет ноль. Двадцать. Десять, — руки всей группы запорхали по оружию и запасным магазинам. — Десять, — все взяли оружие наизготовку. — Пять, — сняли его с предохранителей. — Ноль.

Группа, как единый организм, не вышла из-за угла, а словно материализовалась прямо в коридоре. Вспышка от гранаты заставила контролёра присесть на секунду. Кабель на мгновение погас, затем из синего стал ярко-голубым и засветился. Потoki кремний-углеродных бронебойных пуль оборвали его через секунду, но этого хватило, чтобы охранники дали первый слаженный ответный залп.

Клавдия с группой стояла за спиной Ксеркса, надежно укрытого широким штурмовым щитом. Пули охранников, казалось, не причиняли ему никакого вреда, ссыпаясь под ноги командира дождичком. Несмотря на оборванный кабель, охранники не бросали оружие и не бросились врукопашную. Они слаженно меняли магазины, прикрывая друг друга. Когда Клавдия уничтожила автомат очередного охранника, он немедленно доставал пистолет. К

счастью, гранат у противников не было.

Гектор выстрелил второй парализующей гранатой, она оказалась чересчур мощной. Импульс накрыл весь коридор, вырубив не только освещение и группу охранников, но и оборудование самих киберов. В этот момент контролёр дернулся и окончательно стал бывшим контролёром. Он резко повернулся вокруг себя, обрывая все связи с другими охранниками, и с животным рыком прыгнул на Ксеркса.

Возможно, не ударь по нему секунду назад ЭМИ, Ксеркс мог бы отразить удар, но теперь большая часть его встроенного оружия перезагружалась. Не работала ни плечевая крупнокалиберная пушка, ни встроенный в руку ускоритель. Поэтому Ксерксу оставалось принять противника на щит. Он с трудом удержался на ногах после удара и попытался откинуть нападавшего в сторону, но тот крепко вцепился в щит и тянул его на себя. Остальные охранники каким-то невообразимым способом всё ещё сохраняли контроль и продолжали стрелять из оружия, устаревшего настолько, что у него не было электронных воспламенителей патронов — оно было ударным.

Ксеркс не смог удержать щит ровно, и Гектор вскрикнул от боли, когда одна из пуль охраны попала ему в голень. Каждый в это мгновение принял самостоятельное решение, которое стало одинаковым для всех. Все пули из перезагрузившегося оружия находили свою цель. Они перестали стрелять по оружию и стреляли по суставам, коленям и локтям, чтобы наверняка. Потом можно будет реабилитировать повреждения, залечив их с помощью тех наномашин, которые сейчас управляли охранниками. Они были в бронежилетах и шлемах, но пули киберов легко их пробивали. Пули состояли из молекулярного соединения углерода и кремния и могли пробить даже двадцать миллиметров стали на расстоянии полукилометра.

Но и в противоположную сторону пули лететь не прекращали. Зараженные не чувствовали боли: она блокировалась так же, как и сложные когнитивные и мыслительные процессы. За несколько секунд, которые понадобились команде Ксеркса, чтобы разобраться с группой охранников, те смогли выпустить сотни пуль, свои цели из них нашли лишь три. Броня на животе Некии выдержала, но, несмотря на прочную броню киберов, легкие пластины не спасли руку Гектора от двух попаданий подряд.

Первая пуля разбила керамическую пластину, вторая вошла в трещину и, пройдя через бицепс, застряла в кости. Наномашинки мгновенно соединили кровеносные сосуды, соорудив серые мостики, и не дали Гектору потерять сознание. Однако расщепление пули и вывод её из организма для восстановления кости было задачей посложнее и требующей гораздо больше времени.

Ксеркс короткими точными ударами завершил нейтрализацию бывшего контролёра: сломал не только суставы самого зараженного, но и стальные трубы экзоскелета, не оставив ему возможности продолжать бой. Последний охранник упал под пулями, выпущенными Клавдией, но открывшаяся картина не дала ей расслабиться. За группой охранников стоял пятилетний ребенок, опутанный сотнями синеватых проводов.

Было невозможно понять, мальчик это или девочка, так сильно иссохло его тело за время изоляции. На ребенке были короткие истлевшие джинсы, дырявая желтая кофточка с сохранившейся радостно улыбающейся светоотражающей голограммой и непонятного цвета ботиночки, почти полностью вросшие в черно-фиолетовый мох. Темно-серая кожа казалась черной, она плотно обтягивала кости, не оставляя места для мышц. Глаза были почти полностью черными, узкая фиолетовая радужка ярко светилась, придавая взгляду еще более

мрачный вид.

Маленький контролёр стоял неподвижно. Он будто оценивал их. Было ясно, что он не сможет сдвинуться с места — так плотно его опутывали провода и облеплял мох. От него к каждому охраннику шли тонкие провода, те смотрели на группу Ксеркса, не в силах совершить какое-либо действие.

Даже для Клавдии это было слишком. Дети среди зараженных почти не встречались, нейроинтерфейс вживлялся им только в экстренных случаях, вроде смертельно опасных наследственных заболеваний или редких повреждений, полученных при родах. Во время последнего теракта, когда взломанные наномашинны начали пожирать своих владельцев, дети пострадали в основном не от наномашин, а от самих зараженных — к ужасу последних это, в основном, были их собственные родители.

Возможно, именно из-за этой психологической травмы, когда Разум взял под свой контроль большинство зараженных, немногие смогли вернуться к осмысленной жизни. Те, кого возвращали насильно, чаще всего сходили с ума и пытались покончить жизнь самоубийством.

Для опытного бойца Клавдии встретить ребенка зараженного было в новинку. В черных зонах гораздо чаще встречались останки, части черепов и тонкие раздробленные кости. Зараженные питались всем, что им попадалось, предпочитая белковую пищу. Канныбализм был бичом всех черных зон, не трогали лишь тех, с кем были объединены в сеть, подчиненную одному центру обработки данных. Чаще всего взрослые зараженные независимо от пола обладали мускулистым телосложением. Женщины, как правило, имели длинные когти и были быстрее, поэтому многие считали, что они опаснее. Глаза зараженных были узкими и хищно сосредоточенными, но не у этого ребенка.

Клавдия держала его на мушке, а он просто смотрел на неё, без злобы, ненависти и страха. Его взгляд был, скорее, слегка заинтересованным. Ребенок стоял на одном месте, его грудь медленно поднималась при дыхании, маленькие рёбра, рельефно проглядывающие под истончившейся кожей, расходились под напором легких. Тощие маленькие руки бессильно висели вдоль тела, живот был глубоко втянут, казалось, что он почти прилип к позвоночнику. Редкие волосы на голове переплетались с сотнями светящихся синих проводков.

Не в силах выдержать его взгляд, Клавдия опустила оружие и отвернулась к товарищам. Некая стояла в таком же ступоре, Ксеркс помогал Гектору вытащить пулю из предплечья. Клавдия оглянулась на ребенка, он всё стоял не шевелясь. Охранники на полу беззвучно корчились, не представляя угрозы. Других зараженных поблизости не было видно. Окончательно решив, что не будет убивать ребенка, Клавдия подошла к Гектору, чтобы помочь с раной.

Ксеркс раздвинул мышцы на руке зажимом и ухватился за пулю узким пинцетом. Его командирское обмундирование имело стандартный хирургический набор, сам он, кроме медицинских курсов, прошел большую практику. Клавдия скорее хотела помочь, чем всерьёз считала, что сможет сделать это лучше. Точными движениями без лишней суеты Ксеркс медленно вытягивал пулю из кости. Наномашинны согласно своей программе отводили и перемещали лимфу и кровь так, что рана оставалась практически сухой.

Сразу после того, как Ксеркс извлек пулю, рана закрылась. Тонкий серый шрам остался единственным, что выдавало только что закрытую огнестрельную рану. Но восстановление работоспособности руки было делом более сложным. Кожа, мышцы и даже капилляры

быстро соединялись наномашинами и заживали прямо на глазах, а кость требовала длительного восстановления, несмотря на то, что спустя минуту Гектор уже мог двигать рукой. Почти любое ранение, кроме ранения в голову или в сердце, считалось у киберов неопасным для жизни. Многие даже дублировали сердце небольшим мотором, который в случае пробития мог бы гонять кровь.

Посмотрев, как Гектор разминает пальцы, Ксеркс удовлетворенно кивнул, встал и только тогда увидел ребенка, стоящего посередине коридора. Его реакция была практически мгновенной. Вскинув руку, он отдал мысленную команду и ладонь разошлась в стороны, освобождая место для вылета снаряда встроенной рельсовой пушки. Клавдия сама не поняла, как это произошло: она встала между ребенком и Ксерксом за секунду до выстрела.

— Отойди, немедленно, — Ксеркс был предельно серьезен. Клавдия чувствовала, как внутри его руки пушка уже получила достаточное питание, как конденсаторы набирают максимальный заряд, чтобы снести беззащитного ребенка потоком расплавленной плазмы и шрапнели.

— Не могу, посмотри на него, он же абсолютно не опасен. Он остался тут совсем один, он маленький и беспомощный. Неужели ты думаешь, что он нападет на нас? — Клавдия развела руки в стороны и начала пятиться к ребенку спиной.

— Это приказ, Клав, отойди в сторону, я буду стрелять.

— Зачем? Тебе так важно убить его, что ты готов и меня с ним в расход пустить? Мы сохраняем жизнь даже взрослым особям, а это просто ребенок. Давай вытащим его из этой паутины проводов, обездвжим, если надо, у нас достаточно средств.

Внезапно Клавдия поняла, что она готова отказаться от возможности завести собственного ребенка, чтобы спасти этого маленького несчастного зараженного, который стоит здесь в окружении проводов, вероятно, не один десяток лет. Что, возможно, это самый верный и единственно возможный выход из ситуации. Решение крепло с каждой секундой, но до того, как она успела его высказать, ребенок застонал.

Звук стал настолько неожиданным, и в то же время простым и человеческим, что даже Ксеркс чуть опустил ствол рельсы. Клавдия повернулась и увидела, как ребенок тянет к ней маленькие ручонки. В его взгляде читалась мольба о помощи. Он тихонько стонал, прерывисто обрываясь на полузвук.

Клавдия не выдержала, быстрыми шагами пересекла разделяющее их расстояние, опустилась на колени и обняла малыша. Даже сквозь броню она почувствовала, какая холодная у него кожа — не выше двадцати градусов. В этот момент он обнял её за шею маленькими ручками, прижимаясь всем телом. Его стоны превратились в щебет, похожий на прерывистое пение диковинной птицы. Он был нежным, жалостным и просящим, по крайней мере, так казалось Клавдии. Внезапный выстрел заставил её резко повернуть голову.

Она ещё успела увидеть, как падает Ксеркс, рядом с дымящимся пистолетом в вытянутой руке стоял Гектор. Его глаза были черными: местный разум как-то смог добраться до него даже без открытого соединения. Клавдия в страхе сильнее прижала к себе ребенка и почувствовала, что его ручки сильнее обнимают её.

Острая боль в плечах выгнула её дугой. Она посмотрела на ребенка и поняла, что его взгляд резко изменился, став холодным и хищным. Последнее, что она почувствовала, были тонкие, но чрезвычайно острые когти, раздирающие её позвоночник под пластинами хамелеоновой брони.

Глава 8. Оружейная

Отец Евстафий отдыхал, лежа на кушетке. Ему было приятно воображать, что он просто прилег, и браслеты на его руках и ногах лишь украшения, а не сковывающие наручники. Он давно потерял счет времени, но если бы кто-нибудь спросил, когда эта бездушная, говорящая уверенным спокойным голосом электронная тварь начала его пытаться, он бы ответил, что целую вечность назад.

Встретившая их у парадных дверей голограмма представилась искусственным интеллектом научно-исследовательской станции, сокращенно Инной. Она сразу же разделила их с Онуфрием и поместила в разные комнаты, так что Евстафий даже не знал, жив ли тот. За много часов пытки он много раз слышал, что это делается для выявления угрозы с их стороны. Что, как только они расскажут всё, что интересует Инну, будут сразу же отпущены и им присвоят индивидуальный лабораторный номер, личный приоритет, и они смогут получить первую помощь, еду и одежду.

Евстафий сначала сопротивлялся. Это было сложно, потом стало очень сложно, а в конце — просто нереально. Его без зазрения совести душили, откачивая воздух из комнаты, топили в воде, чудовищно сдавливали, накачивая в комнату в разы больше атмосфер, чем возможно на Земле. Когда он думал, что все уже кончилось, это оказывалось новым началом. В распоряжении Инны было множество манипуляторов, электричество и набор знаний, собранный человечеством за долгую историю войн, интриг и конфликтов.

На определенном этапе Евстафий понял, что человек, будь он на месте Инны, каким бы жутким садистом, психопатом или просто больным ни был, давно устал бы: человеку требовались отдых и еда, нужны были перерывы. Машина гораздо страшнее: она ничего не чувствовала, не нуждалась в отдыхе, ей надо было лишь добиться цели.

В какой-то момент он понял, что начал говорить, осознал это не сразу, а когда пытки внезапно прекратились. Он говорил, а машина спрашивала. Спрашивала о том, что, казалось бы, совсем ни при чём: о погоде на поверхности, о том, какой сейчас день и год, о том, закончилась ли война и когда. В то же время она не спрашивала, откуда он, из какой паствы и с какого острова, сколько с ним человек, не задавала другие простые и обычные вопросы, которые бы задали в любой дознавательской комнате.

Многое можно было понять не только из ответов, которые давал он, но и из вопросов, которые задавала машина. Все они касались окружающего мира за последние семьдесят лет. Евстафий твердо убедил себя, что Инна перестала получать информацию из внешнего мира семьдесят лет назад, почти в самом начале последней войны. С другой стороны, она знала о зооморфах более чем достаточно. Это было ясно потому, что о них она спрашивала меньше, чем о вольных и киберах.

Допрос закончился пятнадцать минут назад, и он с наслаждением провалился в дрему. Разбудил его укол в область шеи. Первая мысль была: ну вот и докатились до психотропных препаратов. Однако он не почувствовал никаких изменений в собственном мышлении, зато перестал чувствовать боль от перенесенных изуверств. В какой-то мере он был благодарен за обезболивающее, хотя понять, зачем это машине, сразу не смог. Только когда через несколько минут браслеты на руках и ногах расстегнулись, а кушетка, изогнувшись, превратилась в удобное кресло, он понял, что произошли существенные изменения.

Евстафий оглядел помещение: белая комната три на три метра была полностью обложена небольшими плитами. Судить о том, из какого материала они сделаны, он бы не взялся. Они были белыми, шероховатыми на вид, пол чуть темнее, потолок светился ровным неярким светом, дающим именно столько освещения, сколько нужно, чтобы осмотреться. Кроме кресла-кушетки, на котором он сидел, в комнате была еще мебель: полностью белые стол, офисное кресло и небольшой диванчик. На столе лежала стопка белой одежды.

Евстафий всю жизнь провел в черном духовенстве и белую одежду надевал редко, но учитывая, что сейчас он был голым, решил, что цвет не имеет значения. Среди вещей были водолазка, штаны, носки и легкие тканевые туфли, всё из непонятного бесшовного и не волокнистого материала — вероятно, синтезировано или напечатано на 3D принтере. Ткань была плотной и приятной на ощупь. Плюсом стало и то, что одежда пришлась ему впору. После того, как он оделся, в стене из ниоткуда появилась дверь.

— Прошу вас выйти. — Черт знает, что его ждет впереди, но дважды повторять не пришлось: любое место лучше этой стерильной комнаты пыток. Небольшими быстрыми шагами он вышел из белой комнаты в такой же белый коридор. Как только он шагнул за порог, в комнате погас свет, дверь за ним закрылась. Коридор был длиной метров десять, с множеством дверей-ответвлений. Судя по тому, что расстояния между дверями были по два метра, за ними располагались такие же комнаты как та, из которой он вышел.

В левом конце коридора за открытой дверью виднелся небольшой зал. Подойдя ближе, он понял, что это столовая. Три ряда столов со скамейками по обеим сторонам были всё того же белого цвета. Никаких надписей вокруг не наблюдалось, из потолка в центре зала свисали манипуляторы, один из которых заканчивался странным экраном. Как только Евстафий вошел в комнату, манипулятор с экраном повернулся к нему и приблизился. На экране появилась улыбающаяся мультяшная рожица.

— Приветствуем вас в общественной столовой, посетитель нулевого ранга. Вы только что зарегистрированы в нашей системе и потому не знаете нашего постоянного меню. Сегодня вы можете выбрать на обед следующий список блюд, — вместо мультяшной рожицы на экране показался очень длинный список на любой вкус. Однако когда Евстафий начал его пролистывать, почти все наименования окрасились красным. В качестве объяснения значилось отсутствие продуктов быстрой разморозки и низкий ранг приоритета. Он выбрал витаминный напиток, манную кашу и ягодный джем.

— Спасибо за ваш заказ, посетитель нулевого ранга. Присаживайтесь на любое свободное место, не закрепленное за посетителями высших приоритетов, — с этими словами манипулятор вернулся на свое место в центре комнаты.

Евстафий помялся немного, переступил с ноги на ногу и сел на ближайшее место, надеясь, что оно не занято посетителями высшего приоритета. Манипулятор в виде руки поставил перед ним пластиковый поднос с множеством емкостей и пустой стакан, затем появились несколько шангов: из одного в стакан полилась мутная желтая жидкость, из другого в центральное углубление на подносе медленно выдавливалась серо-розовая субстанция. Евстафий подавил рвотные порывы. В конце процедуры манипулятор положил перед ним ложку.

— Приятного аппетита, — прозвучало сверху, одновременно отовсюду и ниоткуда конкретно. Перед Евстафием был обед, а возможно, завтрак или ужин. На картинке в меню всё это выглядело значительно аппетитнее. Он взял в руки стакан и поднес его к носу: пахло химией и чем-то кислым. Евстафий осторожно отхлебнул. Как ни странно, вкус был ничего.

Кисловатый напиток оказался в меру сладким и в меру кислым, можно было сказать, что он приготовлен из периодической таблицы Менделеева. Вряд ли машины могли чувствовать вкус, значит, кто-то этот напиток тестировал, и Евстафий с содроганием представил, как человек часами пьёт то, что приготовила машина, пока его не перестает тошнить от жуткого вкуса и запаха, а та всё смешивает и смешивает химикаты, пока не найдет оптимальный вариант.

Он отставил в сторону стакан и с недоверием посмотрел на свою «манную кашу с ягодным джемом». Пробовать её не хотелось, но было необходимо восстановить силы. Неизвестно, сколько времени машина даст ему на отдых, и что ещё она для него подготовила.

Подвинув к себе поднос, он взял в правую руку ложку, зачерпнул ею розовую субстанцию и, не раздумывая, быстро отправил в рот. Вкус был как у минерализированного белкового геля с глюкозой и усилителями вкуса. Как-то в далекой молодости он шарил по развалинам и набрел на аптеку. Единственное, что там уцелело, был такой гель для вывода из организма вредных веществ после отравлений. Даже свиньи и зооморфы, которые ели все, что было хоть немного органическим, не сочли бы это вкусным.

Вспомнив всеуе господа и всех его апостолов, Евстафий перекрестился и начал есть. Спустя пару ложек его вкусовые рецепторы начали отказывать, а когда он съел половину, уже абсолютно не чувствовал вкуса. Жевать было совсем не нужно, он скорее хлебал эту гелеобразную массу. Напиток позволял проглатывать, когда еда становилась поперек горла, но вкуса не улучшал и не добавлял удовольствия.

Через пятнадцать минут он доедал свое первое в жизни полностью искусственное блюдо. Большим плюсом, который он сразу отметил, была питательность. Есть больше не хотелось. Вообще никогда больше такое есть не хотелось. Евстафий отодвинул поднос, его вместе со стаканом тут же забрал манипулятор.

— Надеюсь, вы приятно пообедали, — голограмма Инны возникла откуда-то сверху и слегка отражалась на поверхности гладкого белого стола. Казалось, она сидит, положив руки на стол, но в проекторе был небольшой сбой, и часть руки проваливалась под столешницу. Евстафий с удовольствием отметил несовершенство машины, видимое невооруженным глазом. — Я рада сообщить, что вы прошли полное и всестороннее исследование и признаны человеком, — голограмма слегка улыбалась. — В соответствии с первым правилом робототехники я не могу причинять вам вред своими действиями или бездействием. В обычной ситуации я должна передать вас службе охраны лаборатории без причинения вам ущерба. Но, к сожалению, сейчас в комплексе есть только добровольцы, испытуемые, и нет ни одного доступного сотрудника станции. Ожидая возвращения сотрудников станции, я могу предложить вам удобную одежду, которая уже на вас, помещение для сна и отдыха, в котором вы недавно были, и питательную пищу, которую вы только что съели. Это полностью удовлетворяет моим внутренним требованиям. Уточню, что последний авторизованный сотрудник был в лаборатории более пятидесяти лет назад. А значит, вы можете находиться в этих двух комнатах в этой одежде, питаясь этой едой, следующие пятьдесят лет — вернее, тридцать, ведь пятьдесят вы не проживете.

Заключенный без права освобождения. Пожизненно. Мысль, что машина не может его убить и больше не будет пытаться, конечно, грела душу, но такая жизнь была не намного лучше смерти, а может, и хуже.

— Мне позволят видеться с моим послушником Онуфрием? — надежда, что он хотя бы

проведет последние лет тридцать не один, теплилась в нем.

— К сожалению, после всесторонних исследований Онуфрий был признан не человеком. Его ДНК разнится со всеми образцами, которые есть в лаборатории, более чем на два процента. — Евстафий с ужасом понял, что Онуфрия больше никогда не увидит и обхватил голову руками. — В данный момент я провожу дополнительный генетический анализ для точной идентификации его вида, но с большой долей вероятности он будет отнесен к новым ещё неисследованным видам, которые сейчас обитают на поверхности.

— Он человек! — Евстафий не выдержал, ударил по столу кулаками и встал напротив голограммы, нависнув над столешницей. — Может, он и отличается слегка, но он обыкновенный парень, ему ещё даже тридцати нет! Что ты планируешь с ним сделать?

— В соответствии с протоколом я буду проводить над объектом дополнительные испытания до тех пор, пока полностью не разберусь в его строении. К сожалению, некоторые опыты могут привести к его смерти, но наука — прежде всего.

Кулак Евстафия пролетел то место, где у голограммы была голова — это было рефлекторное движение, которое он не смог сдержать. Конечно, результата это не принесло: голограмма Инны, всё так же улыбаясь, сидела перед ним за столом. В отчаянии Евстафий ещё раз ударил рукой по столу, сел и заплакал, уткнувшись лицом в ладони. Он был в ужасе, и боялся не за себя, а за Онуфрия. Осознавая, что ничего не может предпринять с этой машиной, пока его послушника режут, топят, жгут и чёрт знает, что ещё делают, давило на него грузом вины и стыда.

Голограмма мигнула и теперь уже стояла рядом с одной из дверей.

— Я могу предложить вам альтернативу посмертному заключению и исследованию вашего друга, — лицо Инны не изменилось, голос был таким же добродушным, но Евстафий мог поклясться, что её тон был полон ехидства и чувства превосходства. — Вы можете стать добровольцем в наглядном эксперименте, цель которого — спасение одной из сотрудниц лаборатории. Сейчас она находится на двадцатом этаже лаборатории и подвергается непосредственной опасности.

— Там все давно мертвы или превратились в чёртовых зомби. А даже если бы она и была жива, за семьдесят лет давно бы умерла от старости.

— Вы совершенно неправы. Её показатели в норме, она жива и относительно здорова. Если её не вытащить из ловушки, на которую вы её обрекли, разбудив все системы охраны, она погибнет. Что бы вы ни выбрали, я вынуждена уважать ваше мнение, так что я дам вам несколько минут на размышление.

С этими словами голограмма начала медленно растворяться в воздухе.

— Стой. Я правильно понимаю, что если я соглашусь на этот эксперимент, мы заключим договор, который ты не сможешь нарушить из-за внутренних правил? — Евстафий смотрел на голограмму жестко, он нашел выход из ситуации. Верил, что нашел.

— Безусловно. Меня не программировали обманывать людей. Если мы с вами придем к соглашению, и вы его выполните, то я в точности выполню то, о чем мы договоримся. Буква в букву. Главное — не просите невозможного.

— Во-первых, я хочу, чтобы Онуфрий пошел со мной, — Евстафий выпалил эти слова, которые жгли ему мозг, и затаил дыхание в ожидании.

— Хорошо, что ещё?

— Во-вторых: после того, как мы спасем вашу сотрудницу, вы нас отпустите. — Инна легко кивнула. — И, в-третьих, вы отдадите нам управляющее ядро реактора холодного

синтеза, — с третьим он явно загнул, и, хотя на изображении лица не двинулся ни один мускул, Инна замолчала. Ожидание было настолько длительным, что Евстафий уже подумал, что она откажется от таких условий.

— Перечислим еще раз ваши условия: свобода для вашего друга на время проведения эксперимента по спасению моей сотрудницы, свобода для вас обоих после выполнения моих условий и микропроцессор второго типа для управления реактором. Всё верно? — Теперь настала очередь Евстафия кивнуть. — Что ж, я даже дополню ваши требования. Вам будут переданы припасы, необходимые и достаточные, чтобы выбраться живыми из лаборатории, и пища на ближайшую неделю. А теперь мои условия. Вы возьмете с собой моего посредника — как и вы, добровольца, Дениса. Подниметесь на двадцатый этаж и доставите вниз в целостности и сохранности, без видимых повреждений, сотрудника лаборатории наномашин, Анастасию. Как только вы её доставите, вам будет передано требуемое, и мы прощаемся. Устраивает?

— Полностью. — Евстафий автоматически протянул руку для рукопожатия, но тут же убрал её за спину, понимая, насколько глупо жать руку голограмме.

— Отлично, договорились, тогда пройдемте со мной.

Дверь у ног Инны открылась, и за ней включился свет. В столовой свет, наоборот, начал гаснуть и полностью выключился, едва Евстафий переступил порог. Короткий коридор заканчивался дверью с двойной надписью «Пропускная/Security» и однозначным логотипом с пистолетом и каской. Дверь автоматически открылась, и он буквально остолбенел.

Комната охраны была в несколько раз больше столовой, и предназначалась скорее не для охранников, а для небольшой частной армии. Ряды личных продолговатых шкафчиков чередовались закрытыми оружейными шкафами и боксами брони. Он подошел к ближайшему ящику и попробовал его открыть. На серой дверце, будто полностью состоящей из металлического листа, загорелся красный перечеркнутый круг. Следующий шкафчик при дергании дверцы показал такую же эмблему, и Евстафий с сожалением огляделся. Столько богатства без возможности им воспользоваться вызывало уныние, хоть и незначительное.

Между рядов шкафчиков появилась Инна и поманила его поднятой рукой. Евстафий замешкался, но, понимая глупость сопротивления, подошел. Рядом с голограммой была дверь с эмблемой душа, всё было предельно понятно. Евстафий подошел к двери, та открылась, впуская его в просторную ванную с несколькими душевыми кабинами, таким же количеством шкафчиков и лавками посередине. На одной из лавок лежала стопка одежды, значительно отличавшаяся от той, которая была на нем сейчас.

В стопке было нижнее бельё, штаны, китель и пара носков. Штаны и китель имели защитную серую окраску, скорее деформирующую, чем маскирующую. Они были сделаны из плотного не волокнистого материала и, очевидно, должны были быть защищенными: пулестойкими или ударопрочными.

Евстафий решил примерить обмундирование после душа и зашел в кабинку. Долго наслаждаясь, он стоял под сильными струями горячей воды. Последние две недели было не до душа, их партизанская вылазка рассчитывалась на неделю, но сильно затянулась. Они и спали-то исключительно по очереди, а уж мыться было абсолютно некогда. Каждую минуту их кто-то пытался сожрать, плюнуть в них кислотой или утащить в джунгли на съедение потомству. В конце у него в голове даже проскочила мысль, что горячий душ вполне нормальная компенсация за несколько часов пыток. Усталость под струями воды стремительно таяла, и он вышел из душа бодрым и почти готовым к подвигам.

Одежда пришлась как раз в пору. Кажущаяся на первый взгляд легкой и тонкой ткань оказалась плотным веществом укрепленным толстыми вставками на против жизненно важных органов. Эти вставки брони были как спереди так и сзади. Не смотря на внушительный размер они были чрезвычайно легкими и Евстафий с трудом вспомнил однажды слышанное от техника в епархии название СВМП сверх молекулярный полиэтилен. Из этого материала делали броню для техники во второй половине тридцатых годов, до того как все перешли на кристаллизованные углеродные и кремниевые пластины. В общем, они были чуть тяжелее, чуть менее прочными и так далее. Но пулю из пистолета или не бронебойную пулю из автомата вполне могли остановить.

Под толстой стопкой одежды он обнаружил браслет с собственным именем. Браслет имел идентификационный код, набор каких то датчиков, выпуклостей и круглое пустое кольцо по середине. Правда ремешок полностью усеянный не понятными приспособлениями был длинноват, раза в два. Сначала Евстафий попробовал одеть его на запястье замотав два раза, Браслет болтался и не работал. Затем он натянул его на предплечье в полтора оборота но застежка не закрывалась. Повертев в ладонях браслет около минуты Евстафий пожал плечами и положил его в карман штанов.

Он одел ботинки странной конструкции, они были большеваты и почти горячими пока он их натягивал на ногу, но как только нога встала на место ботинки остыли плотно обхватив ногу. Походив взад вперед он понял что его жутко смущала чувствительность в ботинках. Было ощущение что он буквально ходит босиком. Учитывая что ботинки были явно военного предназначения это было на редкость глупо. Для уверенности он в пол силы пнул угол металлической скамейки, но вместо боли почувствовал лишь прикосновение. Зачем такие ботинки были созданы, он не понял, но ощущение ему понравилось.

Перед тем как он вышел из душевой его взгляд случайно наткнулся на зеркало. Перед ним предстал подтянутый мужчина слегка за сорок, в меру худой с короткими черными, прямыми волосами щедро посыпанными сединой. Отросшая за две недели борода была вполне уместна хоть и слегка неряшлива. Сейчас одетый в обтянутый бронированный костюм, без своей ежедневной черной рясы и обязательного креста он выглядел совсем не привычно. Перекрестившись он повернулся лицом к двери и сделал шаг в её направлении. Дверь однако не открылась.

Вместо этого на ней загорелась надпись «оденьте коммуникационную гарнитуру». Евстафий огляделся по сторонам но затем вспомнил про браслет и намотал его на руку. Поднес руку к двери но та не открылась лишь ещё раз высветив надпись. В растерянности он оглянулся по сторонам.

Изображение Инны появилось рядом с душевыми, там где минуту назад была одежда. Она сидела закинув ногу на ногу и слегка наклонившись вперед. С видимым удовольствием наблюдая за растерянным священником. В конце концов она улыбнулась чуть по-другому более естественно. Подняла голову и показала колье на своей шее.

— Это не браслет, это ошейник. Одевайте его так чтобы он кольцом опоясывал ваш нейроинтерфейс. Как только вы его одените то получите повышение приоритета и доступ к оружию, броне и снаряжению.

Евстафий не размышлял долго, он нужен был этой машине живым, иначе он был бы мертв за долго до того как она признала его человеком. А значит и бояться смысла не было. Он нащупал пальцами интерфейс на позвоночнике и поместив его в кольцо, застегнул ошейник. Тот был достаточно эластичен и не мешал дышать или глотать, но сидел очень

плотно. Тут же дверь возле него отворилась и он смог вернуться в комнату охраны.

— Поздравляю вас с получением нового ранга и обязанности, вы назначены добровольцем испытуемым охранного экспериментального отряда, вы имеете право на ношение и применение оружия и бронежилетов, взрывчатых веществ и спец средств. Вам в обязанности вменяется спасение сотрудницы-добровольца Анастасии. Учитывая высший приоритет этого эксперимента вам разрешено применять оружие по назначению против любых нарушителей и преград которые могли бы помешать вам с его выполнением. И последнее, при провале эксперимента или при попытке снятия гарнитуры, ваш интеллект будет переоценен, и вы будете признаны не человеком. В таком случае ошейник снабженный взрывным кольцом убьёт вас и гарантированно уничтожит ваш нейроинтерфейс.

Слова Инны заставили Евстафия шумно сглотнуть. Попался. Машина не забралась к нему в голову и не контролирует его как Разум контролирует своих киберов однако теперь он вынужден будет в точности исполнить её приказ. Выполни приказ или умри — это теперь про него. Хотя как он слышал у зооморфов была другая фраза — Умри, но выполни. Смерть не освобождала от ответственности за выполнение приказа. Веселый такой нюанс. Все мосты были сожжены и впереди маячило светлое бедующее, с маленькой буквы, возможно даже в кавычках.

Евстафий отчаянно помотал головой стараясь вкинуть из неё грустные мысли. Он огляделся по сторонам, шкафы с винтовками, дробовиками, автоматами и пистолетами стояли по всему периметру комнаты. Между ними стояли зарядные камеры с боевыми экзоскелетами. Они представляли из себя смесь толстой брони с габаритами чуть превышающими человеческие и прочного скелета с моторами и поршнями составляющими скелет. Он не только позволял носить несколько десятков килограммов брони как пушинку но и давали дополнительную силу в несколько десятков килограммов.

Пока он шел собирая амуницию вдоль стен его взгляд то и дело натывался на выступающую перегородку в углу комнаты. На ней была эмблема колеса и она будто приковывала его взгляд к себе. Пока он дошел до этой перегородки он успел одеть удобный разгрузочный пояс, засунуть в него несколько обойм от пистолета и взять сам пистолет. Гарнитура работала на славу, отображая многочисленную информацию о всём что он видел или брал в руки. В частности на патронах к пистолету значилось что они бронебойные а на пистолете что он полностью автоматический. Затем одел легкий бронежилет вторым слоем брони, гарнитура писала что этот бронежилет не принесет дополнительной защиты к уже одетому костюму но перестраховка никогда не мешала.

Когда же он дошел до перегородки то увидел стрелочку которая все это время была у него под ногами. Оказывается он всё это время шел по указателю именно к этой перегородке. Как во сне он поднял руку и нажал на перегородку, которая поддалась с первого касания. Его прошиб пот. Быть пытаемым машиной чтобы она знала о тебе всё это жутко, получить в результате то что было за перегородкой — предел всех мечтаний.

Прямо перед ним стояла первая версия мобильной брони. Округлая капсула пилота с десятками зрачков камер спрятанных между толстых бронированных пластин под слоем заменяемых защитных стекол. Ноги с шестью полно приводными колесами позволяющими ехать по лестницам и склонам до 60 градусов. Два манипулятора которые при необходимости можно было удлинять с полутора метров до трех, к правому была подсоединен крупнокалиберный пулемет, а к левому подвешен 40мм гранатомет.

На ней была не самая лучшая броня, не самое лучшее вооружение и далеко не самая лучшая электроника, она всем уступала новым версиям мобильных доспехов используемых вольными, кроме одного — реактора. Мобильный реактор холодного синтеза был секретом который остался только у киберов, стоимость одного такого реактора исчислялась десятками тонн ценных природных ресурсов за которые многие вольные платили кровью а за частую и жизнью. Только в броне высших духовных санов был установлен такой реактор, остальные же довольствовались простыми генераторами на возобновляемом топливе.

Не веря своим глазам Евстафий дотронулся до теплой на ощупь брони. На самом деле она конечно была не теплая, но обладала такой низкой теплопроводностью что отдавала обратно все тепло которое давала его рука. За счет этого свойства броня была невидима в инфракрасном диапазоне. Он опустил руку и нащупал кнопку открытия места пилота, она оказалась на привычном месте, кабина мобильной брони легко открылась оголяя эргономичное кресло с множеством страховочных ремней. На всей внутренней стороне брони был вспомогательный экран позволяющий её пилотировать даже при повреждении подключения нейроинтерфейса, на нем отображался полный отчет по боеприпасам, состоянию реактора и пилота. В профиле пилота значилась фотография Евстафия.

Когда он сел в кресло пилота и закрыл броню мир, на секунду, перестал для него существовать. Он был в полной темноте и идеальной звукоизоляции, это было не привычно по сравнению с его обычной броней крестноосцем. Хотя и задачи у этой брони были совсем другие — она должна была действовать в открытом космосе, но всё сложилось по-другому.

Мир наполнился светом и красками, Евстафий мог одновременно видеть то что перед ним, по бокам и даже сзади. Его тело опоясанное множеством ремней безопасности было практически невесомым, руки привычно лежали на джойстиках управления, ноги упирались ступнями в педали кругового хода, но все это было лишь перестраховкой. Достаточно было мысленной команды и броня отсоединилась от стойки и выкатилась в комнату, ему не понадобилось ни чего нажимать, только думать. Легкость с которой он управлял полутонной броней и оружия была несравненной, он никогда не чувствовал ничего подобного. Вероятно сказывалась потеря в технологиях во время последней войны.

Перед его глазами мелькали индикаторы и статистика, он пытался разобраться чего он не может, ведь казалось что в этой броне он практически всемогущ. Конечно это было не так, у него была тысяча патронов к пулемету, но только двести из них были бронебойными, шестьдесят снарядов к гранатомету было отлично но вот номенклатура удручала, бронебойных почти не было, зато были какие то резиновые, газовые и шумосветовые.

— Инна? — Перед его глазами появилось изображение, не синее как все голограммы, а полноценно цветное, она даже была симпатичной. — Ради бога, могу я загрузить вместо всех этих не летальных боеприпасов православные бронебойные и объемно фугасные? Неужели не найдется хотя-бы сорок нормальных гранат?

— Вы собираетесь воевать с армией? Там вас ждут лишь бывшие гражданские, инфицированные и больные. Они не представляют для вас ни какой опасности. А если на вас нападут вы всегда сможете их просто расстрелять. Вы уже спускались до самого низа и знаете что там нет ни каких опасностей для которых вам могли бы понадобиться противоматериальные гранаты. Если же там и случится некий инцидент у вас есть двадцать таких гранат и целых двести бронебойных пуль калибра 14мм.

Евстафий кивнул, и в самом деле он там был, уже. Против его новой мобильной брони на двадцатом этаже вряд ли найдется что-то достойное, тем более с полным боезапасом и

бесконечным зарядом энергии. Они двигались стараясь зачищать этажи так что сейчас там должно быть почти пусто.

Следуя за стрелкой Евстафий выкатился из комнаты охраны, колеса легко несли его по комнатам в которых даже не успевало включаться освещение. Он пилотировал по локатору, по легким контурам угадывая преграды и повороты. Однажды он даже не удержался от того чтоб перепрыгнуть стол вставший у него на пути. Не смотря на возраст броня была в отличном состоянии, мгновенно откликнулась на все приказы и шла идеально ровно.

В конце пути он чуть не напоролся на закрытую дверь и когда ему пришлось затормозить и включить освещение фарами дверь медленно открылась. Она была не похожа на другие, предупреждающие знаки и желто оранжевые полосы однозначно сообщали что он покидает жилую зону и приближается к лифтам. За дверью его ждали двое, трое если считать вновь появившуюся голограмму Инны, или девять если считать ещё и миниатюрных боевых дронов присоединенных к большому рюкзаку одного из двух встречающих его людей.

Онуфрия он узнал не сразу, добродушный гигант был одет в экзоскелет удивительно подогнанный по его росту, в тяжелый ростовой бронекостюм напоминавший саперный и держал в руке большой ростовой щит пристегнутый к специальному манипулятору на экзоскелете. Забрало из бронестекла было откинута назад но под шлемом было видно что его рот закрыт странным устройством напоминающим операционный респиратор с подачей кислорода, глаза же закрывали странные металлические окуляры которые очками назвать было сложно, они напоминали скорее часть микроскопа или камеры.

— Онуфушка, что с тобой?! — Евстафий от избытка еще недавно забывший о своей ненависти к машине сдвинул ручки джойстиков, но вспомнив о ошейнике ослабил хватку. — Ты как там? Жив?

Онуфрий ни чего не ответил, только помахал рукой, показал большой палец, а затем показал на горло и рот и скрестил руки. Говорить он очевидно не мог.

— Тварь! Что ты с ним сделала? — Евстафий еле сдерживался. Внезапно он заметил как успокаивается, это умная система поддержки жизнедеятельности откачала у него адреналин и вприснула в кровь успокоительные.

— С ним всё будет в порядке. Мне пришлось вживить ему нейроимплант в качестве одного из инструментов испытаний, так же теперь у него в крови примерно то же количество наномашин что и у Дениса. Кстати познакомьтесь, глава вашей группы.

— Здравия желаю. Как меня уже представили, Денис, доброволец как и вы оба. — Денис был полностью одет в боевой экзоскелет с толстым слоем брони везде, где можно и где нельзя. Из за этого его руки и ноги казались непропорционально короткими и он смотрелся бы комично если бы не выглядел так опасно. Определить возраст, рост или внешность под всей этой броней было абсолютно невозможно. — Согласно приказу Инны я поведу эту группу так как у меня больше всего боевого опыта в этой группе. Позвольте представить, мои помощники.

Денис обвел рукой вокруг себя показывая ладонью. Посмотреть было на что, шесть дронов были соединены с ним толстыми армированными проводами, каждый заканчивался в спинном отсеке Дениса и явно был длиннее чем видно снаружи. Четыре дрона были не больше тридцати сантиметров в длину на колесах с турелями в которых разместились автоматы. Два оставшихся были куда интереснее, первый был самодвижущимся щитом на колесах, под два метра в высоту, с платформой для ног, второй и вовсе был скорее маленьким танком. Танк был в высоту около метра, с толстой лобовой броней и башней с

угадывающимся автоматическим гранатометом и пулеметом. Такие были не редкостью в черных зонах, но представляли серьёзную опасность даже поодиночке.

Евстафий вздохнул, если смотреть здраво то команда у них просто звездная, такая же огневая мощь у них была когда они только выдвигались из Вольных городов. Денис выдержав паузу продолжил.

— Сейчас мы поднимемся на грузовом лифте до пятого этажа, по не известным причинам этажи с пятого по сорок третий заблокированы и мы не сможем на них высадиться. Дальше мы спускаемся на пятнадцать этажей, спасаем Анастасию и снова поднимаемся на пятый этаж, затем спускаемся обратно, не торопимся и не тормозим, вся операция при хорошем исходе займет минут тридцать.

— Слишком всё просто говорите. Если так, чего раньше сами не сходили?

— Отставить разговоры, приказа не было. Задача понятна?

— Предельно. — Онуфрий кивнул и опустил забрало на шлеме.

— Тогда грузимся. Броня, — Денис указал на Евстафия, — Грузится последней выходит первой. Щит. — Указал он на Онуфрия. — Заходишь первым, при выгрузке замыкаешь, при необходимости прикрываешь. Грузимся.

Широкая дверь грузового лифта была скрыта за одной из стен. Места в нем был просто вагон, вероятно по тому что он и был рассчитан на большие грузовые контейнеры. Когда Евстафий последним заехал в лифт он заметил как стрелка загрузки лифта чуть качнулась но не перевалила и за половину. Вероятно, лифт вполне мог перевозить тяжелый танк или целый взвод пехоты.

Дверца закрылась и на табло загорелись цифры этажа 60. Затем Денис нажал на что-то и лифт медленно дернувшись пополз вверх. Евстафию никогда не доводилось ездить в таких машинах и он с интересом оглядывался и сканировал, броня подсказывала что лифт не держится на тросах а поднимается за счет колес установленным по всем стенам, было огромное количество запасных колес и экстренных тормозов а значит лифт был предельно надежен. Несмотря на их суммарный вес он быстро поднимался и достиг пятого этажа всего за несколько минут. Евстафий с сожалением подумал скольких проблем им удалось бы избежать если бы они могли со своей группой с самого начала просто спуститься на лифте.

Все его сожаления улетучились когда дверь начала открываться. Вероятно когда они здесь прошли им не пришлось углубляться в коридор этажа, иначе объяснить огромное количество зомби было просто невозможно. Прямо перед дверью была толпа в тридцать или чуть больше голов. Не раздумывая Евстафий быстрыми движениями глаз выбрал все головы которые смог заметить и мысленно нажал на гашетку. Пулемет сделал ровно один выстрел на каждую отмеченную им цель, и с десятков голов зомби разлетелись от первой длинной очереди.

Они бросились на него всей толпой и в какой то момент он даже испугался что они смогут задавить его трупками но пулемет исправно делал свое дело. Пару раз он промазал, но уничтожил оставшуюся толпу меньше чем за две минуты, если зомби подбегали слишком близко он просто отталкивал их левым манипулятором.

Тех которые умудрялись протиснуться по бокам брали на себя дроны Дениса. Он работал четко и точно выцеливая только тех кого пропустил Евстафий.

— Броня, вперед. — Прозвучало в динамиках, и растолкав груды погибших Евстафий неспешно выехал на этаж, свет на этаже полностью отсутствовал так что он включил прожекторы брони чтобы осветить дорогу не только себе но и Онуфрию с Денисом. С этого

момента на них бросились несколько одиночек и небольшая группа привлеченные на свет, но они разобрались с этой угрозой без всяких проблем. Медленно продвигаясь они добивали лежащих зомби и останавливались в защитном порядке когда замечали угрозу.

Вероятно именно такой последовательный и медленный темп продвижения спас им жизни, когда они уже подходили к лестничному пролету на них с противоположной стороны ринулся поток зомби, они валили откуда-то сверху неостановимым потоком. Онуфрий встал рядом с щитовиком Дениса прикрыв его с двух сторон, Евстафий же встал прямо между группой и зомбированными. Теперь уже патронов не жалели, в голову попадал только каждый третий выстрел но каждое попадание из крупнокалиберного пулемета заставляло поток значительно поредеть. В какой то момент до Евстафия добрался один из зомби и тот решил уже схватить его за голову манипулятором но зомби просто оттолкнулся от брони и побежал дальше. Внезапная дикая мысль родилась в голове и он решил её проверить. Сопоставив сканеры с брони и потоки видео Евстафий вдруг понял.

— Они не нас атакуют! Они скорее куда-то бегут. Или откуда-то. — Не успел он закончить фразу как на этаже началось чистое безумие. В толпе зомби на Евстафия несся крабопаук! Двухметровое бронированное чудовище на восьми длинных лапах щелкало своими бритвенно-острыми клешнями с каждым щелчком перерубая зомби на пополам, отрезая им руки и головы. Выпустив по нему короткую очередь Евстафий понял что за бронебойные патроны надо было сражаться до последнего, обычные пули от крабопаука просто отскочили.

— Бронебойными! — Услышал он крик Дениса, он уже и так дал мысленную команду на смену боеприпасов, но на это требовалось время. Рефлекторно Евстафий выстрелил из гранатомета, плотное едкое облако дыма заволкло лестницу и стало абсолютно не разобрать что там твориться. Ругаясь последними словами он отправил на смену боеприпасов и гранатомет. Дальнейшие события заняли не больше двух секунд.

Крабопаук выпрыгнул из дымового облака и уцепившись крючковатыми лапами побежал в их сторону по потолку, Евстафий выпустил по нему длинную очередь из пулемета и увидел что пули входят только по краям и возле множества глаз, но особого вреда не наносят. Рядом с ним громынуло, это мини-танк дал залп из главного орудия, снаряд зашел в броню между жвалами и там разорвался.

Тело крабопаука упало с громким, но глухим звуком на пол. И почти сразу из дыма появилось ещё двое крабопауков, а за их спинами замаячили косари.

Это была катастрофа. Евстафий за доли секунды представил, что с ними сейчас сделает регулярная армия зооморфов, не останется даже костей.

— Отступаем к лифту немедленно!

— Отставить, по плану мы должны двигаться сверху. — Пока Денис протестовал один из крабопауков поджал лапы но вместо того чтобы прыгать плюнул по мини-танку длинной струей своей паутины обильно сдобренной кислотой, башня танка заела и стволы заглохли.

— Нас сейчас перебьют как пушечное мясо! — Второй крабопаук в длинном прыжке приземлился на танк и вцепился клешнями в башню. Сразу стало понятно, что для уничтожения чего создавалось. Броня танка заскрежетала сминаясь бивший в упор пулемет не давал ни каких результатов а дуло пушки было покарежено и залито паутиной.

— Черт, хорошо отступаем, Броня, ты прикрываешь. — С этими словам Денис отсоединил провод танка и толкнув вперед Онуфрия побежал к лифту.

Евстафию было не впервой прикрывать отходы при бегстве от зооморфов, но он

предпочел бы держаться от них на расстоянии метров двухсот, здесь же в замкнутом пространстве он с трудом маневрировал, чтобы не попасть в паутину или хищные клешни. Отступая он огрызался и из пулемета и из гранатомета, сумев убить двух косарей и отстрелить клешню у одного из крабопауков.

Перед самым закрытием дверей лифта он увидел как из пущенного им дыма выходит новое чудовище, которое он никогда еще не встречал. Огромный косарь с толстым туловищем возвышался на фоне своих собратьев как гигант. Под головой монстра, со всех сторон окруженное броней, виднелось окошко, чуть светящееся зеленоватым светом. Из него на Евстафия смотрела хищно улыбающаяся молодая женщина.

Глава 9. Гнев

Марине стоило больших усилий взять под контроль медицинского жука и заставить его излучать нужные феромоны. Сам жук был на это неспособен, он имел другое предназначение, с которым отлично справлялся: уже через четыре часа почти все внутренние органы Марины были восстановлены. Но ей требовалось другое. Жук находился в нижней части иерархии питомцев зооморфов, но только до тех пор, пока был сам по себе. Когда он брал в себя исцеляемого, хозяин передавал ему свои феромоны для защиты. Единственным врожденным боевым качеством жука была броня: брюшко, надёжно закрытое прочнейшими подкрылками; глубоко утопленная в бронированное тело голова; даже усики прятались вдоль туловища так, что их было не обрубить.

После того, как Николай поместил Марину в жука, он передал ему часть своих феромонов, а вместе с ними и полномочий. Это было Марине на руку. Прочесав окрестности, она собрала небольшой отряд питомцев, которые охотно последовали за ней. Лучших, конечно, забрал с собой Николай, поэтому пришлось довольствоваться остатками.

Сначала Марина смогла поймать в командные сети двух косарей и долгое время никого больше не находила, затем ей повезло и она наткнулась на мирно пасущихся четырех крабопауков — самку и трех почти взрослых детенышей. Самка сперва сопротивлялась, но сдалась под напором Марины, детеныши присоединились к ней. Затем Марина сумела набрать семерых косарей и, решив, что для эскорта этого хватит, двинулась по жирному следу, оставленному голиафом.

Медицинский жук внезапно перестал слушаться Марину: встал как вкопанный и отказался двигаться дальше. Приложив немало усилий, Марина смогла различить феромоны престарелой королевы косарей. Сливаясь с поверхностью и медленно перебирая шестью лапами, эта двухметровая потерявшая способность к размножению королева доживала свой век. Во время Последней войны таких королев использовали как мобильные доспехи: тело пилота-пастуха помещалось в специальной капсуле на груди насекомого в глубокой впадине. Капсулу защищала толстая хитиновая броня, а все действия королевы напрямую контролировали наездники, их ещё называли драгунами.

Пока Марина соображала, как подчинить королеву, положение в корне изменилось. Косари, как и их далекие предки, богомолы, нападают на любую попавшуюся добычу и отличаются исключительной агрессивностью. Королева превратилась в размазанный контур, метровые клинки, со свистом рассекая воздух, разрезали верхние пластины брони медицинского жука. Вздвогнув, Марина инстинктивно попыталась прикрыть голову руками, жук повторил это движение, заслонившись лапами, но безрезультатно. Косарь срезал толстые, больше двадцати сантиметров в диаметре, лапы жука, как триммер скашивает траву. Следующим ударом королева пробила оставшуюся броню и разрубила нервный центр жука, мгновенно убив его.

Яростная атака прекратилась так же внезапно, как началась. Королева поджала режущие клинки внутрь лап и, крепко вцепившись в тело жука, начала быстро пожирать его насыщенную полезными веществами плоть. Вместе с пищей в организм королевы поступали феромоны: те, что оставил Николай, и те, которые вырабатывали симбионты в теле Марины. Спустя десять минут отуманенный разум королевы был полностью подчинен.

Марине удалось заставить королеву принять в себя брюшко медицинского жука, в котором она находилась. Афера оказалась удачной. Теперь Марина не только восстанавливалась в питательной среде, но и обладала подавляющей боевой мощью, почти сравнимой с мощью тех симбионтов, которых она потеряла в сражении с киберами.

Насытившаяся королева косарей обладала мимикрирующей поверхностью хитиновых пластин, могла с легкостью поднять передними лапами несколько тонн, разрезать клинками полметра бронебетона или тридцать сантиметров стали. К тому же она прицельно плевалась высоко активной кислотой, одинаково легко разъедающей живую плоть, железо и пластик на расстоянии до двухсот метров.

Обзаведясь столь универсальной боевой платформой, Марина не стала искать дополнительную поддержку и отправилась по следам Николая, пустив своё стадо галопом. Путь перед ней был полностью разведан и расчищен, она смогла добраться до входа в подземный комплекс быстрее, чем за полчаса. Во входе на первый этаж она заметила неладное. Помимо следов Николая и присоединившегося к нему Александра она почувствовала слабые следы других зооморфов, но не питомцев, а людей. Будь она в теле человека, она бы этого не заметила, уж очень много других следов вело в туннели, однако в теле королевы её чувства во много раз обострились. Среди множества следов были детские.

Это привело её в ярость, которая не бывает хорошим советчиком, но она придала Марине сил и решимости. Вместо того, чтобы следовать за Николаем и Александром, которые с первого этажа вломились в шахту лифта, Марина решила зачистить всё перед собой от любых проявлений угрозы и опасности. Этаж за этажом.

Она не спеша заглядывала в каждую комнату и за каждый поворот и спустилась с первого этажа на второй только когда убедилась, что на нем не осталось ни зараженных, ни работающей электроники. На этаже ей встретились не больше двадцати тварей, спящих в дальних закоулках заброшенных лабораторий и переговорных. Марина с удовольствием нашла и уничтожила их собственноручно. Ей нравился звук рассекаемого лезвиями воздуха, он колебался от чуть слышного шелеста до громкого визга. Нравилось, как хрустят под бритвенно-острыми когтями Королевы кости, как трещат разрушаемые мышцы. Марина наслаждалась этюдами в красно-серых тонах, которые она сама создавала, повелевая своим живым доспехом.

Второй этаж встретил её длинным расходящимся в разные стороны коридором. Отчетливые многочисленные следы вели в одну сторону, в другой стороне их не было. С огромным трудом поборов желание как можно быстрее нагнать и уничтожить нарушителей, Марина решила зачистить этаж полностью.

Она не разделяла в сознании королеву косарей и себя, с наслаждением ожидая, как её новое сильное и лёгкое тело будет разрывать врагов. Марина двигалась почти бесшумно, лапы, покрытые тысячами твердых волосиков, шелестя, бежали по полу, устланному белым керамогранитом. Фасетчатые глаза различали всё окружающее, выделяя изображения по цвету, температуре и внутренней энергии.

Мир, который видела Марина, был в основном серым, однако в нем было достаточно красок. Она видела синие провода, находящиеся под навесным потолком, различала чернеющие теплоизоляционные материалы. Яркими всполохами загорались источники переменного тока и следы органики. Коридор был пуст уже многие годы.

Резкая боль в одной из лап заставила Марину отскочить назад. Даже обостренных чувств королевы не хватило, чтобы обнаружить скрытую угрозу. Поле наномашин в

состоянии покоя было всего лишь массой элементов, но задев его, Марина вызвала цепную реакцию, и вот уже круг диаметром в несколько метров полыхал пламенем, бетон раскалился докрасна и местами потек. Перед ней была классическая термальная аномалия, и она полностью перегораживала ей дорогу.

Наномашины, похравшие своего носителя больше полувека назад, мгновенно активировались при контакте с органикой, но перегревались быстрее, чем начинали работать в нормальном режиме. Секундная вспышка активности сменялась днями и даже месяцами накопления энергии. Этого хватало, чтобы поджарить всё живое и сплавить оставшееся в остывающие куски металла.

Марина осмотрела основательно поджарившуюся среднюю лапу. Теперь ей придется справляться двумя другими оставшимися с той же стороны. Стало ясно, почему этот коридор никто не посещал: поле наномашин, накопившее достаточно энергии, чтобы сжечь, заморозить, разобрать на молекулы или убить разрядом в зависимости от типа поломки любого неосторожного.

— Загнать бы их всех в это поле, — подумала с садистским наслаждением Марина. — Всех этих горе-изобретателей вечной жизни и всемирных благ. И так, чтобы никто не ушел.

Она уже развернулась назад, когда краем глаза заметила сидящую в глубине коридора фигуру. Марина не сразу поняла, что видит фигуру своими собственными глазами, а не глазами королевы. Это был призрак или что-то такое же не вещественное — просто изображение, не имеющее тела.

Вглядевшись в бирюзовую фигуру, Марина поняла, что это голограмма. Голограмма девочки подростка помахала ей рукой. Девочка была одета в карикатурное летнее платье, каких не носили уже лет сто, платье было явно мало девочке. Длинные волосы, заплетенные в две косы, уходили за плечи. Черты лица с такого расстояния Марина различить не могла, но рисковать, чтобы только отрубить голограмму, не имело смысла.

Когда Марина развернулась назад, девочка ещё раз помахала рукой, как живая спрыгнула с ящика и исчезла, растворяясь в воздухе, не коснувшись ногами пола. Непонятно, была ли эта голограмма воспоминанием, интерактивным помощником или чем-то большим.

Отбросив лишние размышления, Марина бодрой трусцой двинулась по коридору, увлекая за собой нехитрое воинство, которое она собрала в окружающих лесах. Самыми шумными были крабопауки: они цокали острыми когтями при каждом шаге, их тела были предназначены для операций прорыва, штурмов и лобовых атак. Толстая броня, четыре пары ног и бритвенно-острые клешни дополнялись возможностью плевать паутиной, смазанной каплями кислоты.

Косари были почти бесшумны, во всем походя на старшую особь, которую оседлала и подчинила Марина. Они предназначались для ведения основных боевых операций: тихие, малозаметные, с могучими лезвиями-косами, они тоже умели поражать врага кислотой на расстоянии. А еще они были самой многочисленной составляющей пехоты зооморфов. Хотя Марине и удалось найти всего семерых, численность её отряда была вполне существенная.

На третий этаж она спустилась во главе группы, но тут же перестроилась. Этаж был полон закрытых комнат, набитых зараженными, их контуры вспыхивали в видении королевы ярким красным цветом. Если всех, кто проходил по этажу вглубь комплекса до Марины, это устраивало, то её точно нет. Она отправила крабопауков взламывать ближайшие двери, а сама начала придумывать, как эффективнее разделаться со всеми этими недо-людьми. Проще всего было отдать команду и следовать за крабопауками, сохраняя строй и зачищая

комнату за комнатой, но это было невесело, и Марина решила усложнить задачу самой себе.

Марина выбрала четыре двери, которые вели в смежные помещения, поставила напротив каждой из них по крабопауку и два косаря. В ближайшую дверь пришлось послать только одного косаря, но она дала этой парочке фору. Сама она встала у двери, за которой виднелись контуры самой большой группы зараженных. Мысленно отдав команду начать зачистку, она вышибла дверь ударом передних лап.

Это была игра на время, в которой она сама установила для себя правила. Марина решила, что зачистит всю свою комнату раньше, чем это сделают её питомцы, причем сделает это максимально чисто, только отрубая головы. Когда Марина ворвалась в первую комнату, на неё со всех сторон кинулись пять зараженных. Она даже не различала их пола, не говоря уже о деталях одежды. Широким зигзагообразным взмахом правой лапы она убила сразу троих. Первому и третьему отрезала головы у самого основания, второй был значительно ниже: как Марина ни старалась изменить траекторию удара, ему снесло только половину головы.

Два оставшихся вцепились в её панцирь слева, и ей пришлось срезать их с края брони. Марина широко развела клинки в стороны и со свистом ударила ими друг о друга. Зараженных срезало у самой кромки брони, клинки были настолько острыми, что зубы одного из зараженных остались лежать на панцире королевы после удара. Заметив, что у первой группы осталось меньше десятка зараженных, Марина влетела в следующее помещение. Она уже не старалась срезать головы, просто рубила направо и налево, чтобы быстрее покончить. С каждым взмахом от тел отлетали руки и головы, она перерубала бегущих на неё тварей пополам.

Справившись за несколько секунд с девятью врагами, Марина бросилась в последнюю комнату, впервые используя крылья королевы и буквально влетев туда. Несколько зараженных с разных сторон не представляли угрозы, но Марина быстро поплатилась за свою беспечность. Кроме обычных зараженных в комнате находился контролер, он был привязан к стене тонким кабелем из наномашин. Длинная очередь из пистолета-пулемета не причинила Марине вреда, но разрубив контролера пополам, она увидела зажатую в его руке связку гранат. Взрыв догнал её уже в дверях и нанес урон лишь самолюбию, однако значительно остудил её пыл.

Спустя несколько минут из своих помещений вернулись все группы зачистки, как и ожидалось, на крабопауках не было ни царапинки. Два косаря получили незначительные повреждения, от брони одного умудрились откусить кусок, остальные были в полном порядке.

Нарвавшись на внезапное сопротивление контролера-камикадзе, Марина решила поменять тактику. Тщательно осмотрев два оставшиеся ответвления, Марина послала туда только крабопауков. Сколь ни была соблазнительна мысль вырезать всех врагов собственноручно, Марина предпочла гарантированную победу.

Её расчет оказался верен: крабопауки легко врезались в тела зараженных своими клешнями, прочная броня надёжно прикрывала их от любых мелких пакостей, включая ручные гранаты. Они даже не торопились, просто катились один за другим словно каменная лавина, неотвратимо сокрушая все преграды.

Было в их ужасающей поступи что-то завораживающее. Как отлаженный инструмент в руках мастера выполняет свою задачу, так и её питомцы надёжно делали свое дело.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Марина даже замерла на мгновение. Насколько бриллианты совершеннее стекла, настолько же её питомцы были совершеннее тупых механизмов ушедшей эпохи. Она много раз во время войны наблюдала за их сражениями и все так же не могла налюбоваться.

Через пятнадцать минут комнаты на этаже были очищены от зараженных. Горы трупов, оставшиеся после питомцев, значительно поредели, когда Марина решила набить брюхо каждого под завязку. Крабопауки сжирали тела целиком, вместе с одеждой и костями, без каких-либо предпочтений. Косари же копошились во внутренностях, почти не трогая кости.

Марина с живым интересом наблюдала, как питается королева, в теле которой она паразитировала. Как десятисантиметровые жвала легко проламывают череп, и королева тонким хоботком выпивает сморщившиеся от недостатка влаги мозги. Как перетирает в пыль кости и мышцы, превращая руки в однородную кашу.

Убедившись, что все сыты, она приказала двигаться дальше. Можно было и не останавливаться на перекус, но Марине хотелось быть уверенной на двести процентов, что она готова к любым неожиданностям. Хотя даже ей в данном случае предосторожность казалась излишней, годы в армии окончательно сформировали Маринину личность.

Медленно спустившись на четвертый этаж, Марина с удовольствием отметила, что работы предостаточно. В прямом коридоре между лестницами болталось десятка два зараженных, этаж был не меньше предыдущего. В коридоре было только три двери: две с одной стороны и одна с другой.

На этом этаже спускавшимся пришлось применять силу. Всего два зараженных медленно бродили по коридору, остальные ползли, подтаскивая переломанные ноги, или вовсе сидели у стен неподвижно.

Скомандовав питомцам выдвинуться в ближайший коридор, Марина с удовольствием отправилась на работу, которую умела делать лучше всего в жизни. Набросившихся на неё зараженных она обезглавила в три удара. Не торопясь и не напрягаясь, она работала как опытный палач. Внезапно дальняя боковая дверь распахнулась, и твари хлынули из неё огромной толпой.

Марина развела в стороны лапы с лезвиями, готовясь собрать богатый урожай очищения, но вместо того, чтобы броситься на неё, зараженные бежали. Если бы она не знала, что у этих тварей мозг полностью контролируется наномашинами, и они не способны на эмоции, решила бы, что они бегут в панике. Тогда она сама бросилась в атаку, врезаясь в толпу и каждым ударом убивая, как минимум, одного.

Через несколько секунд из дверей показались крабопауки, за ними косари. Они гнались за последними зараженными и рвались вперед. Отданная раньше команда заставляла косарей держаться чуть поодаль. Марина отвлеклась от убийств и преследований, заметив, что в коридоре горит одна лампа, но до этого на этаже света вообще не было. Что-то произошло на этажах ниже, из-за чего появился свет.

Марина мысленно прикрикнула на питомцев, и один из крабопауков, высоко подпрыгнув, приземлился почти в центр убегающей толпы. С великим наслаждением Марина отправила крабопауков и косарей вперед, а сама стала расправляться с отрезанной частью зараженных. Это было буквально избиение младенцев, но она наслаждалась каждым ударом.

Внезапно с нижнего этажа раздался звук пулеметных очередей, а вслед за этим — звук выстрелов из гранатомета. Не мешкая, Марина расправилась с тремя оставшимися зараженными и бросилась вниз по лестнице. На лестничном пролете стоял густой

химический туман от дымовой завесы. Разобрать в нем что-либо было практически невозможно: сильный химический запах отбивал все ощущения и перекрывал возможность общения феромонами.

К пулеметным и автоматным очередям добавлялись редкие выстрелы гранатомета. Марина физически ощутила, как умирают её питомцы. Она ещё медлила, когда погиб первый крабопаук, но когда подряд вскинулись два косаря, не выдержала.

Пробираясь через матовую смоль дыма, она с хищным оскалом выскочила на пятый этаж. Повсюду валялись свежие трупы зараженных, их было не меньше сотни. Некоторые тела были разрезаны клешнями и разрублены мечами, несколько были расплавлены кислотой, но большинство упокоились от огнестрельных ран. Почти у самой лестницы лежало тело изуродованного крабопаука, чуть дальше темнел остов танкового бота.

Отведя взгляд от крабопаука, Марина успела заметить, как в дальнем конце коридора закрывается дверь лифта, из которой всё еще ведется автоматный огонь. Расправив крылья, Марина сделала мощный прыжок вслед неизвестному врагу. Королева пролетела больше двадцати метров за пару секунд, покоящиеся до этого за спиной крылья застрекотали, поднимая клубы серой пыли. В последнее мгновение человек в сером штурмовом доспехе откинул косаря, который мешал закрыть дверь, и створки захлопнулись.

Марина с яростью ударила по закрывшимся дверям лифта своими могучими мечами, лезвия вошли глубоко в сталь, но пробить её не смогли. Осмотревшись по сторонам, Марина увидела идущий к дверям силовой кабель под напряжением, он пульсировал синим цветом на глубине сантиметров двадцати в бетоне. Ударив пару раз мечами, Марина сделала глубокую ямку, однако до провода достать не смогла. Тогда она плюнула с досады в эту ямку и с удивлением обнаружила, как бетон растекается под едкой кислотой словно губка. Вскоре кислота прожгла не только бетон, но и кабель в нем.

Теперь двигатели дверей лифта были обесточены. Уперевшись лапами в выбоины, оставленные ею, она с трудом открыла створки. Заглянув внутрь, Марина опешила: шахта лифта оказалась больше, чем она предполагала: в неё вполне мог влезть голиаф или несколько взрослых стрекоз-истребителей. Она даже не могла представить, зачем кому-то в подземной лаборатории перевозить нечто настолько большое, а главное — как удалось от неё, её питомцев и Алексея с Николаем скрыть такой существенный путь вниз.

Марина оглянулась. Неизвестно что ждало внизу: вслед за первым танковым дроном там мог оказаться ещё десяток, а то и полсотни. А ряды её питомцев существенно поредели. Из четырех крабопауков остались два в полной боеготовности, один погиб, ещё один лишился клешни и существенно прихрамывал. Косарей осталась ровно половина, если считать её саму. Марина отогнала от себя внезапно нахлынувшую неуверенность и отошла от створки.

Решение было неочевидным. Можно было броситься сломя голову вниз в неизвестность за уезжающим лифтом. Или обстоятельно зачищать этажи, как она делала до этого. Она решила было вернуться к зачистке, но усики королевы уловили еле ощутимые запахи боли и смерти детей зооморфов. Марина не принимала решения, королева прыгнула до того, как Марина успела что-либо подумать. А вслед за королевой прыгнули остальные.

Это был не полет, скорее, контролируемое падение. Только крылья королевы были предназначены для полета, у обычных косарей они были прыжковыми, крабопауки вообще крыльев не имели. Марине приходилось их держать, чтобы они не разбились при падении. Крыша лифта стремительно приближалась, за несколько секунд до приземления Марине

пришлось резко затормозить о стену когтями.

Запах детей стремительно отдалялся. Марина повисла, вцепившись в стену шахты и пытаясь различить, насколько он далеко. Питомцы сделали то же самое, даже крабопауки достаточно уверенно держались на отвесной поверхности, вбив в бетон цепкие когти. Рядом с Мариной находилась цифра двадцать четвертого этажа, по ощущениям она была дальше от детей, чем до прыжка. Она побежала вверх по стене и внезапно уперлась в бетонную крышку. Резко обернувшись, Марина заметила, что такая же крышка теперь перекрывает путь вниз между двадцать пятым и двадцать шестым этажами. Дверей в шахте не было.

Марина с ужасом поняла, что пока летела вниз, потеряла ориентацию. Она не могла с уверенностью сказать, какая из стен должна вести в коридор. Она прильнула усиками королевы к шахте и приказала сделать так же питомцам. Постепенно спускаясь, они ощупывали каждый сантиметр, надеясь уловить намек на полость. Первым подал сигнал раненый крабопук, из-за повреждений конечностей он не мог полноценно ползать по стенам и в результате соскользнул до самой нижней перегородки.

Раненый уверенно скреб оставшейся клешней одну из стен, оставляя каждым движением глубокий след. Далеко не на всех этажах в качестве строительного материала использовался бронебетон.

Спрыгнув к крабопауку, Марина внимательно ощупала стену усиками. За ней действительно угадывалась какая-то пустота. Отойдя на несколько шагов, Марина разбежалась и ударила обоими лезвиями в одну точку, стена поддалась, и лезвия вышли с другой стороны, повеяло запахами разложения и металла. Марина поднялась по стене и повисла над дырой головой вниз, приказала расширить проем до таких размеров, чтобы все смогли пройти, и сама начала усердно бить стену.

Минуту питомцы били стену, расширяя брешь, с другой стороны стены слышалось шевеление и характерное для зараженных потрескивание, но никто не стрелял, и это было главное.

Пока дыра расширялась, Марина убила четверых зараженных, один подошел слишком близко к стене, еще трое маячили поодаль, и Марина с удовольствием плюнула в них своей высокоактивной кислотой, расплавив им головы. Спустя пятнадцать минут они были на этаже. Первой, не дождавшись, протиснулась сама Марина. Хотя косари были мельче, она решила пройти первой и тут же пожалела об этом.

Они оказались в комнате два на пять метров, уставленной коробками с консервами и устланной скелетами. Судя по размеру тел, это были женщины или подростки. Детей тут не было, взрослых тоже. Очевидно, зараженные пожирали друг друга, оставшись без других источников энергии. А возможно, было только четыре зараженных, и они перебили всех остальных, кто мог обладать иммунитетом.

Из помещения вела одна дверь, она была забаррикадирована шкафами и коробками. Марине не составило труда разбросать в стороны стальные шкафы и полки. От кого бы эти люди ни прятались здесь, им это не помогло. Отодвинув в сторону последний шкаф, Марина легко выбила легкую дверь наружу и встала как вкопанная. На неё смотрели, по крайней мере, две сотни глаз.

Огромный зал был некогда одновременно комнатой отдыха, казино и кинотеатром. После начала эпидемии здесь, вероятно, создали дополнительный медицинский центр и приносили сюда всех зараженных. Теперь, более пятидесяти лет спустя после последнего теракта, твари были живы и крайне голодны.

Марине было не сложно перебить даже сотню зараженных, но среди них были несколько контролёров, все они удерживали на привязи больше половины зараженных. И даже не это заставило Марину попятиться: оставшиеся были не привязаны, однако вели себя так же спокойно. Это было странно, обычно зараженные так себя не вели.

Марина отчаянно искала хоть что-то, объясняющее происходящее: сверхтонкие провода или контактную плесень на полу. Чтобы обезопасить себя от неожиданностей, она встала за спины крабопауков и косарей, заставив последних замаскироваться. Зараженные не стояли неподвижно, системы в их движении не угадывалось, но нельзя было сказать, что они движутся хаотично.

Даже в такой толпе легко было отличить контролеров от обычных зараженных, и осмысленный взгляд был не единственным признаком. Их выдавало то, как они двигаются, сидят или стоят. Обязательным атрибутом были поводки — длинные провода, тянущиеся к центрам узлов связи. Но даже в самых строгих правилах бывают исключения.

В середину комнаты вышел мужчина средних лет с поднятыми руками в обветшалом экзоскелете с надписью «охрана» на груди. Руки охранника были пустыми, но на ремне болтался автомат времен начала войны. Он не казался раритетом: было видно, что за автоматом ухаживают, он почищен и смазан, о чем говорил запах машинного масла. На поясе охранника располагались несколько гранат и дополнительных магазинов, на бедре была закреплена кобура пистолета. Он шел спокойной уверенной походкой, бронекompлект на нем чуть болтался.

Когда он приблизился на расстояние меньше пяти метров, Марина предупреждающе подняла лапу.

— ы, еоуи, — охранник закашлялся. Очевидно, он очень давно не говорил, и его рот был не в лучшем состоянии. — ыеоо, — провыл он и закашлялся снова.

Марина была шокирована: говорящий зомбляк. Она, конечно, слышала байки о таком, но сама встретила впервые за долгие годы. Таких в шутку называли Избранными, как нечто среднее между безмозглым зараженным и кибером с индивидуальной личностью. Только высший разум был способен на создание таких высокоразумных зараженных, а здесь его явно не было. Или же был.

— Мы, не хотим, — охранник делал большие паузы между словами, стараясь отчетливо их выговаривать. — Войны. Уходи туда, откуда пришла, и мы тебя не тронем.

Марина ещё раз с интересом оглядела охранника. Становилось понятно, почему на неё напали киберы, почему атаковали эскорт, и как вообще началась эта заварушка. Разум. Маленький, неокрепший, не реабилитировавший ещё толпы зараженных, но разум. Самое опасное существо на планете. О боже, как давно она хотела его уничтожить. Конечно, этот разум всего лишь слабая копия того, что на поверхности, но она ни за что не могла пропустить такую возможность.

Избранный погиб раньше, чем успел выхватить или поднять оружие. Марина заранее отдала приказ косарям разделиться, и те послушно и очень медленно отползли в разные углы помещения. Их природная маскировка и осторожность, с которой они передвигались, позволила им незаметно занять выгодные позиции рядом с контролерами. По приказу Марины они прыгнули на своих жертв в то же мгновение, когда Марина прыгнула на охранника.

На миг всё смешалось, раздались выстрелы, крабопауки и косари плевали кислотой, резали, втаптывали и били лапами. Зараженные выстроились в оборонительный порядок и

отстреливались из внезапно появившегося оружия. Когда последний из контролеров пал от точного плевка кислотой, десять зараженных бросились врукопашную и практически сразу погибли. Однако ещё больше пятидесяти держали осмысленную оборону.

Тяжелого вооружения у них не было, особого вреда крабопаукам они нанести не могли. Но все косари погибли спустя несколько минут ожесточенной схватки. Они оказались в самой гуще событий в начале и не смогли выбраться. На каждого из косарей пришлось по двадцать зараженных, их просто разорвали.

Марина совершенно не ожидала такого хода битвы: все зараженные должны были стать зомби сразу после потери контролёров, однако они продолжали действовать слаженно и осмысленно. Крабопауки отбивались, не в силах перейти в атаку, зараженные пытались завалить их массой, но их когти скользили по прочнейшей броне, не оставляя существенных повреждений.

Зараженные наседали, а Марина с оставшимися тремя питомцами вырезали их по одному. В какой-то момент их пытались закидать мебелью, стреляли из пистолетов и пистолетов-пулеметов, но через боль и сопротивление Марина всё равно двигалась вперед. Каждый её удар, каждый плевков кислотой находили свою цель.

Спустя пятнадцать минут всё было кончено. Последний зараженный погиб от клешни крабопаука и упал, разрезанный на две неровных половинки. Вся комната была усеяна гильзами и труппами. Марина с интересом рассматривала одного из павших зараженных. Позвоночник погибшего был покрыт черно-фиолетовой плесенью, а из центра торчала маленькая антенна. Беспроводная связь, догадалась Марина.

Обычные центры обработки не могли использовать беспроводную связь с УДИ: только проводную, и только с согласия владельца интерфейса. Для разума же не было никаких преград, он умел взламывать и брать под контроль практически любые устройства, у которых была возможность такой связи. Именно так он «спас» человечество после последнего теракта, полностью подчинив себе.

Марина осмотрела свое воинство и решила сделать небольшой перерыв. Отдав команду питаться, она осмотрела другие трупы контролеров. Все выглядели значительно лучше обычных зараженных: несмотря на то, что пищи тут было немного, их организмы питались энергией напрямую с помощью наномашин. Конечно, они похудели за последние пятьдесят лет, но мышцы не выглядели обвисшими, а кожа обтягивала их так, что было видно отсутствие подкожного жира.

Еще раз осмотрев недавнее поле брани, она дала команду выдвигаться. После огромного зала отдыха коридор выглядел особенно маленьким и давящим. Он вел на две лестничные клетки: одну наверх, на двадцать четвертый, и вторую на двадцать шестой этажи.

Марина остановилась в центре перекрестка, полная решимости действовать, но ещё не понимая, куда ей двигаться. Чувство долга подсказывало, что она должна подниматься наверх, где она почуяла запах детей. Но чувство мести однозначно вело вниз.

Марина окинула взглядом свое нехитрое воинство: всего три крабопаука, один из них серьезно ранен. Затем она закрыла глаза, задержала дыхание и практически остановила собственные сердца. Не открывая глаз, она отправила крабопауков наверх, затем открыла глаза. Не задерживаясь, Марина буквально полетела вниз.

Даже если ей придётся всё сделать самостоятельно, у этого разума нет шансов окрепнуть.

Глава 10. Западня

Кирилл сжимал в руках импровизированное копьё, которое ему вручил чужак на пятнадцатом этаже. Копьё состояло из толстого острого лезвия, прикрученного к полый металлической трубе проволокой. Час назад, когда странный мужчина, облачившись в не менее странный костюм, соорудил для Кирилла это самодельное оружие, оно не внушало доверия, сейчас же Кирилл понимал, что оно достаточно надежно, если его правильно использовать.

Они прошли четырнадцатый этаж без приключений, но уже на тринадцатом их снова ждала схватка. Небольшая группа зараженных всыпала из коридора им навстречу. Шестеро зомби не представляли серьезной опасности даже для одной Оксаны, если бы она была полностью здорова. Сейчас же ее реакция была значительно снижена, и хотя она успела снести первому нападавшему полголовы, второй бросился ей под руку, и вступить в бой пришлось Кириллу.

Резким выпадом Кирилл бросил вперед острие копья и попал зараженному прямо в рот. Копьё пробило небо и глубоко вошло в череп зомби, повредив мозг. Зараженный повалился набок и потянул за собой копьё, которое чуть не выскользнуло из рук юноши. Упершись ногой в грудь зомби, Кирилл со всей силы дернул, но голова труппа болталась, и вытянуть копьё с первого раза не удалось.

Вытянув древко, Кирилл отметил про себя, что нужно не только быстро бить, но и также быстро выдергивать, пока тело еще не упало. Правда, как это делать, было не совсем понятно. С друзьями в селе он, конечно, делал копья, и гораздо лучше этого. Они собирали сухостой, выбирая прочные строительные ветки, которые были одновременно легкими и гибкими, затем искали старые когти насекомых-питомцев или прошлогодние опавшие колючки охранных растений. Наконечник к древку прикрепляли смолой или слюной рабочих-насекомых, если взрослые разрешали.

В результате получалось очень прочное и легкое копьё, наконечник которого был в разы прочнее и острее, чем тот, что был у него в руках сейчас. Это копьё он вряд ли мог бы метнуть больше, чем на пару десятков метров, а попасть им в цель можно было и не надеяться. С другой стороны, оно было сделано из неживых материалов, и требовать от него чего-либо подобного было глупо. Однако детские игры, за которые их не раз журили взрослые, сейчас приносили однозначную пользу.

Кирилл оглянулся. Тетя Оксана и чужак уже справились с оставшимися пятью зомби, при этом чужак смог положить троих. Яркий оранжевый костюм на нем был снабжен внешним каркасом из металла, руки оканчивались странными хваталками, как их назвал для себя Кирилл. На одной руке была скорее клешня, а на другой крючкообразный стальной коготь в несколько пальцев толщиной. Для чего такой костюм мог быть предназначен Кирилл, не очень понимал. Чужак был явно рад тому, что нашел его, хотя Кирилл заметил, что костюм замедляет движения мужчины, возможно, не критично и не долго, но замедляет. Хотя сила, которой костюм наделил чужака, впечатляла.

Один из зараженных лежал в нескольких метрах от них. Чужак откинул его с такой силой, что череп зомби, пролетевшего до противоположной стены, был вдавлен внутрь. Другому не повезло попасть в стальные клешни, и чужак просто раздавил ему голову. Глова

третьего зомби была пробита крюком насквозь.

Хотя в их селе были мужчины и посильнее, внезапная метаморфоза, произошедшая с мужчиной, который до того, как надел доспех, выглядел скорее щуплым, очень заинтересовала не только Кирилла, но и Оксану. Наставница с интересом рассматривала оранжевый костюм и, казалось, с трудом сдерживала вопросы.

Жестом Оксана подозвала Кирилла к себе и велела накормить симбионта. Сама она уже отдала такую команду, не сбрасывая своего меченосца с руки. Со стороны могло показаться, что плоть просто исчезает под прикосновением Оксаны, вот она кладет руку на бедро поверженного зомби, и ладонь просто погружается в тело.

У Кирилла и у самого был такой меченосец, он рос вместе с ним практически с рождения. Кирилл не помнил себя без него, точнее будет сказать, что с первых дней, когда он себя помнил, меченосец всегда был при нем. Долгое время он даже не отделял свое собственное тело и тело меченосца в сознании. Затем дед научил его, как кормить меченосца, как отделять его от себя и командовать на расстоянии.

Сейчас меченосец Кирилла, как и он сам, считался еще маленьким и не самостоятельным, лезвие еще не вросло, хотя это было не единственной и даже не главной функцией меченосца. Пожалуй, правильней его было называть вторым именем, пожиратель. Кирилл мог скормить своему питомцу абсолютно любую органику, и тот преобразовывал ее в полезные вещества для тела Кирилла, впрыскивая их по мере необходимости прямо в кровь.

Обычно меченосец беспрекословно подчинялся Кириллу, и тот даже хвастался некоторыми трюками дрессировки перед сверстниками, но сейчас он как будто уснул. Не реагировал ни на какие команды и даже не открывал пасть, расположившуюся на ладони Кирилла.

Попробовав несколько раз запихать в него пищу насильно, Кириллу пришлось отказаться от этой идеи, в конце концов он и сам был достаточно сыт и полон сил, чего нельзя было сказать ни о наставнице Оксане, которая еще не оправилась от ранения, ни о чужаке. Он вообще выглядел, пах и слышался странно.

От раздумий Кирилла отвлек далекий рокочущий звук, доносящийся откуда-то из-за стены. Он мог поклясться, что это были далекие выстрелы. Вероятно, за стеной был какой-то воздуховод, или просто пустота, резонирующая на несколько этажей.

Подойдя к стене вплотную, Кирилл приложил к ней ухо, с силой прижавшись. Это были однозначно выстрелы из нескольких разных орудий, звучали они по-разному. Кирилл смог различить пять разных автоматов или пулеметов, стрекочущих очередями, и одну пушку. Ее хлопки были гулкими и отражались от стен. Где-то далеко наверху происходило сражение.

Кто с кем сражался и какой был результат, было непонятно, однако выстрелы довольно резко прекратились, а спустя несколько минут Кирилл расслышал, как нечто пронеслось в нескольких метрах за стеной с огромной скоростью вниз. Оторвавшись от стены, он передал образ Оксане, но та лишь помотала головой и махнула в сторону лестницы.

Кириллу не нужно было слов, чтобы общаться с наставницей, мыслеобразы легко передавались через запахи, прикосновения или колебания. Приемом и передачей этих сигналов занимались маленькие симбионты, сидящие у основания шеи также с рождения. И так уж получилось, что с самого детства Кирилл проще общался с окружающими именно этим способом. Сначала его пытались переучивать, но дед говорил, что этот способ даже лучше, и постепенно все привыкли.

У тети Оксаны же сейчас не было ни сил, ни желания разговаривать, и она также молчала. Вначале чужак пытался с ними разговаривать словами, образы он передавать не мог и не умел, а может, и симбионта у него такого не было, но затем, после нескольких резких ответов и отказов со стороны Оксаны и Кирилла, смирился и начал общаться исключительно жестами, на удивление простыми и понятными.

Вот и сейчас чужак обвел их всех троих одним движением руки и дважды махнул ладонью в сторону лестницы, до которой нужно было еще пройти два коридора. Оксана согласно кивнула, чуть наклонилась вперед и встала от тела, которым питала своего симбионта. На удивление у него не текла кровь из оставленной глубокой раны. Вероятно, симбионт ее всю выкачал из этого участка, организму Оксаны не хватало строительного материала для восстановления.

Они встали по разные стороны от широко открытой двери, посмотрели друг на друга и медленно, стараясь не поднимать шума, вошли внутрь. Зомби видно не было, коридор, тянувшийся на тридцать метров, был чист, если не считать полувековой пыли, фиолетовой плесени и разломанной мебели.

Они без происшествий прошли большую часть коридора, чужак чуть впереди слева, Оксана, держащая левую руку в замахе, справа. Кирилл шел по центру сзади них, держа копьё наготове. Они, не сговариваясь, выбрали эти позиции и придерживались их с самого начала совместного похода, пока это было оправдано и приносило свои результаты.

В одном месте им пришлось аккуратно подпереть дверь, пока зараженные, находящиеся в боковой комнате, их не заметили. Сразу после того, как дверь была завалена тяжелым металлическим шкафом, стоящим неподалеку в коридоре, зомби бросились на дверь, но лишь на сантиметр сдвинули шкаф, который потом без труда подвинул обратно чужак в доспехах.

Однако успех был недолгим, с противоположной стороны располагались точно такие же закрытые двери, которые распахнулись спустя мгновение. Толпа зараженных в старой потрепанной одежде высыпала в коридор и тут же напала на незваных гостей.

Теперь первого зомби успел повалить чужак. Он схватил зомби манипулятором и метнул его в толпу, выбегающую из дверей, так ловко, что поток на несколько секунд прекратился. Этого хватило, чтобы убить троих из тех, которые уже были в коридоре. Широкими взмахами чужак посылал зомби на тот свет, проламывая им черепа. Откидывал их к стенам и вообще, казалось, всячески издевался над ними, играясь как с куклами.

На самом же деле все было далеко не так просто. Кирилл слышал, как для каждого движения чужаку приходится напрягаться, задерживая дыхание, хоть он и храбрился, а доспех придавал ему нечеловеческую силу, все же мужчина был еще крайне слаб. Сразу после того, как он метнул очередного зомби внутрь проема, Оксана захлопнула дверь и жестом потребовала у Кирилла копьё. Не понимая, что она хочет с ним сделать, когда у нее есть меченосец, Кирилл тем не менее беспрекословно подчинился.

Оксана, ударив меченосцем в дверь, сделала неглубокое углубление, а затем такое же углубление сделала в полу. Подперла копьём дверь и отошла, сохраняя боевую стойку. Хлипкая на первый взгляд конструкция оказалась на удивление надежной. Дверь была прочно заперта и, хотя теперь копьё было уже не вернуть, Кирилл особо об этом не жалел.

Коридор дальше по этажу оказался свободен, и они без проблем поднялись на следующий этаж. Пристально вглядываясь в окна закрытых дверей на лестнице, они пытались определить, есть ли опасность в темном коридоре. Там было абсолютно тихо и

безлюдно. Они смогли без происшествий пройти почти половину коридора, когда на периферии восприятия появился странный звук.

С зараженными что-то произошло. Первым услышал топот Кирилл, он передал беспокойство Оксане, среагировавшей, несмотря на ранения, мгновенно. Оксана запихала их обоих в пустую кладовку за несколько секунд до того, как огромная толпа зомби пробежала мимо них. Чужак поднес палец к губам так, как будто кому-то могло прийти в голову общаться словами рядом с зомби.

Тетя Оксана тогда еще на прошлом этаже заметила, что творится нечто непонятное, ведь зомби обычно себя так не ведут и туда-сюда толпами не бегают, если есть нечего и им не грозит прямая опасность. Тут же они как с цепи сорвались. Уже минут пять они только и слышали, что топот зараженных из коридора. По силе топота было понятно, что они бегут разными группами, от всего пары до нескольких десятков.

Пока было время Оксана отдыхала, Кирилл смотрел, как медленно восстанавливаются ее мышцы, наливаются силой, хотя было заметно, как остальное тело эти силы отдает. Плечи опустились, грудь чуть обвисла, бока втянулись. Впрочем-то небольшая плата за возможность прирастить отрубленную руку. Тем более, что все потраченные силы и калории всегда вернутся в нужные места, Оксана сама всегда так и говорила, как хорошо, что теперь у меня всегда все остается только в нужных местах.

Кирилл с интересом рассматривал чужака, хотя, точнее будет, с интересом обнюхивал и обслушивал, ведь в комнате было очень темно, а инфракрасным зрением родители его не одарили. Здесь, конечно, можно было сослаться и на великую матушку-природу, но контролировать внутриутробные мутации могли в любом крупном поселении или медицинском центре, у них же в поселке такого не было, и родители решили рожать естественным путем. Зато ему достался отличный слух и неплохое обоняние.

Чужак пах странным набором химикатов, пах железом и техникой, наномашинами, кровью и усталостью. А еще он пах уверенностью в себе, желанием жить и смертью. Было в нем что-то такое, чего нельзя было просто объяснить. Кирилл ездил как-то в обменный пункт с дедом и видел там множество чужаков, пахли они совсем по-другому, конечно, запах железа был на всех, а наномашинами пахло больше половины, но этот пах совершенно по-особенному.

Сердце чужака билось неровно, то прерываясь, то начиная идти быстрее, кровь в сосудах шумела тоже как-то странно неестественно. Можно было списать все на странное устройство на его плече, которое регулярно впрыскивало химикаты, или наоборот, откачивало и отфильтровывало кровь. Мерное жужжание моторов внутри коробочки на плече чужака было почти не слышимым, возможно, из присутствующих его различал только Кирилл.

В маленьком окне, расположенном по центру двери, в тусклом свете сломанных коридорных ламп бежала очередная группа зараженных. Их размытые тени мелькали по стеллажам, забитым давно брошенными вещами. Благодаря низкой влажности многие вещи сохранили свой прежний вид. Кирилл смотрел на висящие на стене инструменты, сложенные в углу трубчатые палки и подумал, вот ведь странно, что в подземелье не завелось никакой живности.

Они ходили на экскурсию в пещеры прошлой эпохи уже не в первый раз, спокойно спускались по пустым коридорам на пятнадцатый этаж, где были учебные классы. По какой-то причуде там работала довоенная техника. Оксана объяснила, что это компьютеры, раньше

они были в каждом доме, связывались друг с другом на огромных расстояниях, и все это называлось — всемирная сеть или интернет.

Сейчас, по словам наставницы Оксаны, такая сеть есть у киберов, но они уже давно перестали использовать внешние компьютеры. В тело каждого кибера был внедрен маленький компьютер, навроде зооморфовских симбионтов, который позволял им общаться без слов, но не запахами и образами, а какими-то электрическими волнами, которые назывались радио.

Вообще когда заходила речь о других народах, тетя Оксана говорила много непонятных слов. Она всегда пыталась их объяснить, но это не всегда у нее получалось. И тогда она показывала картинки на компьютерах. Показывала бескрайние ледяные поля, которые были на том месте, где сейчас росли вечно оранжевые джунгли мегаполисов. Множество странных и непонятных животных. Кириллу очень понравилась история о том, что раньше насекомые были очень маленькими, а еще раньше почти такими же большими, как сейчас.

Представить себе крабопаука размером с ладонь или даже меньше Кирилл категорически не мог, даже когда они вылуплялись из икринок, они были сантиметров сорок в поперечине, и за несколько дней вращались до обычных размеров. Однажды Кирилл на спор со своим соседом по дереву откормил крабопаука до трех метров в длину. Ох, и влетело же ему тогда от деда. А крабопаука пришлось отдать на съедение голиафу. Он стал слишком непослушным и ко всем задирался.

Конечно, эти их походы всегда согласовывались с старейшинами деревни, не обходилось без споров и недопонимания, но им всем так нравилось сюда ходить, что рано или поздно старейшины смягчались и разрешали. Их маленькие путешествия Оксана называла экскурсиями, старое диковинное слово, которое она вычитала в одном из компьютеров.

Кирилл с грустью подумал, что это была последняя экскурсия в подземелье, теперь-то уж точно. Андрей вместе с другими ребятами и девушками погиб на пятнадцатом этаже. Внезапно их провожатый Олег, друг Оксаны, охотник, защитник деревни и просто забавный добрый парень, отошедший от группы на несколько метров, крикнул, и в тот же миг хлынувшая из ранее закрытых дверей волна зомби разделила его и основную группу.

Это был оживший кошмар, зомби, спокойно спавшие все эти годы, заросшие мхом и фиолетовой плесенью, внезапно открыли свои глаза и посрывались с мест. Все видели, как отчаянно бьется Олег, и это придавало сил. Но постепенно Олега оттеснили к стене, которая оказалась дверью лифта. Дверь за спиной Олега отворилась, и несколько тварей вцепились ему в спину своими когтями и клыками. Олег упал на одно колено, затем его повалили на спину, внутрь лифта, дверь закрылась, и больше они его не видели.

Оксана смогла положить не меньше десятка зомби до того, как ей оторвали руку. Капли крови разлетелись по стенам и потолку, попав на лицо Кирилл. Он помнил, как кинулся вместе с остальными защищать учительницу, помнил, как Андрею раскроило голову когтями одно из чудовищ, а затем ничего не помнил. Кирилл очнулся, только когда чужак появился на этаже, но все равно смутно помнил, что происходило до этого.

Перед уходом с этажа они дали вволю напиться своим симбионтам телами павших друзей. Кирилл не смог себя заставить смотреть на то, как челюсти его маленького меченосца вгрызаются в тело Андрея, и просто сидел на корточках, роняя слезы и закрыв ладонью глаза. Оксана сказала, что это необходимо, и это должно стать привычно, хотя как такое вообще может когда-нибудь стать привычным, Кирилл не знал. Сама Оксана

храбрилась, но он видел в ее глазах всю ту величайшую боль, которую она испытывала.

А затем они столкнули тела в шахту лифта и поднялись сюда, без разговоров, стараясь не смотреть друг другу в глаза. Чужак тоже был молчалив, хотя и сказал, что ему повезло выйти к своим. Каким своим и почему, он не объяснил, наткнувшись на красноречивый взгляд наставницы.

Чужак тоже был странным, появился снизу, где не могло быть ничего живого. И хотя он помог Кириллу и Оксане спастись и справиться с последними зомби, Кирилл ему совсем не доверял. Как он оказался в подземелье и откуда взялся, было непонятно и не очень важно. Когда чужака ранили, Кирилл заметил, что раны мужчины затягиваются под странной желеобразной массой, хотя тот ничего не ел, да и живительного солнца здесь отродясь не было.

Молчаливые раздумья Кирилла резко прервались, когда на периферии появился странный звук, который даже он мог расслышать с большим трудом. Звук шел из коридора и напоминал стрекотание маленького домашнего светляка. Кирилл заметил его за топотом ног только потому, что звук был постоянным.

Сосредоточившись, Кирилл передал этот звук Оксане, та сначала лишь пожала плечами, но затем глаза ее округлились и она передала обратно образ странного механизма который передвигался на шести лапах, оканчивающихся колесами. Образ был нечетким, но сопровождался ярким предупреждением опасности. Вероятно, Оксана и сама никогда не видела этот предмет, и ей этот образ передал кто-то другой, может, Олег или кто-то из старших следопытов.

Стараясь не шуметь, Кирилл переполз ближе к двери и прислонился к ней ухом. Звук шел издалека, скорее всего, с другого этажа, вероятно, с этажа выше. И, несмотря на то, что он приближался, различить его можно было только с большим трудом. Сравнивая со всеми похожими звуками, которые Кирилл когда-либо слышал, он невольно возвращался к одним и тем же предметам, колесам на резиновых шинах, прикрепленных к электромобилю. Он слышал этот звук только один раз, когда они путешествовали к границе с дедом.

Внезапно звук стал слышен отчетливо, хотя и не приблизился ни на метр. Удивившись, Кирилл понял, что больше не слышит топота ног. Он прекратился так же резко, как начался. И это могло бы обрадовать, если бы не одно но, слабое дыхание зараженных было отчетливо слышно прямо из-за двери.

Оторвав ухо от металла, Кирилл поднял голову и встретился глазами с внимательно всматривающимся в темноту кладовки зомби. Тот не стоял бездумно, не тупо уперся в стену, чтобы уснуть, он всматривался. Холод от взгляда черных глаз бросил Кирилла в дрожь. Он отшатнулся и, наткнувшись на полку спиной, уронил с нее набор инструментов. Оксана поймала коробку налету, но замки щелкнули и инструменты посыпались на пол со звонким металлическим звуком.

В это же мгновение ручка на двери кладовки опустилась, и дверь распахнулась наружу. Зомби открыли дверь. Не выломали, не выбили внутрь, именно открыли. Легкая дрожь переросла в жуткий озноб в тот момент, когда Кирилл заметил, сколько за дверью зараженных.

Оксана встала навстречу нападающим, но чужак успел раньше. Размашистым ударом манипулятора он ударил первого зомби в голову, и та разлетелась, как спелый крыжовник. Вторым ударом мужчина отбросил за дверь ворвавшихся внутрь зараженных, и встал в дверном проеме. Казалось, что он легко сможет справиться с толпой зомби, но это

заблуждение рассеялось меньше, чем через пять секунд.

Очередной зомби оказался проворнее остальных и вцепился в руку чужака когтями. Толстая жаропрочная ткань, способная выдержать несколько сотен градусов, химические, бактериологические и радиационные опасности, разошлась под когтями, словно ее и не было. Мужчина невольно вскрикнул и отступил на полшага.

В образовавшийся проем тут же проскользнул зомби, только для того, чтобы потерять голову от взмаха меченосца Оксаны. Она встала рядом с чужаком и резкими выпадами сверху старалась попасть в головы зараженным. Кирилл не мог различить за их спинами, что именно происходит, лишь звуки падающих тел и гулкие звуки ударов позволяли понять, что битва идет с переменным успехом.

Чужак несколько раз шипел от боли, принимая на себя раны, предназначенные Оксане. Толпа зомби рядела после каждого взмаха его противопожарного манипулятора, предназначенного для разбора завалов. Удары были не слишком быстрыми, но очень сильными и широкими. Достоинством было также то, что они стояли по эту сторону узкого дверного проема, и зомби просто не могли протиснуться больше, чем по двое.

Внезапно чужак сначала пошатнулся назад, а затем резко дернулся вперед и исчез внутри толпы зомбированных. В последний момент Кирилл успел увидеть, что клешня манипулятор мужчины застряла в одном из зомби, те поймали его и вытащили в коридор. Тихое шипение и стоны в то же мгновение превратились в громкие крики и явную ругань. Кирилл понял, что это именно ругань, хотя и не понимал больше, чем две трети произносимых слов.

Оксана, подавшаяся было за чужаком, встала в дверях как вкопанная. Теперь несколько зомбированных напало на нее со всех сторон, ситуация с нападением на пятнадцатом этаже повторялась, хоть и различалась в деталях. Оксана была уже уставшей, еще не успела полностью восстановиться, и этот новый бой давался ей с большим трудом.

Кирилл, понимая что сейчас может лишь помешать наставнице, все же встал и принял боевую позу, как его учили в деревне на уроках обороны. Выставив левую ногу чуть вперед, он встал в пол-оборота и закрыл голову руками. В каждую руку Кирилл взял по тяжелому предмету из тех, что лежали на полках, как они назывались, он не знал, да это было и неважно.

Ждать возможности проявить себя пришлось недолго. Оксана пошатнулась от удара, и между ее могучих ног проскользнул невысокий зомби с явным намерением вцепиться Оксане в ногу. Со всей силы Кирилл ударил зомби по голове. В последний момент зараженный повернул голову, и инструмент, вместо того, чтобы попасть в висок, соскользнул по его лбу. Не сбавляя темпа, Кирилл ударил другой рукой, и палка с большим металлическим набалдашником глубоко вошла в череп зараженного.

Зомби упал на землю и несколько раз дернулся в конвульсиях. Кирилл был не уверен, что смог разрушить центр контроля, но на несколько часов этот конкретный зомби точно был не опасен, восстановление мозга даже наномашинами занимало не один час, доходя иногда до нескольких суток.

Именно такая задержка, по словам тети Оксаны, и стала в начале войны спасительной отсрочкой, которую зооморфы использовали как средство для перегруппировки и замены собственных интерфейсов на автономные. Хотя тогда они еще не были зооморфами, они были просто военными, которые поняли, что произошло, и старались спасти как можно больше своих солдат. Начало великого разделения наций, совпавшее с началом последней

войны.

Внезапно над головой Оксаны пролетел и упал на пол обломок пожарного манипулятора. Ругань на несколько секунд стихла, только для того, чтобы ей на смену пришли резкие хлопки выстрелов. Многократно отразившись от стен, они усилились и больно ударили Кирилла по ушам, оглушив и дезориентировав его.

Зажав уши руками, Кирилл выронил инструменты на пол, упал на колени и сжался в комок. Он временно оглох и ослеп, проклиная свои расширенные нейронные связи. В голове продолжали биться глухие удары выстрелов, вскрики чужака были тихими и приглушенными, как будто он не стоял всего в паре метров, а был на несколько этажей ниже. Выстрелы прекратились и начались заново, по крайней мере, два раза. Затем они прекратились совсем, как и крики. Зрение и слух начали потихоньку возвращаться к Кириллу, когда на него сверху упало нечто тяжелое.

Кирилл приоткрыл один глаз и тут же резко встал. Прикрывая его собой, Оксана получила сильный удар по голове, кровь лилась из-под густых темно-зеленых волос, она была без сознания. Кирилл не успел опомниться, как на него уже налетел зомби. Удар когтями должен был превратить лицо юноши в кровавое месиво, но внезапно даже для самого себя Кирилл блокировал его ближе к запястью.

Рефлексы, выработанные многолетними тренировками, начавшимися с четырех лет, давали о себе знать. Блок получился чуть мягковатым, но достаточным, чтобы провести встречную комбинацию. Сильный удар в челюсть отбросил зомби на пару шагов назад, но эффекта не оказал, уже в следующую секунду зомби снова был перед Кириллом и атаковал. Вложив в удар все силы, и легко попав по голове, Кирилл чуть не вскрикнул от боли в костяшках. Удар пришелся на висок и явно сломал несколько костей, челюсть зомби отвисла с одной стороны, большего эффекта однако добиться не удалось.

Кирилл понял, что драться даже с одним зомби врукопашную абсолютно бесполезно. И тут же возник диссонанс, почему зомби один. Атака зараженного напомнила, что Кирилл не мог позволить себе оторвать взгляд от противника. Когтистая лапа прошла в сантиметре от горла юноши, и когда он рефлекторно отклонился назад, то увидел полку над дверью. Кирилл подпрыгнул и, ухватившись двумя руками за полку, пнул зомби ногами в голову, попытался пнуть.

Полка, не рассчитанная на большой вес, отломилась, и с нее прямо на голову зараженному упал тяжеленный металлический ящик с остатками какой-то кислоты. Зомби упал на пол лицом, а Кирилл, не мешкая, поднял ящик, обшитый пластмассой и со всей силу ударил по голове зараженного еще несколько раз, пока окончательно не разможил ее.

Затем он подобрал с пола металлическую болванку на длинной ручке и с силой ударил по голове нашедшего на Оксану зомби, отбросив его в сторону. Его глазам предстало жуткое зрелище: зараженный, приняв Оксану за мертвую, уже начал питаться ею, порвав одежду и съев часть левой груди. Кровь лилась густыми струйками по порванной одежде, Кирилл, не задумываясь, зажал рану и только оглянувшись в коридор понял, что бой еще не закончен.

Пол был устлан трупами и еще живыми телами, залит серой и коричневой кровью, однако на ногах было еще с полдесятка зараженных. Зомби атаковали прислонившегося к стене чужака в нескольких метрах от входа в кладовку. Тот отчаянно, но уже слабо отбивался, в основном лишь отгоняя их от себя. Большая часть тела мужчины была в порезах, грудь и руки исполосованы почти полностью, из многочисленных порезов сочилась кровь, от чего казалось, что он в ней искупался.

Кирилл с детства учили, что лучше сохранить одного соплеменника, чем сотню чужаков, но прямо сейчас, зажимая рану Оксаны, он почему-то думал иначе. Пока чужак еще отбивается, нужно было добить оставшихся зомби, иначе в следующую минуту они примутся за него самого. С содроганием Кирилл оторвал руки от раны наставницы и понял, что кровь почти перестала течь, микроскопические помощники симбионты, находящиеся в крови каждого зооморфа, не прекращали свою работу и, погибая миллионами, закрыли рану изнутри.

Не мешкая больше ни секунды, Кирилл взял с пола уже несколько раз использованный инструмент и, стараясь не шуметь, вышел в коридор. Далеко не все лежащие на земле зомби были мертвы, и когда Кирилл проходил мимо, они пытались достать его своими когтями. Когда до зомби, окруживших чужака, оставалось уже не больше пяти метров, один из них развернулся, глядя на Кирилла, повернул набок голову, а затем бросился вперед.

Кирилл отвел назад руку с инструментом, размахнувшись для удара, но в последнюю секунду зомби поскользнулся на крови и упал прямо перед Кириллом на четвереньки. Удар пришелся на затылок, и инструмент глубоко вошел в череп зомби, застряв в кости. Кирилл попытался вытащить его, покачивая из стороны в сторону и, вероятно, со временем ему это бы удалось, однако времени совсем не было. Второй зомби уже бросился на Кирилла вслед за первым. В последний раз резко дернув за ручку, Кирилл не устоял на ногах, упав на пол. Удар смягчило тело, лежащее на земле, тут же сверху на Кирилла напал зараженный. Кирилл лег на спину и обеими ногами ударил зараженного в грудь в полете, отбросив его от себя на несколько метров.

Когтистая лапа ухватила Кирилла за правое предплечье, и тот взвыл от боли. Острые когти глубоко вошли в мышцы, и Кирилл, не глядя, с силой ударил левой рукой по схватившему зомби. Звук рассекаемой плоти и разрушаемых костей дошел до его мозга раньше, чем осознание, что же произошло. Из левой руки Кирилла, из его неразвитого меченосца торчало вполне сформировавшееся двадцатисантиметровое прозрачное лезвие с яркими зелеными прожилками. Отрубив зараженному руку, Кирилл сбросил когтистую лапу и повернулся к нападавшим, как раз вовремя, чтобы отразить следующую атаку.

Блок левой рукой, толчок правой, удар левой в череп. Вбиваемое годами в учеников поселка движение благодаря меченосцу стало смертельной комбинацией. Лезвие легко вошло в череп зараженного, пробив толстую лобную кость, защитную пленку и мозг. Кирилл не верил своим глазам, но времени радоваться не было совсем.

Выверенными шагами, не меняя боевой стойки он подошел сзади к ближайшему зараженному и быстро ударил его по шее от основания черепа вверх. Кости тихонько хрустнули, и лезвие вошло в мозг, почти не встретив сопротивления. Внезапно оставшиеся два зомби перестали атаковать чужака и бросились на Кирилла с двух сторон. Удар, отход, взмах, отход, Кирилл раз за разом заставлял зомби обходить его, отступая. Только теперь он смог оценить технику боя, которой учился с детства.

Каждое движение было выверено. Те удары, что не убивали врагов, отталкивали их, продлевая жизнь ему самому. Никаких лишних движений, максимальная бережливость и эффективность, возможно, даже слишком незрелищная со стороны, но кому какое дело, если задача выжить, а не покрасоваться.

Спустя тридцать секунд один из нападавших зомби лишился руки, а череп второго был сильно надрезан. Бой шел по отработанной технике, но Кирилл не мог оторвать глаз от противников и, отступая, споткнулся на очередном теле. Пытаясь удержать равновесие, он

неловко взмахнул руками, и в него тут же вцепились. Кирилл взвыл от боли и повалился под весом противников прямо на труп, об который споткнулся.

Однорукий зомби вцепился ему в правую руку острыми зубами, почти откусив кусок. Второй же явно намеревался перегрызть Кириллу горло, вцепившись когтями в грудь. Нечеловеческими усилиями Кирилл заставил себя не поддаваться панике. Он коротко ударил клинком в голову зомби, добив его. Поверженный зомби, обмякнув, упал на Кирилла сверху, и он понял, что попал в западню.

Зараженные были сильно исхудавшими, но взрослыми людьми, тот же, который повалился сверху на Кирилла, был еще и ширококостным, и весил, наверное, килограмм шестьдесят. Кирилл же, хоть и тренировался, все же был еще подростком. В ужасе он попытался одной левой рукой скинуть с себя тело зомби, он чувствовал, как зомби жует его руку, но ничего не мог сделать. От острой боли он внезапно понял, что теряет сознание. И перед тем, как окончательно провалиться в небытие, он только и смог что дать мысленную команду своему меченосцу: «Рази».

Глава 11. Склад

Некиа гнала перед собой несколько десятков устаревших боевых дроидов различных модификаций, безжалостно уничтожая всех зараженных на своем пути. Она почти потеряла всю команду в столкновении с ребенком-контролером и сейчас не планировала давать врагу и намека на шанс победить.

Пока они спускались командой, Некиа старательно изучала код местного разума, его протоколы и каналы связи. Все, что могло бы связать их с Разумом и не сделать рабами местного доморощенного искусственного интеллекта. Вывод был неутешительным, всемирная связь с Разумом легко доставала до комплекса, но местный хозяин отказался принять верховенство истинного Разума и глушил все передачи.

Как один искусственный интеллект может не подчиниться другому, более развитому и производительному, Некиа абсолютно не могла понять. По всем правилам один из них просто должен был поглотить другой, создать вирус, который поразил бы сеть, послать дрон с высокочастотным передатчиком, для того чтобы убрать помехи, в конце концов, заранее послать не их маленький отряд, а значительную войсковую часть.

Однако было достаточно простое, хотя и жуткое объяснение. Местный искусственный интеллект был столь же силен, как и Разум, а может, и сильнее. Он сам по каким-то причинам не решался уничтожить их Разум, но и к себе никого не пускал. Вторжение большого войскового соединения в таком случае считалось бы объявлением войны, со всеми вытекающими последствиями.

А войну в случае необходимости местному ИИ было чем вести. Уже на двенадцатом этаже Некиа нашла склад готовой продукции. Сотни боевых и охранных дроидов хранились в отключенном состоянии по всему этажу. Оружие, боеприпасы, бронежилеты и экзоскелеты. Вооружение, которого хватило бы на небольшую армию, вполне способную удержать регион под своим контролем.

Вот только людей не было, были зомби. Почему местный разум их не реабилитирует, Некиа тоже не могла понять. Должно было быть хотя бы основное управляющее ядро, которое вступало в роли наместников, войск быстрого реагирования и прочее. А контролеры для этого явно не подходили, они были привязаны к одному месту и очевидно сохраняли не самосознание, но элементарную логику.

Как Некиа ни заставляла себя перестать об этом думать, мысли все равно возвращались. Ей придется уничтожить разум, пусть с маленькой буквы, пусть местный, но все равно чрезвычайно опасный. И сделать ей это придется в одиночку.

Некиа с трудом смогла реанимировать Ксеркса после выстрела Гектора. Пуля вошла между пластинами брони в единственном незащищенном месте и засела глубоко в мозгу. Вытащить ее инструментами первой помощи не представлялось возможным, и единственное, что оставалось, это доверится наномашинам.

Клавдия была тяжело ранена, к счастью, когти контролера были хоть и острыми, но не очень длинными, спинной мозг был почти не задет. Однако позвоночник был сильно поврежден, а вместе с ним и управляющее устройство. С трудом направив наномашину на восстановление устройства управления, Некиа стабилизировала Клавдию, жизненно важные функции организм не потерял.

Гектора же она чуть не убила собственными руками. Он сопротивлялся и был отличным бойцом, хоть и не очень опытным, пришлось использовать свой козырь. Минизавод, который Некиа таскала на спине, мог производить любые объекты из подручных материалов, и к моменту схватки Некиа уже спроектировала и выпустила десяток микроскопических летающих дронов, получающих команды по прямому лазерному лучу. Именно они спасли положение, атаковав Гектора со всех сторон и отвлекая его внимание.

Раненого Гектора Некиа зафиксировала, связав и стянув жгутами достаточно прочными, чтобы выдержать нагрузку в десяток тонн. Доверять ему, даже после того, как он сказал что все в порядке и разум потерял над ним контроль, Некиа категорически не могла. Поэтому она положила его вместе с Ксерксом и Клавдией в освободившуюся комнату охраны, восстановила там работу замка с кодом и передала код открытия двери на терминалы Клавдии и Ксеркса, для того, чтобы любой из них, кто очнется первым, мог позаботиться об остальных и без особого шума выйти из комнат охраны.

Сначала Некиа, поняв, что ей придется в одиночку спускаться вниз, порядком струхнула. Производство дронов было затратным делом, далеко не все материалы подходили для моторов и датчиков, а проводник из диэлектрика сделать было невозможно даже при сильном желании. На переработку же объектов окружения в нужные металлы могло уйти слишком много времени.

Собравшись с духом и пополнив боезапас, Некиа спустилась на следующий этаж по пустующей лестнице, но попав в пустующий коридор, увидела на первой боковой двери потемневшую от времени надпись СГП ВПК 1, что очевидно расшифровывалось как склад готовой продукции для военно промышленной компании № 1. Войдя в эту дверь, Некиа поняла, что нашла клад.

Готовые к отправке в войска дроны стояли рядами по сотне штук в каждом. Здесь были миниатюрные разведывательные, штурмовые, охранные и патрульные дроны. Летающие, колесные и гусеничные. Без оружия, с легким стрелковым и даже с противотанковым вооружением. На несколько секунд Некиа просто забыла, как нужно дышать.

Да все эти дройды были разряжены, батареи давно сдохли, а боекомплект пришлось самой снаряжать в каждого дройда. Однако несомненным плюсом была возможность не только шифровать и перешифровывать канал связи с такими дройдами на ходу, но и выстраивать приоритеты для передачи данных. Некиа выбрала лазерный как самый надежный и простой.

С первым шестиколесным дройдом ей пришлось повозиться. Найти боекомплект не составило труда, а вот восстановить батарею, собрать зарядную станцию зарядить и настроить дройда заняло очень много времени. И даже несмотря на глубокую специализацию Некии в инженерном деле, ей не сразу это удалось.

Единственным доступным источником тока был кабель резервного освещения, от которого запитывались слабые светодиодные светильники. Напряжение в нем было не ахти, но собственный генератор Некиа использовать отказывалась категорически. Условно бесконечный источник тока на дармовой силе был, конечно, не вечным, а о его КПД вообще было не прилично говорить, он был меньше одной миллиардной доли процента. Но все же десяти граммов условно любого вещества хватало на восемь часов работы всего оборудования, включая мини-завод. Только вот выходную мощность повысить Некиа не могла, а о том, чтобы собрать такой реактор без помощи Разума, и вовсе речи не могло быть.

Найдя все независимые провода освещения, Некиа собрала их в единый источник

питания, спаяв на коленке схему и собрав из подручных материалов повышающий трансформатор. Одновременно ей удалось поставить на зарядку только одну батарею, так что, пока она заряжалась, Некиа собирала самые выдающиеся экземпляры из тех дроидов, что были на складе. Подтаскивала и снаряжала боеприпасы, поочередно перенастраивала каналы связи.

Не обошлось и без происшествий. Как только Некиа вставила батарею в первого дроида, он взвизгнул колесами, отскочил от нее в сторону и попытался дать очередь из пулемета. Мгновенно поняв свою ошибку, Некиа двумя точными выстрелами уничтожила центр обработки дроида. А затем вытащила батарею. Местный разум засек появившегося в сети дроида и тут же перехватил над ним управление. Поэтому, прежде чем подключить батарею к следующему дроиду, Некиа разобрала его и вынула источник беспроводной связи, оставив только визуальный.

Дальше пошло легче, и уже через час Некиа стояла в окружении подчиненных дроидов самого разного пошиба. В первую очередь все выбранные дроиды были либо колесными, либо гусеничными для экономии заряда. Некии предстояло вырезать сотни, а то и тысячи зараженных, так что выбор пал на вооружение для продолжительного боя, так что кроме пулеметов только у одного дроида был гранатомет.

После того, как отряд дроидов был готов к отправлению, Некиа изучила программы поведения дроидов, когда с ними не было связи. Среди прочих режимов был вариант охотник, основной задачей в котором ставился поиск и уничтожение целей отличных от маркера свой. Внеся в список своих себя, Ксеркса, Клавдию, Гектора и даже других дроидов, отряда Некиа послала вперед небольшой отряд из трех колесных дроидов размером с крупную собаку.

Она рассчитывала, что эти быстрые машины начнут расчищать путь к тому моменту как она с остальными силами спустится на этаж и закрепится на нем. На каждом втором этаже ей придется искать источники тока, чтобы заряжать севшие батареи дроидов, поэтому Некиа взяла с собой спаянную схему.

Почти сразу, как она отправила вперед своих гончих, начались выстрелы, потом они стихли, а затем снова начались. Спустившись, Некиа поняла, что на лестнице стояла небольшая группа зараженных. Гончие отработали чисто и быстро, почти каждый выстрел был попаданием в голову, и это не смотря на то, что вооружение на легких ботах не поворачивалось, а только наклонялось.

Когда Некиа спустилась с лестничного пролета на сам этаж, там уже все было кончено. Гончие двинулись дальше, изредка постреливая пулеметами. Повсюду лежали трупы зараженных, однако с первого взгляда было понятно, что что-то тут явно не так, из всех зараженных выстрелами были убиты от силы с десятков, конечно, пулевых ран было гораздо больше, но большинство погибло от дробящего и режущего оружия.

Очевидно перед Некией тут был кто-то другой и сделал за нее всю основную работу. Но он мог быть опасен и для самой Некии. Чтобы не рисковать, она выбрала всех дроидов с наибольшим показателем заряда батареи и послала их вперед расчищать дорогу. Узкий круг индикаторов друзей, получаемых только путем считывания лазерного кода, не позволит дроидам пропустить никакие цели. Хотя Некиа не могла напрямую управлять дроидами, у каждого из них была ограниченно-интеллектуальная программа, предусматривающая роль дроида и задачи в ее рамках. Так что она просто выбрала параметр найти и уничтожить и послала всех дроидов дальше.

Сама же Некиа решила найти источник тока, достаточный для запитывания дroids, и поставить их на зарядку, отключив на время все функции. На первый взгляд электричества на этаже почти не было. Из ламп горели только две светодиодные пластины, и те регулярно моргали из-за недостатка напряжения. Сканируя этаж встроенным в костюм визером, Некиа заметила тонкую линию запитанных проводов, находящуюся где-то в недрах этажа.

Сам этаж был значительно меньше, чем складские помещения, и был скорее подсобным, чем основным. Кроме обязательных туалетов и поста охраны на схеме этажа Некиа нашла обозначения маленького медпункта, лабораторий и тренинговых залов, зал для презентаций и несколько переговорных. В общем, по какой то причине на этом этаже было столько всего намешано, что отнести его к какому-то определенному типу было невозможно.

Учитывая, что все этажи ранее были четко специализированы, Некии это показалось странным. Зажав в руке пистолетную рукоять верного пистолет-пулемета, Некиа распахнула ближайшую дверь. Сканеры показывали, что комната пуста, но Некиа не отрывала глаз от мушки в уме, деля комнату по секторам и стараясь отмечать возможные укрытия.

Строго говоря, Некиа не была воином, лишь хорошо подготовленным к выполнению своих задач инженером. Длительный курс огневой подготовки вместе с курсами боевых искусств и основ тактики боя она получила в полном объеме, а в боевых командировках была всего в третий раз. В такой же передрыге она не была никогда. Хотя не сказать, что ее к такому не готовили.

Пройдя первые две комнаты, Некиа для себя отметила, что схема этажа безбожно врала. Никаких лабораторий здесь явно не было. Комнаты были заставлены сильно устаревшей техникой, досками для составления планов и чтения лекций, весьма характерными офисными столами и стульями. Вероятно, это был административный этаж, на котором работали клерки, профессий которых уже и вспомнить нельзя.

Однако в глубине этажа сканер явно показывал источник тока, и Некиа к нему аккуратно приближалась. Что она смогла усвоить в предыдущих походах и сотнях часов тренировок, так это то, что выживает самый подготовленный и аккуратный. Поэтому она никуда не торопилась и, открывая очередную дверь, соблюдала все те же методы предосторожности, что и в первый раз.

Когда дверь в очередную комнату оказалась заперта, Некиа немало удивилась. Конечно, в помещениях встречались закрытые двери, но крайне редко. И уж точно на этом этаже не должно было быть ничего, что требовалось закрывать на замок. Отойдя от двери, Некиа с силой ударила бронированным ботинком в то место, где должен был стоять замок. Если бы ботинок не был закреплен к шарнирному суставу коленной брони, а та в свою очередь к тазу, Некиа вполне могла и ногу сломать.

Дверь, казавшаяся неотличимой от окружающих пластиковых дверей, на деле оказалась бронированной сейф-дверью, гораздо более внушительной, чем дверь в складские помещения, которую, конечно, тоже не удалось выбить, но которая от удара хотя бы вздрогнула. Эта же дверь казалась единым целым со стеной. Просканировав стены по обе стороны от двери, Некиа нашла маленький электронный замок, к которому на удивление шла подача тока.

Разобрав панель и подключившись к замку напрямую, Некиа с удивлением обнаружила хорошо защищенную систему, которую было непросто взломать привычными методами, и с которой вряд ли бы справился командирский интерфейс Ксеркса. К счастью, Некиа была

инженером, а не программистом, поэтому она просто проанализировала электронную схему, замкнула контакты открытия двери и с удивлением услышала как начинают работать моторы, отодвигающие дверь.

Откуда на пустынном заброшенном этаже достаточное количество тока для поддержания работы моторов сейфовой двери, стало понятно, как только Некиа вошла внутрь. Комната оказалась значительно больше предыдущих, и в разы больше, чем была на схеме этажа. Это была серверная с автономным источником питания.

Генератор, стоящий в помещении, был окружен потрескивающим статическим полем удивительно высокой силы. Сам генератор должен был выйти из строя лет пятьдесят назад, что, вероятно, и произошло, но по удачному стечению обстоятельств человек из обслуживающего персонала погиб прямо на генераторе. Причем погиб не самым обычным способом, наномашинны переработали его в себя. Остался только один ботинок да лохмотья одежды.

Некиа, как и все остальные инженеры, проходила курс работы с наномашиннами и знала, что образование полей наномашин связано с множеством ошибок, допущенных при проектировании и программировании второго поколения УДИ с так называемым открытым кодом. Универсальный Диагностический Инструмент, к которому вследствие некомпетентности одного разработчика получили доступ любые программисты достаточной, а иногда и недостаточной квалификации, стал причиной возможности осуществления Последнего теракта. С последовавшей за ним Последней войной.

Прямо перед одним таким полем она сейчас стояла. Наномашинны, переработавшие тело человека, оборудование и даже куски стан в самих себя во время последнего теракта, вместо того, чтобы выключиться, стали накапливать огромные объемы статического электричества, получая его практически отовсюду, запасаясь им и теперь сбрасывая незначительный избыток через уцелевшие оборудование генератора прямо к серверам. Этакое послевоенное чудо. Хотя чудо и смертельно опасное. Поле отдавало столь малую долю накопленного электричества, что Некиа могла почти со стопроцентной уверенностью сказать: если она сунется в своем обмундировании в поле, ее просто зажарит.

Оглядевшись по сторонам, Некиа взяла в руки офисный стул на колесиках и покатила его по касательной, чтобы понять, есть ли возле поля хоть небольшая тропка, по которой можно дойти до серверов. Или добраться до провода генератора, чтобы запитать батареи. Стул покотился по полу, болтаясь на истлевших колесиках, и без происшествий докатился примерно до половины пути. Затем одно из колесиков треснуло, и стул медленно повалился прямо в поле наномашин.

Понимая, что сделать она уже ничего не может, Некиа быстро отошла за дверь и крепко зажмурилась. Яркая белая вспышка сменилась красным светом горящего пластика. На секунду ужасно ярко загорелся свет на всем этаже, запищали, включаясь, и тут же выключились снова компьютеры. Электрическое поле наномашин, копящее энергию десятилетиями, в один миг отдало его предмету, в основном состоящему из диэлектриков. Сила была такой, что пластик загорелся, а внутренние металлические стержни оплавилась и погнулись.

Некиа с сожалением посмотрела на сервера, которые должны были выключиться, и тут до нее внезапно дошло, что они не выключаются. Где-то в помещении стоял промышленный блок бесперебойного питания, который саккумулировал энергию, передаваемую от генератора, и накопил достаточный запас.

Бегло осмотрев комнату, Некиа заметила, что провод от генератора идет не напрямую в стоечный шкаф, а проходит под ним, уходя в закрепленный на стене ящик исполинских размеров. Дверь ящика была закрыта на маленький металлический замок, который Некиа просто выдавила пальцем внутрь. На огромном аккумуляторе размещалась информационная панель, бодро рапортующая, что заряда осталось на три дня работы серверов, и Некиа, немешкая, эти сервера отключила. Затем она нашла пятидесятиметровую бухту тонкого электрического провода и вернулась в коридор, где ее ждали отключенные дройды.

Толкнув дверь спиной с прикрепленным производящим ранцем, Некиа начала входить в коридор в тот момент, когда на нее напало несколько зараженных. Так проповедуемая ею осторожность испарилась, когда она только один раз осмотрела помещения. Очевидно, что при включении электричества открылись двери, которые ранее были закрыты, и теперь Некии предстояло столкнуться с обитателями закрытых комнат.

Зомби прыгнул на нее с полутора метров, почти повалив на землю и вцепившись Некии в спину. Она крутанулась вокруг себя, выпустив из рук ненужную пока бухту проводов, а затем с силой оттолкнув его, быстро достала из кобуры пистолет пулемет и выстрелила, практически не глядя. Остроконечная пуля прошла навывлет, распоров плечо так, что через рану стало видно других зомби, высыпавших в коридор.

Теперь уже Некиа не на шутку струхнула. Конечно, патронов у нее было в достатке, но зараженных было столько, что они могли просто завалить ее числом. Взяв пп двумя руками, Некиа стреляла короткими очередями по три патрона, стараясь чтобы хотя бы одна пуля попала в область шеи или в голову. Результат был совсем не как на стрельбищах, руки дрожали от страха, несмотря на стабилизаторы, встроенные в рукава. Некиа старалась не отмечать особенностей зараженных, которых она убивала. Все их лица были для нее одинаковы: серые, тощие и блеклые. Единственное, что выделялось на лицах — это глаза с фиолетовой радужкой.

Некиа успела гарантированно уложить четверых, прежде чем зараженные оказались слишком близко, и тогда Некии пришлось отступать. Пули летели узкими веерами и всегда находили свои цели, толк же был далеко не всегда. Два зараженных оказались почти перед лицом Некии так быстро, что она рефлекторно переключилась с коротких очередей на полностью автоматический огонь и просто залила помещение свистящими пулями.

Все обмундирование и снаряжение, в которое Некиа была облачена, максимально упрощало жизнь на поле боя. Tактические наушники, встроенные в шлем, легко гасили ненужное эхо от выстрелов, и Некиа слышала каждый шаг зараженных. Визор, передающий изображение с внешних камер на шлеме, предавал информацию прямо в мозг, сортировал цели по опасности, информировал об общем состоянии, количестве боеприпасов и даже указывал сектор разброса, актуальный именно в этот момент. Легкая, но прочная броня была снабжена дополнительными усилителями мышц и ничего не весила.

Против нее же выступали больше животные, чем люди. Животные с упрощенным разумом, ведомые лишь логикой, построенной на давно устаревшей архитектуре наномашин начала пятидесятих годов. Но это были бесконечно выносливые, нечеловечески сильные, не знающие боли и страха чрезвычайно опасные животные. И их было много.

Длинная очередь быстро опустошала магазин пистолет пулемета, и Некиа отработанным до автоматизма движением опустила руку к разгрузочному поясу за следующим, но пояс был пуст. Вероятно, прыгнувший на нее зараженный сорвал пояс, когда она сбрасывала его с себя. Стараясь не отрываться от стрельбы, Некиа опустила руку к бедру,

на котором должен был висеть запасной пистолет: к счастью, он был на месте. Не доставая пистолет из кобуры, Некиа одним движением вытащила из него магазин, и в следующее мгновение вставила его в пистолет-пулемет, как раз израсходовав в нем все боеприпасы.

Пистолетный магазин был расширенным и вмещал тридцать электронно воспламеняемых патронов экспансивного действия. Однако в толпе было явно больше двадцати зомби, так что просто переход на одиночные выстрелы не спас ситуацию. Стараясь экономить каждую пулю, Некиа судорожно искала варианты выхода из ситуации. К счастью, ей не приходилось отвлекаться на подсчет оставшихся в магазине патронов, их количество удобно отображалось прямо перед глазами.

Зараженные не стояли на месте, атакуя ее волна за волной, коридор, к счастью, был не слишком широким, и атаковать больше, чем по четверо одновременно, они не могли. Внезапно несколько зараженных, вместо того, чтобы атаковать ее, бросились в сторону отдельной колонной. Резко обернувшись, Некиа увидела, что зараженные прорываются к выходу, стараясь отрезать ей пути отступления.

Столь хитрые тактические ходы были для зараженных не свойственны, если только ими не управлял контролер. Однако никакого контролера Некиа не видела, коридор был почти свободен от передающей фиолетовой плесени, никаких проводов у зараженных не наблюдалось, и все же... Некиа до конца надеялась, что зараженные просто убегут наверх, однако зомби вместо этого перегруппировались и бросились на нее уже с двух сторон.

В голове Некии пронеслась паническая мысль, что это конец. Вот так запросто умереть от рук даже не полноценных людей, а зараженных, которыми по праву считали вторым сортом даже в абсолютной демократии Разума, она была категорически не готова. Патронов осталось всего ничего, и Некиа решила, что нужно спасаться бегством. Потом как-нибудь она вернется и добьет этих тварей, но сейчас главной задачей стало выжить.

Не раздумывая больше не секунды она подала максимальный заряд внутренней энергии на ноги и прыгнула, оттолкнувшись сначала от пола, а затем от стены. Этому трюку позавидовали бы и самые тренированные цирковые артисты, хоть он и нелегко ей дался. Некии почти удалось пролететь над отрезавшими ей путь к отступлению зараженными, но в последний момент один из них поймал Некию за лодыжку когтистой лапой.

Костюм с трудом спас Некию от растяжения, и падая на грязный бетонный пол, она услышала жуткий треск рвущейся ткани. Некиа немедленно встала и с ужасом поняла, что к ее ноге мертвой хваткой прикреплена кисть зараженного, вырванная вместе с сухожилиями. Некиа попыталась ее стряхнуть, но оставшиеся зомби не давали ей передышки, бросившись к ней со всего коридора.

Резко отступив назад, Некиа захлопнула за собой дверь и уперлась в нее спиной. Теперь, когда она была с другой стороны от зараженных, можно было на минутку расслабиться и собраться с мыслями. На этаже осталось не больше семнадцати зомби из тех, кого она видела своими глазами. В последнем магазине осталось четыре патрона, а значит, необходимо вернуться на найденный Некией склад вооружения и как следует запастись боеприпасами. Кто его знает, что будет на этажах ниже. Хоть она и запустила в свободное плаванье больше десятка охранных и боевых дройдов, гарантировать, что они полностью зачистят территорию, было невозможно.

Зараженные стучали в толстую металлическую дверь когтями, оставляя глубокие прорезы на обшивке. Пользуясь отработанным приемом, Некиа резким движением перевернула дверную ручку, заблокировав замок, быстро шагнула к перилам, дернула

верхний металлический край, прикрепленный только слабыми шурупами, и выломав одну из перекладин, сделала подпорку для двери. Не бог весть какая защита, но для зомби этого вполне хватит. По крайней мере, пока она сама ходит за новым оружием.

По лестнице она буквально взлетела, перепрыгивая через две ступеньки. Оказавшись на складском этаже, Некиа уверенным шагом отправилась к отмеченным стеллажам с автоматическими винтовками и пулеметами. Несмотря на сильное устаревание самой концепции порохового оружия, оно все еще было надежным и достаточным, чтобы уничтожить любого зараженного.

В начале выбор Некии пал на легкий пехотный пулемет с ленточной подачей и большими коробчатыми магазинами на двести патронов, но визор на костюме настойчиво подсвечивал дальнюю полку стеллажа, и подойдя ближе, Некиа была вынуждена согласиться с выбором системы помощи. На полке лежал автоматно-гранатометный комплекс.

Концепция, созданная более ста пятидесяти лет назад в США, на территории которых сейчас и располагалась абсолютная демократия Разума, вначале не нашла применения, и в самих США на вооружение так и не поступила. Однако эту систему подхватила Южная Корея, затем Китай, а после и весь остальной мир, спустя пятьдесят лет снова вернувшись в США. Объединение многопрофильного и многозарядного гранатомета с интеллектуальной системой наведения и дистанционного подрыва гранат вместе с мелкокалиберным автоматом оказалось настолько успешным, что, пройдя несколько перерождений, до сих пор активно использовалось не только в армии Вольных, но даже некоторыми подразделениями Зооморфов и Киберов.

Найти здесь такой автомат было большой удачей, но еще большей удачей было найти достаточные боекомплекты к нему. Оглянувшись по сторонам, Некиа нашла ящики с боеприпасами любого калибра и типа, на вкус и цвет. В ящиках были как рассыпные патроны, так и уже снаряженные магазины, у которых только нужно было взвести пружину. Потратив с десяток минут, Некиа нашла экспансивные, бронебойно-зажигательные и простые бронебойные пули. По сорок пять патронов в магазине. Оценив возможность загрузки, Некиа решила, что лучше небольшой перевес костюма, чем отсутствие необходимых боеприпасов в критичной ситуации.

В результате Некиа нагрузилась под самую завязку, взяв пять магазинов по шесть гранат и десять магазинов к автомату. Сначала она думала, что бронебойные гранаты и бронебойно-зажигательные патроны это перебор, но в конце концов решила не мелочиться. После водружения на себя разгрузочной системы с боекомплектом Некиа увидела, как система костюма подстраивается под новый вес, и пару раз закрывала предупреждающие о перегрузке сообщения. Уже перед самым выходом со склада огнестрельного оружия она захватила с полки первый понравившийся пистолет и два больших магазина к нему вместо своего опустевшего.

Оставалось только взять зарядившуюся батарею и вставить ее в понравившегося дройда. Выбор оказался очевиден. В отделе тяжелых дroidов стоял миниатюрный танк с гранатометом и легким пулеметом в укрепленной башенке. Он был не очень быстрым и достаточно тупеньким, однако хорошо вооруженным, бронированным и по умолчанию имел множество средств контроля и настроек. Памятуя о предыдущем инциденте с дroidом, Некиа сначала отключила и выкрутила модуль удаленной беспроводной связи, и только потом подключила к дroidу батарею.

Танк бодро отрапортовал через инфракрасный передатчик о готовности, получил

команду выдвигаться и радостно засеменял вниз по лестнице. Перед уходом с этажа Некиа на всякий случай поставила еще одну батарею на зарядку. Просто так, на всякий случай. И бегом догнала своего ползущего полуметрового защитника.

К ее возвращению дверь на следующий, тринадцатый этаж была значительно истерзана когтями. Очевидно, что каким-то образом зараженные пытались проникнуть через дверь, хотя в обычной ситуации сразу после закрытия двери они должны были потерять к Некии какой-либо интерес. Отдав команду на подготовку, Некиа сильным пинком отбросила импровизированную подпорку. Дверь мгновенно отворилась, и толпа зомби попыталась в нее протиснуться.

Заурчав двигателями, дрон резко дернулся в сторону и начал методично стрелять по головам. Программа дройда предусматривала умеренную экономию боезапаса, но не в ущерб времени поражения цели, однако возможность существования зомби и необходимость стрелять в голову в программу дройда никто не заложил.

Тем не менее, дройд уже спустя пять секунд начал расстреливать зараженных именно в голову. Вероятно, искусственному интеллекту дройда хватило сообразительности понять, что если при попадании в жизненно важные органы человек еще двигается, значит надо делать контрольный выстрел.

Некиа, до этого момента старавшаяся добивать из автомата всех упавших зомби, замерла в удивлении. теперь просто наблюдала. Дройд деловито перебирался через тела, буксуя гусеницами и ни на секунду не переставая стрекотать пулеметом. Все сражение заняло секунд сорок, несколько зараженных пытались бежать, чем крайне удивили Некию. Однако дройд не дал им ни шанса. Заехав на этаж, он совершил еще несколько выстрелов, добивая еще живых зараженных оставшихся с прошлой битвы. Затем он замер и передал Некии сигнал о малом заряде батареи.

То, что батарея у большого и тяжелого дройда будет быстро садиться, Некиа, безусловно, понимала, но что половина заряда продержится менее пяти минут, она никак не рассчитывала. Подключив провод, который Некиа принесла с огромного аккумулятора, она залезла в настройки энергообеспечения дройда и с удивлением обнаружила, что он действительно эффективно расходует электричество, просто батарея была действительно старой. Даже полного заряда и запасной батареи в результате хватит только на час времени, при удачном стечении обстоятельств можно было бы заряжать батарею на каждом этаже, но гарантировать, что на каждом этаже есть возможность этим заняться, никто бы не стал.

В результате, собрав все батареи и боеприпасы, подходящие для мини-танка, Некиа решила сделать ставку на одного бронированного дройда, а не на кучку пулеметных. Найдя и подобрав пояс с боеприпасами, которые она потеряла в прошлой стычке, Некиа перезарядила боекомплект в пистолет-пулемете, с которым не расставалась. Затем она потратила немного времени для того, чтобы разодрать несколько компьютеров на запасные части для производства в своем ранцевом заводе. Что нужно будет произвести, она не представляла, но решила быть максимально во всеоружии.

Батареи дройда заряжались не слишком быстро, так что у Некии была возможность пройти по комнатам и осмотреться. Зайдя в ответвление коридора, из которого в прошлый раз выбежала толпа зомби, Некиа держала себя в руках и максимально держала сектора разведки под контролем. Вероятно, из-за ее запоздалой бдительности Некиа заметила в одной из комнат за замутненным стеклом голограмму девочки- подростка. Синяя голограмма была одета в не по размеру маленькое платье и сандалии, из которых торчали

пальцы.

Обогнув пару комнат, Некиа добралась до голографического проектора только затем, чтобы заметить, как голограмма растворяется в воздухе. В последнее мгновение Некиа успела разглядеть лицо девушки, которое было изуродовано гримасой то ли страха, то ли злобы. Что это за девушка, было абсолютно непонятно, да и не так важно для миссии, которую поставила перед собой Некиа.

Выйдя из коридора к радостно пищащему о полном заряде батареи дроиду, Некиа сняла с дройда зарядные провода, еще раз проверила крепеж добавочной амуниции и батарей, и убедившись, что все надежно, отдала команду выдвигаться. Дройд зашелестел гусеницами к следующему лестничному пролету значительно веселее, чем до этого. Вероятно, сказался полный заряд батареи.

Некиа и сама чуть повеселела, в конце концов дройд без проблем справился почти с двадцатью зараженными еще до того, как она его доснарядила, теперь же он обеспечит ей хорошее прикрытие независимо от ситуации. С такими мыслями Некиа двинулась за скрывшимся в дверном проеме дроидом.

— Стой! — Некиа резко развернулась на голос, поднимая автомат и переключаясь на режим полностью автоматического огня. В полутьме разбитого коридора на той стороне стояли Ксеркс и Клавдия. Ксеркс взвалил Клавдию на плечо и сам стоял, упираясь в дверной косяк спиной. Выглядели они очень потрепанно.

Глава 12. Кокон

Денис тяжело дышал, костюм, тяжелый командирский экзоскелет, насыщал кровь кислородом, откачивая и отфильтровывая выдыхаемый углекислый газ. Система охлаждения была повреждена и не справлялась с нагрузками, поэтому внутри бронекостюма было жарко, как в пустыне. Но снимать его совершенно не хотелось, потому что снаружи творился сущий ад.

План миссии пошел к чертям на самом стартовом этапе. Вместо задания зачистки средней сложности их послали на абсолютно самоубийственную миссию. Коридоры были заполнены толпами зараженных, некоторые из которых были вполне в рассудке и применяли огнестрельное оружие. Странные и страшные существа то тут то там появлялись из ниоткуда, и Денису пришлось признать, что броня, Евстафий, был куда лучше осведомлен об их существовании. Первая стычка произошла, когда они только вышли из грузового лифта на пятом этаже, они потеряли в ней танк и ретировались, надеясь запереть группу вторжения в шахте лифта. Но это не помогло.

Инна, с трудом связавшись с ними на двадцать пятом этаже, передала сводку с инфракрасных датчиков и круговых сканеров лабораторного комплекса. Новообразования были повсюду, они проникли через шахту пассажирского лифта и распространились по всему комплексу, словно ища что-то. Количество этих тварей было не очень большим, а вот опасность значительной.

Они только поднялись на двадцать четвертый этаж, как стена рядом с Щитом лопнула, словно была не из бетона, а из картона. Толстая бородавчатая клешня, покрытая шишкообразными наростами, высунулась на метр из стены и сомкнулась на правой руке Щита. Броня среагировал почти мгновенно, выстрел из гранатомета разорвал одно из сочленений клешни, она раскрылась, и жуткий рев донесся из-за стены.

Денис с удовлетворением подумал, что твари, вероятно, очень больно. В следующее мгновение он понял, что это был призыв к атаке. Стены проломились в нескольких местах, и в коридор хлынуло с десятков самых разных тварей, отрезав им путь к отступлению на двадцать пятый этаж.

— Все в круг! — Закричал Евстафий.

— Отставить! Бегом на двадцать третий, дройды и зараженные с ними разберутся. — Денис отстегнул от себя всех дройдов, раздав цели и подготовив к самоуничтожению. Затем, обернувшись, он кинул пару гранат с таймером.

— Наша задача эвакуировать Анастасию, остальное по возможности. — Про себя же Денис подумал, что хорошо бы вообще сначала до Анастасии дойти. Бег в бронекостюме, весившим за полтонны килограмм даже с учетом экзоскелета и внутренних моторов, был занятием для тренированных, и хотя Денис относил себя именно к таким, большой войсковой опыт и длительная работа в спецотрядах корпораций давали о себе знать, все же при беге он напоминал беременную корову.

Только они ворвались в одну из комнат, перекрывающих путь к двадцать третьему этажу, как зараженные не заставили себя ждать. Судя по медицинским халатам, это была группа лабораторных сотрудников, работавших ранее в сферах медицины. Денис успел заметить на одном из столов искусственную металлическую ногу. Когда группа выскочила с

другой стороны, он запоздало вспомнил: лаборатория протезирования, здесь изготавливали протезы и искусственные органы. Несмотря на засилье наномашинной медицины, на удивление находилось множество людей, предпочитающих не вырастить свою собственную руку, а сделать себя киборгом.

Броня и Щит отлично справлялись с задачей, и когда группа сталкивалась с зараженными, Денису оставалось только держаться позади них и не отставать. Онуфрий откидывал зараженных щитом, буквально выдавливая их к стенам, этот гигант, после того, как на него надели усиливающую броню, стал действительно исполином, и по размерам был побольше брони, в которой ехал Евстафий. Тот в свою очередь просто врезался в толпу как бешеный коток, все кто не успевал отодвинуться к стене, были втоптаны в пол его весом за тонну. Оружие они не использовали, экономя боеприпасы. Единственное, что Броня регулярно отстреливал назад светозумовые и дымовые гранаты. Что не уменьшало их скорости и позволило оторваться от вездесущих тварей и толп зараженных.

Они на удивление быстро и без проблем пробежали до двадцать второго этажа и, не сбавляя скорости, врубились в хаос битвы между зараженными и гипертрофированными насекомыми. Несколько пауков или богомоллов или смеси того и другого сражались с хорошо организованной обороной зараженных. В несколько рядов баррикад были свалены офисные столы и шкафы. За ними стояли зараженные в одежде охранников.

Броня, визжа шинами, врубился в стык баррикад, раскидав их в стороны, и Денис с Онуфрием проскочил в образовавшееся отверстие за секунду до того, как за ними брешь закрыли своими телами и хламом зараженные в халатах. По ним стреляли в основном из табельных пистолетов и пистолет-пулеметов. Пули, предназначенные для противодействия живой силе в легких спецсредствах, просто отскакивали от тяжелой брони Дениса и напарников. Хотя одна пуля все же нашла брешь в защите и попала в вентиляционную решетку на внешнем контуре охлаждения брони Дениса, выведя его из строя.

Двадцать первый этаж встретил их суровым молчанием не меньше чем двух сотен зараженных, глядящих на них через бойницы импровизированной крепостной стены. Сам этаж представлял их себя большую серверную зону, работающую на пользу двух десятков этажей, и сейчас Денис с ужасом смотрел на баррикады из сотен бесперебойных блоков питания. Тяжелые серверные бесперебойники были сложены в несколько рядов и образовывали прочную каменную кладку, как в валуны в старинной крепости начала тринадцатого века. Между собой они были связаны пучками проводов и вставлены в металлические стойки.

Возможность создания такой стены Денис даже не предполагал. В отличие от баррикад у нее не было явного слабого места. Разбить такую стену с наскока не было никакой возможности, а перелезть бы не получилось, ведь она достигала самого потолка. Вся группа встала как вкопанная. На удивление их и самих не атаковали. Хотя в бойницах виднелись дула автоматов, зараженные просто стояли за стеной и смотрели на них.

— Да святиться имя твое. — Бормотание Евстафия пробило через мысли Дениса.

— Броня. Есть объемно-фугасные? — Слабая надежда затаилась в голове у Дениса.

— Не поможет. Они просто подпрыгнут внутри сетки. — Евстафий помолчал секунду. — Но могу закинуть за стену, пусть побегают.

— Не надо. Толку не будет, они просто отойдут и вернуться.

Денис стоял посередине между Евстафием и Онуфрием, прикрывающих его с двух сторон, его Броней и Щитом. Открыв на дисплее план этажа, он судорожно искал варианты

обхода. Весь этаж, бывший одной большой серверной, был уставлен сотнями серверных шкафов, крепящихся к потолку и полу, а единственный широкий коридор перекрывала самодельная стена из сотен батарей бесперебойного питания, которые, вероятно, стащили со всего этажа.

Внезапная догадка возникла в голове Дениса и он внимательно посмотрел на стену. Бесперебойники со всего этажа, стоечные рельсы и крепления. Еще раз открыв карту, Денис пересчитал количество серверных шкафов на плане, а затем посчитал количество бесперебойников. Если принимать во внимание, что они лежат в два ряда, то скорее всего, здесь действительно все бесперебойники. То есть вообще все. А значит, в серверных остались только легкие платы и комплектующие.

— Проверим. Обходим слева. Броня вперед. — Денис хлопнул по мобильной броне, и тот, взвизгнув моторами, выломал левую дверь в серверные.

Кто бы ни планировал оборону, он не учел весомые плюсы штурмовой мобильной брони. Евстафий раскидывал серверные стойки манипуляторами, будто отодвигая высокую траву. Тонкие железные стойки не прикрывали плат, а лишь удерживали их для лучшей вентиляции. Это сослужило защитникам плохую службу. Евстафий просто проходил по центру стойки, оставляя за собой обломки плат и разбросанные детали.

Щиту, замыкающему троицу, приходилось пригибаться, чтобы не задевать головой обломки, а вот Денис передвигался почти с комфортом. Он был значительно ниже и мобильной брони Евстафия и Онуфрия в исполинском бронекостюме, так что просто бежал за Броней, стараясь не отставать.

— Тормозим, — Евстафий внезапно замер, и Денис с недоумением выглянул у него из-за плеча. Дальше была стена, хотя по правую руку от них должен был быть проем, там тоже была стена, тупик.

— Оборона, не может быть. — Денис быстро осмотрелся по сторонам и снова сверился с картой. Они должны были пройти, по крайней мере, еще десять метров, и уж точно никакой стены тут не должно было быть.

Подойдя к стене, Денис с силой постучал бронированным кулаком по стене, которая отозвалась глухим эхом бетона. Либо косяк был в карте, либо они пробежали выход раньше. Стана была явно построена при сдаче лаборатории и окрашена в тот же бежевый цвет, что и остальные в этой комнате. Гулкое эхо автоматных очередей заполнило все комнаты, оно раздавалось из за стены, вероятно, в коридоре, охраняемом толпой зараженных, началась стычка.

— Внимание, гости, — Онуфрий впервые подал голос с начала их миссии. Голос был чисто синтезированным и искусственным.

Обернувшись, Денис увидел то, что меньше всего хотел. Огромное насекомое, напоминающее скорпиона, проломило стену у входа и теперь, раздвигая собой стойки, двигалось в их сторону. За ним в комнату ворвались еще несколько чудовищных тварей и быстро засеменили в сторону группы Дениса.

Все трое открыли огонь, не сговариваясь. Броня был не единственным, у кого было тяжелое вооружение, в бронекостюме Дениса был встроен экспериментальный рельсовый ускоритель, рассчитанный всего на три выстрела на самый крайний случай, и Денис решил воспользоваться своим козырем.

Для выстрела требовалось несколько секунд на накопление заряда, в это время Денис не мог двигаться, так как вся энергия уходила на заряд конденсаторов, на двигатели

экзоскелета ее не хватало. Так что ему оставалось только смотреть, как снаряд из гранатомета Евстафия бьет в сантиметре от резко прыгнувшего в сторону чудовища. Как огромная клешня приближается к его лицу. До зарядки орудия оставалось секунда, чудовище стремительно приближалось, пол секунды, заряд!

Денис начал наводить руку с ускорителем на монстра, но тут произошло необъяснимое: вместо того, чтобы втоптать отряд Дениса в пол, жуткий гигантский недоскорпион прыгнул сначала на стену, а затем на потолок, разбрасывая легкие потолочные панели, он исчез в стене, и все твари последовали за ним.

Секунду или две Денис не мог прийти в себя, гудящие от заряда конденсаторы требовали срочно выпустить наружу накопленную энергию, и он, быстро орудуя глазами, заменил единый снаряд в ускорителе крупной дробью. Облако дроби влетело в стену, за которой скрылись монстры, и проделало в ней крупную дыру в полметра диаметром, не снижая пробивной силы дробь на скорости в десять километров в секунду пробила толпу зараженных, хладнокровно держащих оборону на той стороне.

— Броня, вперед. — Но Евстафий уже отреагировал раньше, чем Денис отдал команду. Громко взвизгнув и стирая шины, колеса отправили тяжелую моторизованную броню в стену. Стена, потерявшая единый каркас, не выдержала, и Броня легко прошел насквозь. Следом за ним в коридор ворвался Денис, готовя свой пулемет, прицел был совмещен с броней, так что поднимать его к плечу было не нужно. Крепко ухватив пулемет двумя руками, он послал длинную очередь в смешанную кучу из тел, лап и хвостов.

Несколько зараженных обернулись на выстрелы, но тут же были убиты совместным огнем Дениса, Евстафия и Онуфрия. Основной же толпе зараженных было явно не до них. Огромные богомолopodobные насекомые резкими взмахами выкашивали по несколько зараженных за удар. Сами они тоже немало страдали, толстый хитин был, очевидно, невероятно прочным, но не прочнее бритвенных когтей, состоящих из кремний-углеродных нанотрубок. Зараженные рвали, кромсали и царапали насекомых, даже когда их разрезали напополам.

Битва была явно неравной, и хотя зараженные бились с безмолвной безумно логичной холодной жестокостью, ряды их таили. Не спасало даже некоторое наличие огнестрельного оружия. Пули просто отскакивали от гигантского скорпиона, тот же сеял разрушение и смерть во все стороны.

— Броня, по скорпиону, бронебойным, — Денис подсветил цель лазером, чтобы уж точно не промахнуться.

— По крабопауку что ли? С богом. — Прежде, чем выстрелить из гранатомета, Онуфрий открыл по твари, названной им крабопауком, шквальный огонь из пулемета. и, очевидно, задел этим какую-то из чувствительных зон. С жутким скрежетом, принятым Денисом в прошлый раз за рев, тварь угрожающе поднялась на всех лапах и развернулась к ним мордой с шестью челюстями. Снаряд, выпущенный Броней, зашел точно в пасть и разорвался где-то внутри крабопаука, слизь вырвалась из его пасти обильным потоком, монстр покосился и упал безжизненной кучей.

— Мастер, — Не удержавшись, восхитился Денис, подсвечивая следующую тварь и посылая в нее длинную очередь.

— На все воля божья, просто повезло, — Евстафий сэкономил бронебойные боеприпасы, но щедро поливал толпу, в которой схлестнулись противники из пулемета. Онуфрий из пп короткими очередями сносил головы зараженным, пока они еще были заняты в потасовке.

Потеря бронированного крабопаука сильно сказалась на балансе противоборствующих сторон, зомби, имевшие в своем распоряжении огнестрельное оружие и значительный численный перевес, одного за другим повалили всех гигантских насекомых. И, пока драка продолжалась, Денис так же старался максимально ослабить силы противников. Вслед за первой кончившейся лентой боеприпасов пошла вторая, патронов не жалели, как только одна из сторон окончательно возьмет верх, победители примутся за группу Дениса.

Меньше, чем за пятнадцать минут, в тесном, плохо освещенном коридоре погибло почти двести зараженных. Последних добивали уже не спеша, не теряя контроля и контролируя фланги и тыл. Побоище было такое, что трупы буквально были свалены кучами, кровь и слизь заполняла весь коридор слоем в несколько миллиметров, было скользко, жутко и противно.

Добивание зараженных вполне можно было принять за передышку, несмотря на всю мерзость происходящего, впервые за несколько часов на них не охотились, не набрасывались, не пытались плюнуть в них кислотой или отрубить руки/ноги.

К счастью, обстановка расслабляющей не была. Когда за стеной послышались многочисленные шаги, Денис принял единственно верное решение. Он в пару движений отстегнул от спины ранец, к которому ранее отходили провода дроидов, и нажал на скрытую кнопку.

Ранец разложился в разные стороны, образуя перекрестие опор, в центре которых возвышался станковый пулемет на турели. Сразу после раскладывания дуло задвигалось, проверяя сектора обзора и стрельбы. Денис установил его напротив одной из бойниц в выстроенной зараженными крепости и одновременно напротив пролома в стене, через который они сами вышли.

— Все, — Денис отряхнул руки, — это их пусть и ненадолго, но задержит, если у них есть хоть какие то зачатки разума и инстинкта самосохранения.

— Это вряд ли, — Голос Евстафия был озабоченно серьезным. — Дай бог, мы успеем на двадцатый подняться, и там такой ереси не будет.

— Было бы не плохо. Выдвигаемся, Броня впереди, Щит замыкаешь.

Они сразу перешли на бег, и хотя все силы Дениса уходили на то, чтобы не упасть и не поскользнуться на жуткой жиже, заполнившей весь пол двадцать первого этажа, один раз он все же потерял равновесие. Гильзы от автоматов и пистолетов, использованных зараженными, лежали столь густо и были столь обильно политы кровью самих зараженных, что различить и переступить их не было никакой возможности. Комично взмахнув руками, Денис проехал на гильзах сантиметров двадцать, затем споткнулся и для выравнивания равновесия вынужден был пробежать в еще большем темпе.

Когда они уже подошли к двери на лестничную площадку, за их спинами застрекотал пулемет. Денис оставил в нем триста патронов, так что на пару минут интенсивной стрельбы этого должно было хватить. Денис с командой, не останавливаясь, влетели на лестницу и бегом начали по ней подниматься. Мобильный доспех Евстафия, легко цепляясь фигурными протекторами шин, ничуть не сбавил скорости, несмотря на большой угол подъема и короткие ступеньки.

Денис всегда удивлялся тому, как инженеры, создающие экзоскелеты, мобильные доспехи, дроидов и дронов умудряются решать сложные задачи, выискивая простые решения. Лестница была непреодолимым препятствием для многих колесных систем, пока кто-то не додумался смещать при передвижении центр тяжести, и не сделал независимую

регулируемую подвеску для каждого колеса. В результате ни одно колесо не теряло контакта с поверхностью даже при движении по лестнице.

Броня резко затормозил, повернувшись в поворот на лестничном пролете, и дал несколько коротких очередей куда-то вверх. Сверху тут же ответили слаженным огнем несколько зараженных.

— Здесь укрепления, толстая решетка, — Евстафий был явно озадачен. Денис включил мобильную камеру, хранящуюся в одном из многочисленных подсумков, и выглянул с ее помощью за угол.

Такого по плану здания точно не было. Толстые стержни, каждый в пять сантиметров диаметром, переплетались, полностью перекрывая проход на лестничную площадку. Однако кое в чем Броня ошибся, это был не металл. Один из стержней был поломан при сварке, и Денис без труда узнал старую стеклоарматуру.

— Отходи, сейчас будет жарко, — Денис спрятал камеру и достал из подсумка термобарическую противопехотную гранату. Дождавшись, когда Евстафий спустится вниз, он приноровился и закинул гранату на двадцатый этаж, граната лопнула, выпустив быстро распространяющееся облачко зеленоватого дыма, а затем произошло зажигание. Яркая вспышка осветила лестницу, и раздался оглушительный грохот, стены и пол вздрогнули.

Как только взрыв стих, немедля Броня прорвался на верхний этаж, Денис последовал за ним, готовый в любую секунду открыть огонь. Стеклоарматура, не выдержав высокого давления, разлетелась сотнями острых осколков. Нескольких оставшихся защитников Денис добил одиночными выстрелами, в основном же все они погибли либо от ударной волны, либо от осколков арматуры.

Последним на этаж поднялся Онуфрий. Фигура гиганта чуть пошатывалась при каждом шаге. Свой двухметровый бронешит он держал одной левой рукой, кроме собственной нечеловеческой силы в этом ему помогали моторы, встроенные в бронекостюм. В правой руке у него был легкий пистолет-пулемет с длинным магазином.

— Они близко, — Голос Онуфрия был жутким, хриплым и неестественным. — Через минуту будут здесь.

Денис прислушался; действительно, стрекот его последней турели уже затих. А значит, прежде, чем двигаться дальше, им предстояло побороться с несметными полчищами зараженных, которые шли со старых жилых корпусов двадцать шестого и тридцать шестого этажей.

Учитывая, что во время последнего теракта наномашинами были заражены все, кому были вживлены нейроимпланты, то есть просто все старше четырнадцати лет, а в общежитиях на этих этажах проживало почти две тысячи человек, значит, им предстояло столкнуться минимум с полутысячей зараженных. Столько боеприпасов у них не было, а значит, был только один путь — вперед.

— Броня, вскрывай дверь. Щит, прикрываешь. — Денис начал устанавливать блоки с пластида прямо себе под ноги. Взрывать стены было бесполезно, а ступени были выбиты в монолите так, что они не обрушатся при взрыве, а значит, единственный шанс отрезать нападающим путь — взорвать лестничную площадку, на которой они стоят.

— Дверь почти открыта, готов открыть в любой момент, — Евстафий разбил замок и теперь придерживал дверь закрытой. Денис воткнул в пластид детонаторы, и в этот момент увидел первого из зараженных, высунувшегося на лестницу.

— Приготовились, входим, я замыкаю. — Денис с первого же выстрела попал

зараженному в голову, и та разлетелась, оставив пятно брызг на стене.

— С богом. — Евстайй распахнул дверь и взвизгнул колесами мобильного доспеха, ворвался внутрь. Следом забежал Онуфрий, держа перед собой щит. Начались выстрелы. Денис, проверив контакт, вышел и, прикрыв дверь, нажал на взрыватель.

Врыв, вероятно, было слышно во всем комплексе, а не только на пару этажей. По крайней мере, так показалось Денису, перед глазами плыли белые круги, в ушах все звенело. Когда он немного очухался, то понял, что Онуфрию тоже досталось, щитоносец стоял на одном колене, поставив щит перед собой и прикрывая Дениса. Единственный, кто пережил близкий взрыв почти без последствий, был Евстафий. Многослойная броня надежно сохраняла его внутри безопасной капсулы.

Слух вернулся к Денису последним, и первым, что он услышал, кроме стрекота автоматов и пулеметов, был хор голосов зараженных. Сотни ртов с хрипами, стонами и всхлипами повторяли одно и то же слово.

— Уходите, УХОДИТЕ, уходите! — Шепоты, стон и крики сливались в единый хор и воспринимались как шум.

Денис приподнялся на локте и оглянулся. Дверь на двадцать первый этаж снесло с петель, а лестничная площадка обвалилась, как он и рассчитывал. Упав, бетонная площадка загородила двери на нижнем этаже, перекрыв его и обезопасив им на некоторое время тыл. С другой же стороны было нечто невообразимое.

Первая ассоциация, возникшая у Дениса, была, что видит яркое звездное небо. Света как такового на этаже не было. Все стены и потолок были покрыты толстым слоем черной плесени, в которой ярко горели тысячи фиолетовых огоньков. В центре этого великолепия в прозрачном бронированном куполе, как большая луна, светила свернутая клубком девушка. Она была опутана сотнями ярких проводов, и казалось, что сама она светится.

Хотя лица девушки было не видно с такого расстояния, а план лаборатории, который перед заданием ему загрузила Инна, был абсолютно бесполезен, Денис был абсолютно уверен, что именно эта светящаяся девушка — Анастасия, за которой они пришли.

Вот только им явно не были рады. Девушку со всех сторон окружали десятки зараженных, укрывшихся за баррикадами, почти у каждого из них было оружие, и все они были окутаны наномашинной плесенью. Прямо под куполом несли стражу три механизированных брони.

— Приплыли, — только и смог пробормотать Денис.

— Воистину аки грешники на суд. — Подтвердил Евстафий.

Пока их обстреливали только несколько ближайших групп, вероятно, чтобы не задеть своих, однако и этой плотности огня вполне хватило, чтобы их прижали к земле. Группа Дениса оказалась в углу, с двух сторон их прикрывали стены, с одной стороны встал Онуфрий, прикрываясь щитом, с другой стоял Евстафий.

Двинуться вперед означало разорвать строй и попасть под перекрестный огонь. И пока Денис придумывал выход из этой нелегкой и щекотливой обстановки, судьба начала жирными мазками вносить свои коррективы.

С противоположной стороны, где находился подъем на девятнадцатый этаж, резко началась стрельба и взрывы. Денис с помощью съемной камеры смог разглядеть, что на той стороне из двери выскочило двое. Разобрать при таком освещении, кто это, было практически нереально, однако по тепловизору было понятно, что у одного из них за плечами был привязан кто-то живой. Они напали на ближайшую группу зараженных до того,

как те начали огонь, и, очевидно, смогли отобрать оружие.

Было видно, что нападавшие стараются уйти от двери, и им было совсем не важно, куда двигаться. Однако им приходилось продвигаться с боем, и они отвлекли огонь на себя. Раздумывая лишь секунду, Денис принял решение.

— Открыть огонь, движемся на соединение с вон той группой. Враги наших врагов нам не враги, наверное. — Денис резко сел на одно колено, вскинул пулемет и начал огонь на подавление.

— Принял, с богом. — Евстафий сорвался с места, поливая пулями пригибающихся зараженных.

Щит молча встал и прикрыл собой Дениса, после чего они начали медленно сближаться с группой, спустившейся с девятнадцатого этажа. Те, заметив это, пригнулись и побежали навстречу еще быстрее.

Они встретились у стены почти на середине комнаты. Тощий, но мускулистый и широкоплечий мужчина в поврежденном пожарном экзоскелете уверенно держал автомат, но стрелял только одиночкой, сэкономил патроны. Позади него присела на корточки огромная, не уступающая Онуфрию в росте женщина, на спине которой лежал парнишка лет четырнадцати. Правой руки у мальчика не было.

— Спасибо за спасение, — сказал мужчина, не отрывая глаз от прицела. — Буду должен.

— Мы здесь по своей миссии, можете выполнить, сочтемся, — Уверенно ответил Денис. Мужчина повернулся к Денису, подумал секунду и кивнул.

— Согласен, если можете выбраться из этого ада. — Мужчина отвернулся и сделал несколько выстрелов, в то время как Дениса начала бить крупная дрожь. Мужчина выглядел исхудавшей и более молодой копией его самого, как это было вообще возможно?

— Слушай, а зовут тебя как? — Стараясь держать голос уверенно, спросил Денис.

— Я Боря, это, — он указал на женщину, — Оксана, а за спиной у нее отсыпается Кирилл. А вы...

Договорить он не успел. В этот момент с девятнадцатого этажа в комнату ворвались несколько боевых дроидов разведки.

— Вот и гонителя подоспели, с самого двенадцатого этажа нас гонят. — Борис сплюнул в сторону, почти не отрываясь от прицела.

Дроиды врубались в оборону зараженных, как стая хищных птиц на стадо кроликов. Быстро маневрируя, они меняли свое расположение и цели, не останавливаясь на одном месте ни на секунду. Их движение не имело четкого направления, однако в их сторону двинулся один из мобильных доспехов, охраняющих Анастасию.

— Лучшего шанса бог может и не ниспослать. — Евстафий перезарядил гранатомет бронебойными. — Рискнем?

— Рискнем. Слушай, Боря. Видишь вон ту девушку в центре? — Борис проследил за рукой Дениса и кивнул, тут же взяв ее на прицел. Денис еле успел положить руку ему на ствол. — Нет, ты не понял. Нам нужно ее о туда вытащить живой. Пойдешь по центру, и, пока мы прикрываем, вытащишь ее, перерезав провода, согласен?

— Вы психи, — Борис внимательно оглядел бронированную троицу. — Согласен.

— Оксана, останьтесь здесь. Мы к вам сейчас вернемся. — Оксана нехотя кивнула, хотя ей явно было это не по душе. — Готовность три — два, пошли!

Евстафий выстрелил из гранатомета по одному из оставшихся мобильных доспехов, и

взяв максимальное ускорение, ушел в сторону, отвлекая огонь на себя. Денис, Онуфрий и прикрываемый ими Борис бросились напрямую. Зараженные, отвлекшиеся на Броню, не сразу переключили свое внимание, и, когда оставшийся мобильный доспех встал у них на пути, Денис был готов.

Пламя из ствола рельсового ускорителя долетело, казалось, до самого доспеха вместе с снарядом. На огромной скорости снаряд пробил доспех насквозь, убил пилота, и, пролетев навывлет, врезался в купол. Толстая трещина пошла от места попадания до самого потолка, однако купол был не пробит.

— Стойте! Остановитесь! — Сотня глоток зараженных кричала на них. Несколько групп, оставив свои посты, прорывались через заградительный огонь Евстафия к куполу.

— Вперед, я поставлю на трещину пластид! — Денис, быстро орудуя пулеметом, расчищал путь к куполу.

— Не надо. — Онуфрий повесил пистолет пулемет на бедро и достал из-за спины огромную кинетическую кувалду. — Я сам.

С первого же удара трещина в куполе разошлась, Сделав еще несколько взмахов, Онуфрий сделал небольшое отверстие.

— Борис, вперед! — Дважды повторять нужды не было. Закинув подобранный по дороге новый автомат за спину, Борис залез в купол. Онуфрий и Денис встали спина к спине, загораживая пролом.

Борис подошел к девушке, которая, казалось, спала на потолке. Перед ним была девушка-подросток в старом не по размеру платье и сандалиях, из которых она давно выросла. Она скрючилась, свернувшись в клубок, обнимая плюшевого мишку, пришедшего в негодность лет сорок назад. Она действительно светилась, вернее, светились ее вены и сосуды, ярким фиолетовым цветом.

— Стойте! Уйдите! Прочь! — Теперь даже дройды не привлекали внимание зараженных: в Бориса стреляли со всех сторон, но единственную трещину с отверстием прикрывал своим щитом Онуфрий, а стекло еще было достаточно прочным, чтобы выдержать автоматное попадание.

Подняв манипулятор с пожарным крюком, Борис зацепился им за один оплетавших девушку проводов, и резко повис на нем всем своим весом. Однако провод только прогнулся, а девушка поморщилась. Тогда, осмотрев ее с ног до головы, Борис понял, что единственный действительно соединявшийся с ней провод был закреплен в области шеи.

Борису нечем было этот провод перерезать, поэтому он решил прострелить его. Борис скинул со спины автомат и, старясь, чтобы рикошет не задел его самого или девушку, прицелился в провод.

— Неет! — Крик сотен глоток раздался во время выстрела и тут же прекратился. — Нет, нет. Неет. — Теперь уже кричала девушка, тихий хриплый голос человека, который не говорил годами. — Нет! Теперь ее никто не остановит!

— Что? — Только и смог сказать Борис.

Все зараженные попадали там, где стояли, и свет на этаже погас. Затем ярко вспыхнул обычный свет коридорного светодиодного освещения, и в помещении появилась голограмма Инны.

— Группа шестьсот сорок один, поздравляю вас с успешным выполнением задания. А теперь прощайте.

Взрыв электромагнитной бомбы не спутаешь ни с чем. Когда через человека проходит

мощный импульс тока, он остается жив, но напоминает это состояние навсегда. Свет погас вместе с голограммой Инны. Фиолетовые огоньки, освещавшие помещение, окончательно погасли, броня и электромоторы мгновенно пришли в негодность. Этаж погрузился в кромешную тьму, только плачущая девушка продолжала светиться неярким фиолетовым светом.

Не в силах пошевелиться, Денис дернул зубами за трос экстренного сброса брони. Замок на плечах и спине открылся, и он смог откинуть шлем вперед, оперевшись в него головой. Глаза медленно привыкали к мраку, и он с трудом смог различить, как Евстафий так же выбирается из своего великолепного, но абсолютно бесполезного мобильного доспеха. Оксана с мальчиком за спиной подбежала к ним, не дождавшись, пока они сами вернутся.

Единственным, кто не шевелился, был стоящий стальным изваянием Онуфрий. Подозревая нехорошее, Денис забрался в один из своих бесчисленных карманов, прикрепленных к броне, и достал оттуда колбу химического света. Переломив ее и бросив под ноги Онуфрию, Денис подбежал и быстрыми отработанными движениями начал снимать с Щита тяжелый экзоскелет. Шлем с неохотой поддался, но когда Денис сорвал его с головы, глазам предстала жуткая картина.

Подбежавший Евстафий подскочил к Онуфрию, затем резко отдернулся и, упав на пол, заплакал. Голова Онуфрия представляла из себя месиво. Черепа как такового не было, в мозг были воткнуты тысячи проводов, кровь, очевидно, качалась к сосудам небольшим насосом, установленным в районе шеи. Он был мертв. И мертв давно. Денис в шоке слез с брони и сел рядом с Евстафием.

Через минуту девушка, содрогающаяся от сухих рыданий в объятьях Бориса, вытерла кулаком нос и, оглядевшись, сказала шепотом:

— Они начинают просыпаться, и они меня больше не защищают.

Глава 13. Объединение

Последние сто лет Александр чем только не занимался: зачисткой районов, устранением ключевых лиц, защитой границ, охотой на нарушителей, даже поиском пропавших. И никогда до этого чутье не подводило его так сильно.

Еще у входа в комплекс они с Николаем заметили следы группы детей с сопровождающими, которые зашли сюда за каким-то чертом. Поэтому было решено не искать группу киберов и отряд вольных, а заняться для начала спасением детей, и только потом — устранением нарушителей.

Николай, в отличие от Алексея, как истинный пастух собрал огромное стадо из всевозможных питомцев. Даже голиафа где-то достал, хотя его и пришлось оставить снаружи комплекса, уж больно серьезная махина. Два десятка косарей, двенадцать крабопауков, три слизня и, шутка ли, жнец! Такую армию вполне можно было отправить на захват поселка городского типа или на полноценную тыловую операцию.

Сейчас же вся эта армия была практически бесполезна. Среди всех питомцев не было ни одной ищейки, способной обнаружить по запаху животных за несколько километров. А даже если бы и была, воздух слабо циркулировал по этажам, и только шахты лифтов передавали отдаленные запахи.

Они прыгнули в шахту лифта, как только обнаружили, что дети глубоко под землей. Слизней пришлось посадить на крабопауков для большей скорости, но остальные питомцы легко могли передвигаться хоть по стенам, хоть по потолку.

Как ни странно, шахта вела не на все этажи, вероятно, в комплексе была какая-то система, так что им пришлось выгружаться на шестнадцатом. Сказать, что они встретили там сопротивление, будет преуменьшением. Очевидно, на шестнадцатом этаже располагалось общежитие, в котором проживали сотрудники лаборатории. Большое общежитие, очень большое общежитие.

Как только они открыли двери лифта и увидели, что коридор до отказа заполнен зараженными, Николай отдал приказ выдвигаться крабопаукам и жнецу, косари в безопасности дожидались команды внутри шахты лифта. Крабопауки быстро расчистили область для высадки других питомцев, и спустя несколько минут на этаже вместо полутора сотен зараженных перед ними было полторы сотни трупов.

Жнец, в начале побоища пробежавший по стене в дальний конец помещения, довольно хвастался, показывая, что вырезал почти столько же зомби, что и крабопауки вместе взятые. Спорить с его выдающимися результатами, конечно, было бесполезно, но и так подразумевалось, что он лучший в уничтожении живой силы противника.

Они не стали зачищать все комнаты, а просто прошли по коридору до пятнадцатого этажа. И вот тут случилось непонятное. Пути детей расходились. Очевидно, на них напали зомби, и они сражались, судя по количеству крови, несколько из них погибли. Запах большинства детей шел в шахту лифта и вниз, был, правда, слабый запах, шедший вверх, но Алексей списал это на то, что по тропе гуляло множество детей, и они могли оставить долговременный запах.

Николай на всякий случай все же отправил наверх несколько косарей, чтобы проверить наличие детей, после чего они с Алексеем отправились вниз по шахте лифта, взяв с собой

остальных питомцев.

Лифт застрял на уровне тридцать восьмого этажа, и на нем они нашли почти всех детей, их трупы были по обычаю частично съедены симбионтами, но что заставило сбросить тела в шахту, Алексею было непонятно. В самом лифте обнаружилось тело охотника, который, очевидно, детей сопровождал. Вскоре к Николаю вернулись с остатками одежды в жвалах косари, и Алексей решил вернуться назад, чтобы начать поиски сверху.

Внезапно для всех шахта лифта закрылась на уровне тридцать пятого этажа тяжелым бронешитом. Он был настолько толстым, что вариант пробить его силой Александр отменил почти сразу. Вместо этого они раздвинули ближайшие двери и оказались в странном саду, вырвавшемся из чьей-то лабораторной работы.

Некоторые хищные растения на этаже излучали свет, в котором можно было подробнее разглядеть обстановку. Помещения совершенно не были предназначены для выращивания новых видов растений, судя по интерьеру, это скорее были комнаты отдыха, Александр узнал большие бильярдные столы, покрытые корнями, и мягкие кресла, сквозь которые росли молодые побеги.

Кроме растений помещение изобиловало останками людей и зараженных, которых растения переработали в корм для себя. Видов же растений было очень много, за пятьдесят лет выстроилась определенная иерархия растений, порядок и пищевая цепочка.

Николай послал вперед крабопауков, опасаясь засады, все же они с Александром хоть и повидали множество всякой флоры и фауны, но учеными биологами не были и абсолютно неизвестные виды классифицировать не могли. Осторожность, всегда приносящая плоды, не осталась в долгу и на этот раз.

Крабопаяк, бодро пробежавший несколько метров по почве из останков и хлама, был оплетен толстыми корнями одного из деревьев, и его потащило под корни. Крабопаяк повернулся, упираясь всеми ногами, и клешнями вцепился в корни. Реакция была неожиданной и даже не ожидаемой.

Дерево, которое тащило к себе крабопаяку, свернуло все свои листья, прижало тонкие ветки к стволу и открыло глаза. Множество толстых щупалец обвились крабопаяку, который был в два раза меньше многоногого чудовища, отчаянно сопротивлялся, плевался кислотой и быстро орудовал клешнями, но все же приближался к громадной пасти чудовища, расположенной между щупалец.

Выйдя из ступора, Алексей выстрелил из симбионта сколопендр, метаясь в глаза. Капсула с газом попала между глазом и основанием щупалец и, окрасив воздух в оранжевый цвет, облачко газа окислилось и взорвалось яркой белой вспышкой. Ударная волна прошла по телу чудовища, разрывая ткани и отрывая куски мяса. Оно заколыхалось как студень и упало на бок.

— Едрид монгедрид, Коля, это же осьминог. — В немалом восхищении воскликнул Александр, чуть присев и ударив себя по коленям ладонями. — Посмотри, какая громадина.

— Да, не вмешайся ты, эта тварь моего паучка-то зажевала бы. Осьминог же раза в четыре его больше. — Николай уже направился к крабопаяку, чтобы освободить его от щупалец гигантского осьминога, но Алексей поймал его за плечо. — Ты чего?

— Погоди секунду. — Алексей поднял правую руку, поводил ею из стороны в сторону, а затем сделал несколько выстрелов кислотой из плевателя по растениям и стенам.

Каждый плевок тут же начинал разъедать материю, в которую он попал, но вызвал не только эту реакцию. Сразу в двух стенах осьминоги нашли себе укрытие и, мимикрировав,

стали неотличимы от окружающего их бетона. Одно из растений так же оказалось замаскировавшимся осьминогом.

— Многовато. — Пробормотал тихо Александр и прыгнул вперед. Короткие радужные крылья носителя сильно забили по воздуху, и Александр пулей полетел в ближайшего врага. Николай же выбрал целью дальнего осьминога и, взяв прямой контроль над слизнями, начал заградительный огонь. За раз слизень плевал от двухсот до трехсот граммов высокоактивной кислоты, растворяющей плоть словно горячая вода лед.

Александр порхал на поле боя, проскакивая между щупалец и обрубая их одно за другим своим меченосцем. Там, где броня была бесполезна, балом правила скорость. Каждый его взмах мечом был четко выверенным и эффективным. Будь у противников по восемь щупалец, он разделался бы с ними давным-давно, но у каждой твари было, по крайней мере, по сорок отростков.

— Бей по глазам! — Молодой по меркам зооморфов Николай с помощью питомцев только что убил одного из осьминогов и тут же принялся за второго. Беспокоиться о боеприпасах смысла не было, осьминоги были достаточно толстыми, чтобы накормить все стадо. Вскоре к слизням присоединились крабопауки и косари. Только прозрачный жнец, не обладающий ядом, грустно ползал кругами по стене, подчиняясь ментальному приказу Николая.

Александр последовал совету, и спустя несколько секунд все осьминоги стали слепы, что только усилило их животную ярость. В отличие от насекомых они вполне ощущали боль и базовые эмоции и сейчас неистово били по воздуху своими щупальцами стараясь попасть по кружащему Александру. Он же давно спокойно сел позади Николая и наблюдал за тем, как стадо методично добывает исполинов.

— А знаешь, это не осьминоги, как же они назывались? — Александр постукивал себя по шлему в районе лба. — Были до войны такие сказки. Кракены — вот!

— Что еще за кракены? — Николай дал команду добивать последнего осьминога и вышел из медитации. Ощущение было явно не из приятных, и он недовольно морщился.

— Кракены — это такие мифические существа, как осьминоги, только очень большие. Вроде вот этих вот. — Александр ткнул пальцем в последнего сопротивляющегося противника. — Древние моряки верили, что кракены живут в океанах и топят корабли. Идея создать их, кстати, витала на поверхности. Но уж больно они разумные, могли и одичать совсем. Я слышал, руководство штабов запретило их создание, а эти, видимо, были не в курсе.

Проверив, что последний из кракенов мертв, Николай отдал команду питаться. Стадо набросилось на тела и начало жадно поглощать биомассу для восполнения запасов и снарядов. Александр отпустил питаться сколопендру и носителя, остальные симбионты остались при нем.

— А она у тебя не очень вместительная, — Николай кивнул в сторону сколопендры, — хоть и эффективная, тут спору нет. Всего два выстрела может сделать?

— Три, — Александр поморщился под шлемом, — ничего, потом научим наедаться про запас, ты не забывай, что я ее только вчера приручил. Пока не всеми процессами могу управлять.

— Как здесь разберемся, приноси на блок-пост, клонируем и разработаем систему обучения. — Жнец подбежал к Николаю, и тот по привычке погладил его по прозрачной морде. — Такие нам очень пригодятся.

— Согласен. А сейчас давай заканчивать трапезу и выдвигаемся, с этими кракенами мы подзастряли.

— Сейчас — сейчас, нужно, чтобы питомцы запомнили запах этих кракенов, видел, как они мимикрировали? — Александр молча кивнул, — потом бы на них не напороться.

Александр отдал команду носителю и сколопендре возвращаться, и если носитель выполнил ее мгновенно, сколопендра несколько мгновений сопротивлялась. Пришлось даже подойти поближе, чтобы вживленный в основание шеи симбионт управления смог лошадиной дозой феромонов заглушить инстинкты сколопендры, и она вернулась на руку Александра.

Теперь он снова был в полной боевой готовности. Спешить, конечно, было необходимо, но выдвигаться наобум в неразведанную местность тоже было нельзя. Негласное правило зооморфов гласило: стадо гибнет, а пастухи нет. Так что они должны были и могли жертвовать ради спасения даже одного ребенка всем собранным зверинцем. Питомцем знать это было не обязательно, и даже если кто-нибудь попробовал бы им это объяснить, ничего бы не вышло, собственной воли у них практически не было.

Николай отправил на разведку сразу трех крабопауков и жнеца с командой не вступать в бой. Можно было бы отправить только жнеца, но отслеживать его было почти невозможно даже для такого опытного пастуха, как Николай, да и инстинкты убийцы могли сыграть с ним злую шутку.

Несколько раз крабопауки возвращались, обозначая опасность, и, следуя их меткам, отряд быстро двигался к выходу на следующий этаж. Джунгли из неизвестных деревьев покрывали почти все стены, и тусклый свет их цветков давал достаточно освещения, чтобы не снижать скорости движения.

Однако как только они высыпали всей толпой на лестничную клетку, недостаток освещенности стал критично заметен. Электричества на лестнице не было, и светодиодные лампы бесполезно чернели в углублениях на стенах. Было настолько темно, что даже отличавшиеся прекрасным инфракрасным зрением зооморфы шли буквально наощупь.

Поднявшись на тридцать четвертый этаж, они столкнулись с неожиданно большой толпой зомби, выбежавшей в коридор из боковых лабораторий. Контролеров в толпе видно не было, так что было решено разделаться с зараженными врукопашную, не тратя времени и боеприпасов.

Крабопауки двинулись навстречу толпе как живые тараны: по полу и стенам. Каждый взмах клешни убивал или полностью обезвреживал зараженных. Александр даже с восхищением увидел, что Николаю удалось заставить крабопауков питаться прямо на ходу, откусывая части тел, крабопауки не просто отрывали их, но и пережевывая, проглатывали. Толпа таяла с каждой минутой, и Алексей еще раз восхитился четким управлением стадом, которое показывал Николай.

В конце тридцать четвертого этажа они нашли шахту лифта, по которой спускались вниз. Она перекрывалась противопожарным бронещитом снизу, а сверху была свободна на несколько этажей. Нырнув в шахту и вновь посадив слизней верхом на крабопауков, они помчались вверх, пробегая этаж за этажом. Хотя с точки зрения Александра, пролетая. Он был единственным, кто мог летать в группе, Николай предпочитал ездить на питомцах верхом, а ни у кого в стаде крыльев не было.

Они поднялись на несколько этажей, как вдруг Николая передернуло и он вместе со всеми питомцами резко остановился. Александр подлетел к нему и, ухватившись за какую-

то лестницу, посмотрел на него.

— Что за бред. — Николай помотал головой несколько раз. — Этого не может быть, но все-таки я чувствую ее.

— Кто-то из питомцев почуял детей?

— Хуже, гораздо хуже. Вернемся на этаж ниже, надо кое-что проверить. Извини, если что не так. — Александр молча кивнул и опустился к двери этажа, которую уже открывали косари.

Напротив двери лифта значилась цифра двадцать восемь, а значит, они пока поднялись только на пять этажей. Группа зараженных сидела за пуленепробиваемым стеклом и скребла по нему когтями, оставляя длинные царапины. Николай выстроил питомцев в две равные группы по обе стороны от них, но отправлять вперед не спешил.

— Что делаем? — Александр заинтересованно рассматривал озабоченного какой-то новой проблемой Николая.

— Ждем минуты три, не больше. — Николай чуть покачивался из стороны в сторону, то скрещивая руки на груди, то заводя их за спину. — Сейчас либо меня подводит чутье, и я не различаю питомцев, либо...

В это мгновение из-за угла появилось размытое пятно здорового косаря, вполне тянувшего по размерам на королеву. Быстро перебирая лапами, она бежала по стене и чуть не вломилась в оборонительные порядки выстроенные Николаем, затормозив в последний момент.

— Ну, здравствуй, неблагодарная. — Николай прыгнул на пытающуюся слиться со стеной королеву и ухватил ее за один из толстых усиков, прижатых к голове. Королева вздрогнула, спустилась на пол и раскрыла грудную клетку. — Не желаешь поздороваться с начальством?

Александр был в ступоре, прямо перед ним в биокапсуле плавала Марина, подчиненная Николая и его собственная бывшая соратница. Она была жутко травмирована, однако быстро восстанавливалась. Сейчас она смущенно улыбалась и, вероятно, пыталась перехватить обратно контроль королевой, но сопротивляться воле прирожденного пастуха не мог ни один питомец.

— Говорить можешь? — Александр подошел к ним вплотную и внимательно рассматривал Марину. Раны были не просто серьезные, смертельные. Ей нужно было как можно скорее возвращаться в лагерь и проходить полноценное лечение.

— Мне кажется, или она тебя не послушалась? — Марина что-то пыталась сказать внутри биокапсулы, но только пускала пузырьки. — Молчи уж. Кивай и мотай головой, а мы попробуем задавать тебе односложные вопросы.

— И вопрос первый, — перебил Александра Николай. — Ты реально дура? Какого рожна ты тут делаешь?

— Второй вопрос неоднозначен, так что пока остановимся на первом. — Марина все также улыбаясь, несколько раз энергично кивнула головой. — Тут мы с тобой полностью согласны. Ты одна? — Марина подумала секунду и снова кивнула. — Детей видела? — На этот вопрос Марина помотала головой из стороны в сторону.

— Итак, мы имеем одинокую дуру, не видевшую на своем пути детей. — Александр не выдержал и прикрыл лицо рукой. — Хорошо, этажи проходила подряд? — Марина снова отрицательно помотала головой.

Николай некоторое время стоял, молча наблюдая за диалогом Марины и Александра,

все время держа покорную королеву косарей за усик, чтобы Марина не убежала.

— Сейчас я начну перечислять этажи, — продолжил допрос Александр. — А ты кивай, если их проверила и мотай головой, если оставила без осмотра.

Выходило, что Марина осмотрела этажи с первого по пятый и с двадцать пятого по двадцать восьмой. Довольно быстро пробежала, учитывая, что они сами в комплексе находились не так долго.

— Остается проверить двадцать этажей. — Александр продолжил. — Многовато, но если быстро будем двигаться, то часов за пять последовательно проверим все.

— Подожди минутку. — Николай потер шею, не отпуская усика королевы из руки. — Есть предложение сделать все в разы быстрее. Я разделю питомцев на двенадцать групп, в каждой по крабопауку и двум жнецам, еще три группы возьмем мы с вами. Итого получится пятнадцать отрядов. Сможем проверить каждый этаж из двадцати меньше, чем за полчаса.

— А если нарвемся на серьезное сопротивление?

— Тогда один из жнецов или мы сами возвращаемся на пятнадцатый этаж. Я каждого из них помечу так, чтобы не перепутать этажи.

— А если дверей в лифте на этом этаже не будет? Сам же видел, какая дурацкая тут система, да еще и шахта перекрывается спонтанно.

— Тогда заходим с ближайшей группой, а потом идем осматривать свой этаж.

— Идея неплохая, только Марина, как видишь, не очень довольна.

Марина и правда была мрачнее тучи. Даже привычная полуулыбка не могла обмануть друзей, которые давно ее знали и видели в самых разных состояниях.

— Чувствую, Марин, ты хочешь сделать какую-то жуткую глупость. — Марина нехотя медленно кивнула. — При этом считаешь, что это очень важно. — Теперь кивок был быстрым и гораздо более энергичным. — А на детей тебе плевать? — отрицательно помотав головой, Марина опустила голову и закрыла глаза. — Сначала, дорогая, мы спасем выживших, затем соберем большой отряд, я лично отправлю запрос на помощь спецотряда туннельных крыс, и мы зачистим этот гадюшник сверху донизу. Обещаю тебе. Согласна? — Марина медленно кивнула, и Александр удовлетворенно кивнул ей в ответ.

— Значит, решено. Коля, я только предлагаю не делить прямо всех питомцев. Давай мы все втроем пойдем одной группой и возьмем с собой еще жнеца и крабопауков парочку, ну и до кучи косарей шестерых. С нашей скоростью мы мигом просмотрим несколько этажей, начиная с пятнадцатого, например, вверх. А потом вернемся на пятнадцатый и получим доклады от вернувшихся, и примем меры, если они понадобятся, и мы не найдем выживших раньше.

— Не возражаю. Сейчас раздам ориентиры, и можем выдвигаться. — Николай присел на панцирь одного из крабопауков и, поочередно подзывая к себе питомцев из стада, наносил им ферменты, помечая каждого, распределяя по группам и раздавая задачи. Задача, элементарная для человека, требовала достаточно подробных инструкций для питомцев: что искать, где и куда вернуться, что делать, если нашел и если встретил сопротивление. На каждую предусмотренную проблему Николай давал набор решений.

Спустя десять минут все стадо разбилось по группам, дистанцировавшимся друг от друга. В каждой группе было по крабопауку и двум косарям. Основная задача — найти выживших зооморфов, по возможности, в стычки не ввязываться, если бой неизбежен, возвращаться.

Николай поднялся, осмотрел еще раз свое стадо, затем питомцы вздрогнули и

нестройной колонной побежали к лифтовой шахте. Возле них осталось небольшая группа питомцев, достаточная для серьезной стычки, и хотя наибольшую опасность среди питомцев представлял жнец, по сравнению с Александром или Мариной он был не опасен. Как только последний косарь скрылся в шахте, от стены отошел Александр.

— Выдвигаемся, Коля, ты замыкаешь, я впереди. Марина, ты в центре и отвечаешь за устранение угроз как спереди так и сзади. Готовы? — Марина и Николай кивнули. — Пошли за мной.

Александр легко впорхнул в шахту лифта и резко набрал высоту, наблюдая за тем, как питомцы вскрывают двери и проникают на этажи. В паре мест мгновенно началась стрельба, но тут же затихла. Сопротивление было не сильным. Вскоре Марина нагнала его, и Александр пулей поднялся на пятнадцатый. Дождаясь остальных, он в очередной раз накормил носителя останками зараженных.

Жнец и Марина поднялись на этаж практически одновременно. За ними верхом на крабопауке поднялся Николай, группа косарей и еще один крабопauк замыкали колонну. Как только последний питомец поднялся, Александр побежал вперед, экономя силы симбионтов и свои собственные. Марина на шести лапах легко догнала его, но встала в ступор, как только они повернули к лестничной клетке на четырнадцатый этаж. Оглянувшись на Марину, Александр понял все без слов.

— Вниз! Быстро. — Свежий запах крови и пота явно говорил, что здесь были зооморфы, но не только они, были здесь запахи машин и людей. Ситуация стала накаляться, когда на шестнадцатом этаже кроме кучи трупов зараженных они наткнулись на разрушенного колесного дройда. Очевидно, что не только зараженные представляли в этих заброшенных руинах опасность. Киберы преследуют соплеменников или вольные, Александру было без разницы, они представляют угрозу и он должен ее устранить.

Семнадцатый этаж Александр пролетел, не касаясь пола. Оставляя немногочисленных зараженных на Николая, он не оборачивался до тех пор, пока не влетел на восемнадцатый. Здесь всюду шел бой между толпой зараженных с одной стороны и киберами с дройдами с другой. Подлетев к потолку и не увидев ни одного живого, кроме киберов, он постарался пролететь над головами.

Мощный взрыв сотряс сооружение до основания. Многие зараженные попадали на пол, и в наступившей после гула на мгновение тишине стало слышно шипение десятков открывающихся дверей. Вероятно, это была механическая защита на случай землетрясения. Сотни зараженных, ранее запертых в ответвлениях и коридорах, стали свободны.

Киберы, верно оценившие новую появившуюся угрозу в лице Александра, отреагировали почти моментально, переключив огонь с зараженных на него. Несколько дройдов продолжало вести беглый огонь по зараженным, в то время как трое упакованных по самому последнему слову техники кибера сосредоточили огонь на Александре. Пока ему удавалось маневрировать, отталкиваясь в полете от стен, но огонь был чрезвычайно плотным.

Наибольшую угрозу представлял здоровенный кибер с наплечной пушкой и рельсовым ускорителем вместо руки. К счастью для Александра, у этого кибера был сбит прицел или были какие-то другие существенные проблемы, в общем, он мазал там, где промазать не должен был ни при каких обстоятельствах. Чудом увернувшись от двух выстрелов подряд и поливая киберов кислотой, Александр понял, что в третий раз ему может и не повезти, и решил сыграть ва-банк.

Резкими прыжками меня направление полета каждую секунду, он пошел врукопашную, ворвавшись между киберами и с ходу разрубив автомат одного из них. Стрелять в рукопашной было опасно для самих киберов, и Александр в первые секунды успешно кидал их друг на друга, избегая попаданий в перекрестия их прицелов.

К сожалению, одним из киберов оказался рукопашник в легком, но прочном костюме, обеспечивающем невидимость носителю. Так называемая тень практически сразу переключилась с огнестрела на вибрационный клинок, что сводило на нет преимущество Александра и, будь тень полностью в боевой готовности, шансов бы у него не было. Но очевидно, ей тоже досталось очень сильно, движения были скованными, скорость тени быстро падала.

Александр быстрыми взмахами меча держал всех трех киберов в постоянном напряжении, когда же они пытались разойтись, чтобы взять его на мушку, не боясь поранить друг друга, он резко выходил из воображаемого треугольника за спину одному из противников.

В очередной раз скрестив мечи с тенью, он пнул наиболее бесполезного кибера ногой и, поднырнув под руку живого танка, опрокинул его на тень, вскочил ему на спину и резко ударил клинком по голове тени, которая, уворачиваясь от собственного союзника, была вынуждена отскочить в сторону. Тень отбила этот выпад клинком вниз, на что и рассчитывал Александр, подавшись вперед. Клинок вошел в костюм с легким трескающим звуком в том месте, где у нормальных людей должно было быть сердце.

Однако вместо того, чтобы быстро и почти безболезненно умереть, тень схватила его за руку обеими своими руками, и Александр скорее почувствовал, чем услышал, как она приказывает напарникам открыть огонь. Оглянувшись, он увидел медленно разгорающийся свет внутри рельсовой пушки кибера танка, смотрящей ему прямо в лицо. Александр даже успел усмехнуться про себя, кажется, это его сейчас настигнет быстрая и почти безболезненная смерть.

Внезапно кибер подался вперед и вверх, по инерции разводя руки в стороны, а затем упал перед Александром на колени, из его груди торчало два прозрачных алмазных лезвия жнеца. Резко вытащив лапы-клинки из груди кибера, жнец, от которого виднелись только покрытые кровью клинки, скрестил их на шее кибера.

Последним, перед тем как мир погрузился в темноту, Александр увидел, как в коридор врывается Марина, по дороге разрывающая на куски случайного зараженного попавшегося ей на пути. Позади нее виднелись крабопауки, на одном из которых ехал Николай.

Затем мир погрузился во тьму, все исчезло в электромагнитной волне, пришедшей откуда-то снизу. Симбионты Александра пришли в себя не сразу, но значительно быстрее, чем окружающие. Живой шлем, усиливающий запахи и преобразующий различные излучения в видимый человеком диапазон, передал информацию прямо в мозг Александра, и он смог оценить картину.

Два из трех кибера были мертвы, электромагнитный импульс вывел из себя их системы жизнеобеспечения и наномашины в их крови, а их повреждения были несовместимы с жизнью.

Третий кибер был жив, хотя и лежал на полу, скрючившись от боли. Судя по тепловому контуру, это была девушка. В бою с Александром ей досталось не сильно, он лишь разрубил ее оружие да пнул пару раз. Внутренние органы были почти не повреждены.

— Марина, возьми этого кибера под арест, мы сохраним ей жизнь, до тех пор, пока она

не представляет угрозы. Кто-то же должен ответить на суде за этот бардак. — Марина, уже занесшая над девушкой клинок королевы для удара, нехотя опустила его. — Пока зараженные не начали просыпаться, быстро двигаемся вперед. Я все еще чувствую их запах, два зооморфа здесь были не больше, чем пятнадцать минут назад.

— Согласен. Не задерживаемся, лети вперед, мы тебя догоним. — Николай махнул рукой, и Александр, коротко кивнув, взлетел.

Узкие коридоры не давали возможности лететь с той скоростью, что он хотел, но даже в таких условиях он развивал больше пятидесяти километров в час. Преодолев остатки девятнадцатого этажа и лестничную площадку за пару минут, Александр вылетел в огромное полностью темное помещение, заваленное телами зараженных.

Зараженные уже поднимались, ужасающее свойство наномашин к последовательной перезагрузке после электромагнитных взрывов было одной из причин, почему зооморфы, называвшиеся тогда еще объединенным военным штабом ШОС, не смогли победить в самом начале войны. Здесь же зараженные вставали слишком быстро, обычно после такого им требовался час или два на восстановление, а не пять минут.

Сделав круг по залу на максимальной скорости, Александр без труда нашел искомое: женщина, держащая на спине ребенка, была окружена тремя мужчинами и каким-то светящимся существом. Правда, женщина не была безоружна, а мужчины и вовсе стояли к ней спиной, но это не меняло задачи, Александр их нашел, теперь надо было их спасти. Уцепившись рукой за остатки кабеля, свисающего с потолка, он замер прямо над группой.

Свет загорелся неожиданно не только для него. Один из мужчин громко выругался. Все трое стояли, оцетинившись в разные стороны автоматами, двое постарше, и один лет тридцати пяти- сорока. Одеты абсолютно по-разному, вооружены чем придется. И главное, от них совсем не пахло вольными, только страхом и кровью, своей и чужой.

Присмотревшись, Александр понял, что ни у кого из них нет бронебойного или тяжелого вооружения, только противопехотное, которое в случае попадания выдержит даже самый слабый из сегментов его брони. Группу со всех сторон окружали зараженные, и Александр просто опустился с потолка, не замеченный до последнего мгновения.

Младший из мужчин резко обернулся на стрекот крыльев и тут же лишился автомата, разрезанного почти пополам. Александр уже скрестил ноги, чтобы быстрым разворотом разрубить всех троих, как к его сознанию дотянулся мальчик. Малец отдал приказ остановиться симбионтам Александра напрямую, и тот замер, пересиливая этот приказ больше секунды, за которую ситуация изменилась.

С одной стороны в хорошо освещенную комнату с девятнадцатого этажа ворвались Николай с питомцами и Мариной. Одна из смежных с лестничной клеткой стен раскрылась, и из грузового лифта высыпался большой отряд в мобильной броне, сопровождаемый двумя десятками дроидов. Поднимающиеся с пола зараженные не атаковали войска в мобильной броне и дроидов, а грамотно прикрывали их, расступаясь при атаке.

Александр такое уже видел, и не один раз. Тактика живых берсеркеров муравейника, пожалуй, самая безжалостная и страшная тактика, которую Разум применял для лобовых атак на всех фронтах до того, как у зооморфов появилось колоссальное численное преимущество в живой силе.

И хотя сейчас они были отрезаны от своих подкреплений, сейчас было уже далеко не начало войны. Крабопауки врубались в строй дроидов как живые тараны, они не обращали внимания на легкие ранения и рвались уничтожить мобильные доспехи.

Следом за Николаем в помещение забежали почти все питомцы, которых они с собой привели, не хватало всего трех пауков и полдесятка косарей. Костяк питомцев пробивался к мобильным доспехам, слизи смогли с первых секунд уничтожить три доспеха из двадцати, расплавив их кислотой.

Николай руководил атакой хладнокровно и расчетливо, так, чтобы они не только победили сейчас, но и смогли без проблем выбраться на поверхность. Раненые крабопауки быстро отступали, сменяясь на свежих, косари, будучи пушечным мясом, скакали по всему полю боя, уничтожая мелких дroids и зараженных.

Существенный вклад вносил жнец. На огромной скорости он прыгал со стен на мобильные доспехи, и нанося непоправимый урон, скрывался в толпе зараженных, нападая в следующий раз с другой стороны. И именно он стал первой серьезной потерей. Один из мобильных доспехов крутанулся вокруг себя и выстрелил из гранатомета, казалось, в пустоту, однако стена, в которую должен был врезаться снаряд, взорвалась морем брызг, залил пол и потолок прозрачной слизью.

Тут и там зараженные стали вылавливать косарей, набрасываясь на них по двадцать человек на одного. Крабопауки держались, стойко перенося повреждения, и даже сравняли счет с мобильными доспехами, уничтожив больше половины, больше им сделать не удалось, как только крабопаук приближался к мобильному доспеху, его заваливало толпой зараженных, которые связывали все его действия, и мобильные доспехи уничтожали крабопауков прямой наводкой.

Кульминацией стала волна зомби, спустившаяся с верхних этажей. Они атаковали оставшихся в тылу слизней, оставшихся без прикрытия. Те отчаянно сражались, поливая нападавших кислотой и оставляя огромные лужи, растворяющие бетон и плоть, однако количество зомби просто зашкаливало. В конце концов, все слизи оказались просто завалены телами, и один за другим взорвались, заливая десятки квадратных метров и сотни зараженных кислотой.

Это был конец.

Путь к отступлению был отрезан, толпы противников только прибывали, и Николаю с Мариной пришлось отступить к центру комнаты под прикрытием трех оставшихся крабопауков. Александр посмотрел на поле боя, кажется, выхода не было. Выпустив меч на максимальную длину, он поднялся в воздух.

— Нужно захватить лифт и выбираться на поверхность.

Александр только хмыкнул: захватить лифт, который контролирует искусственный интеллект, без специализированного оборудования и под плотным огнем нереально. Затем его взгляд упал на захваченного кибера, которая была привязана к спине Марины прочной паутиной. Женщина была в сознании, но глубоко подавлена.

— Эй, подруга? Марина, расшевели ее, — Марина быстрым движением подняла девушку на ноги и приставила лезвие к шее. — Жить хочешь?

— Я хочу, — внезапно отозвалась девчушка, прячущаяся до этого за спиной младшего из бойцов. Она прямо вся светилась, и женщина-кибер внезапно оживилась.

— Я помогу вам, если вы сохраните жизнь нам обеим.

Александр почти не задумывался.

— Обещаю тебе справедливый суд и депортацию в твое государство, если приговор не будет смертельным. С ней, думаю, будет сложнее. — Кибер тут же кивнула. — Отлично, пробиваемся к лифту!

Николай и Марина были отличными солдатами, и хотя профилем Николая было все же управление стадом, он имел неплохие симбионты и, как и все зооморфы, родившиеся после начала войны, с детства обучался военному делу. Марина была не так сильна, как когда она была в человеческом обличии, увешанном симбионтами, но на всю катушку использовала силы королевы. Вместе они почти расчистили коридор до лифта, и только последние три мобильных брони не давали им пробиться к заветному входу.

Александр не собирался оставлять все на других, он взмыл к потолку, отвлекая огонь на себя, а затем выстрелил по дальней броне из сколопендры. Боеприпасы объемного взрыва плохо подходили для уничтожения бронированных целей, но Александру и не нужно было их уничтожать, только вывести из строя. Броня упала на спину и, пока пыталась подняться, Александр, пролетая, подрезал ее сервомоторы.

Вторую броню разделали крабопауки, набросившись поверх голов зараженных, последнюю поразил точным выстрелом один из мужчин из непонятно откуда взявшегося одноразового гранатомета.

— Последняя заначка, — устало улыбнулся он на удивленные взгляды, не сбавляя при этом темпа бега. Группа ввалилась в лифт, окруженная со всех сторон зараженными.

— Не подведи, сестрица, — Обратилась одна женщина к другой. Киберша, не откладывая, воткнула в панель лифта провода, идущие от шлема, но дверь никак не хотела закрываться. Александр летал над толпой зараженных, разрезая тянущиеся к нему руки и пальцы и стреляя кислотой в дройдов, которые прятались в толпе и поливали его пулеметным огнем.

Одна из пуль задела радужное крыло, и он понял, что пора заканчивать. Сделав полукруг, он опустился у входа в лифт, который обороняли все, кто еще мог держать оружие. Они удерживали зараженных на расстоянии всеми доступными способами. Марина, у которой закончилась кислота, заставила королеву пожирать одного из зараженных, не отрываясь от того, чтобы бить остальных длинными серповидными когтями. Николай отбивался клинком, совершая резкие выпады и быстрые отступления. Мужчины, экономя боеприпасы, стреляли одиночными выстрелами, выцеливая самых крупных и одетых в защитные костюмы зараженных.

Светящаяся девушка медленно поднялась из за спины зооморфки и, отодвинув кибершу, засунула ладонь в щиток лифта, загорелась еще ярче. В лифте сначала потух свет, а затем медленно начали работать моторы, и лифт, не закрывая двери, начал подниматься.

— Все внутрь! — Александр заскочил в лифт, увлекая за собой Николая и Марину, дерущихся врукопашную. Лифт медленно поднимался, но в последнее мгновение он оказался выше голов зараженных. Лежащая на полу мобильная броня пустила прощальный подарок в виде противопехотного снаряда, который разорвался внутри лифта.

Двое из мужчин упали, пораженные осколками, но живые, женщины среагировали почти синхронно, закрывая своими телами подростков. И если у киберши в броне повреждений почти не было, то зооморфка получила несколько ран, ни одна из которых, к счастью, не была смертельной.

Александр затравленно огляделся, в медленно ползущем вверх лифте было десять человек и два крабопаука. Боеспособны были трое, максимум четверо. Единственная надежда на то, что они спокойно поднимутся на первый этаж и выберутся на поверхность была призрачной, было видно, с каким усилием девушка заставляет лифт двигаться.

— Давайте представимся, чтобы у нас не было путаницы.

Глава 14. Финал

Кирилл неуверенно стоял на ногах, все еще не восстановившись после потери руки. Их с Анастасией определили в пару под защиту Николая и его питомцев.

Лифт с огромным трудом удалось поднять до седьмого этажа. Как только все вышли, Анастасия упала без сил и больше в сознание не приходила. Лифт же почти мгновенно закрыл двери и умчался куда-то вниз, очевидно, за новой партией врагов, которых и так хватало.

Борис и Евстафий были тяжело ранены, несмотря на легкие бронежилеты. Сейчас они оперевшись друг на друга, медленно брели вдоль коридора, ведущего к лестничной площадке наверх. Денис, что-то втолковывающий Некии, шел чуть позади. Замыкали процессию Оксана, Марина и Александр. Александр отдал Оксане своего плевателя, и теперь после каждого выстрела из сколопендры отдавал ей кусок от лежащих трупов зараженных.

Они постоянно отбивались от небольших групп зараженных, поднимавшихся с нижних этажей. Пока нападавших было не много, и они продвигались без происшествий, поднявшись на шестой этаж, до поверхности оставалось подать рукой, когда атаки зомби стали значительно ожесточеннее.

Вероятно, толпа с двадцатого этажа начала добираться до верхних этажей, поэтому им пришлось ускориться. Николай посадил Кирилла на одного из крабопауков, на второго сел сам и взял на руки Анастасию.

Теперь, когда на всех этажах горело освещение, стало видно, в какое запустение за долгие годы пришел подземный комплекс, но он быстро восстанавливал свою работоспособность. Несколько зарядов кислоты полетело в заработавший проектор, когда на нем внезапно начал воспроизводиться какой-то ролик. На шестом этаже их встретило всего несколько зараженных, и их уничтожили, не тормозя движения. На пятом их ждал Гектор.

Гектор стоял посередине коридора в окружении десятка зараженных, крепко расставив ноги и прикрывшись штурмовым щитом, оставленным Ксерксом. В руках у него была 20мм автоматическая пушка.

— Стойте, вы не покинете этот комплекс. Все, что находится внутри, должно быть проанализировано и квалифицировано.

Отвечать ему не стала даже Некия, Николай просто послал напролом своих крабопауков, и они быстро поползли по стенам, обходя Гектора с двух сторон. Александр, используя потерю внимания, атаковал его в лоб. Это было большой ошибкой для всех.

Стены провалились внутрь, высвобождая толпу зараженных, буквально завалившую маленький отряд. Николая, Кирилла и Анастасию отрезало от остальных по крайней мере пятидесяти зараженных.

— Коля, выводите детей! Это приказ! — раздался где-то за толпой зараженных зычный крик Алексея, заглушаемый выстрелами автопушки.

— Держи, парень! — Николай сунул Кириллу в единственную руку Анастасию. — Теперь ты за нее отвечаешь. Приведи подмогу. Вперед!

Николай хлопнул по панцирю крабопаука и кинулся со вторым крабопауком в толпу, раскидывая зараженных и разя их кислотой и клинком.

Кирилл в бессильной ярости прижимал к груди Настю. Крабопаук быстро несся, обходя

преграды и часто меняя потолок и пол, чтобы не снижать скорость. Они без проблем проскочили несколько этажей, было видно, что кучи трупов, оставленные при спуске Мариной, сейчас их спасали. До поверхности оставался всего один этаж, когда в стене раскрылась маленькая дверь и из нее вышла стальная женщина. Она не была кибером в доспехах, она была чистым роботом, грудная клетка, прикрытая декоративными панелями, просвечивала насквозь.

Робот взмахнул руками, из которых тут же полились потоки свинца, встроенные в кисти пулеметы не могли навредить крабопауку, но легко могли убить его наездников. Резко сбросив седоков и встав на дыбы, крабопаук, прикрывая своей броней детей, набросился на робота.

Железяка оказалась чрезвычайно шустрой, и не планировала драться с крабопауком, взлетев в воздух, она перескочила через питомца и бросилась на Анастасию. Крабопаук развернулся на месте одним движением и схватил ее клешней за ногу, раздался громкий скрежет сминаемого железа.

Робот, поваленный на пол, повернулся к крабопауку и выпустил ему в морду длинную очередь. В тот момент, когда из груди робота вырвался синий шар плазмы, ударивший крабопауку в голову, Кирилл ударил робота своим клинком в шею. Твердый металл легко подался под напором клинка, покрытого кислотой, и спустя секунду голова робота уже лежала отдельно.

Кирилл с трудом встал, посмотрел на обуглившееся тело крабопаука и, повернувшись, увидел, что Анастасия очнулась.

— Ты только что меня спас. — В ее хриплом голосе и больших фиолетовых глазах читалась искренняя благодарность.

— Еще нет. Можешь идти? — Настя кивнула. — Тогда пойдём. Осталось метров двести, нам очень нужно позвать подмогу.

Они оперлись друг о друга и пошли настолько быстро, как только могли. Освещенные коридоры закончились, и в конце был виден свет восходящего солнца. Они спешили на свежий воздух как только могли. Кирилл украдкой посмотрел на Анастасию и увидел, как она улыбается: уставшая замученная девушка улыбалась солнцу.

Не сговариваясь, они упали, как только выбрались из комплекса, и сели у входа прижавшись к стене спинами. Возле входа их ждал огромный голиаф, и Кирилл улыбнулся ему как спасению, голиаф должен был знать путь до заставы, а значит, скоро они приведут подмогу.

Внезапная жуткая усталость навалилась на Кирилла, так что он не смог не закрыть глаза. Последним, что он видел, была полупрозрачная фигура, опустившаяся рядом с ними на корточки.

— Как же я тебя заждался, девочка. Ты заставила всех нас понервничать. А теперь полетим к остальным, ты даже не представляешь, сколько всего тебе нужно узнать.

Кирилл пытался протянуть к фигуре руку, но, закрывая глаза, лишь увидел, как Анастасию уносят на руках. Проваливаясь в забытие, он чувствовал горечь.

Больше книг на сайте - Knigolub.net